

International Journal
SOCIO-HUMANITARIAN
REVIEW

IJSHR

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

2
2018

No 2

IJSHR

2018

Editorial Board

S.N. Baburin,

doctor of law, professor
(Russian Federation)

E.P. Bazhanov,

doctor of historical sciences, professor,
honored worker of science
(Russian Federation)

I.S. Barchukov,

doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

V.K. Baturin,

doctor of philosophical sciences, candidate
of pedagogical sciences
(Russian Federation)

V.Y. Belsky,

doctor of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

Y.B. Borev,

doctor of philology,
candidate of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

V.N. Buzin,

candidate of sociology
(Russian Federation)

G.A. Vasilevich,

doctor of Law, professor
(Republic of Belarus)

R.B. Gandaloev,

candidate of political sciences
(Russian Federation)

D.I. Gryadovoy,

candidate of philosophical sciences, associate professor
(Russian Federation)

D.D. Dolidze,

doctor of medical sciences
(Russian Federation)

A.L. Zolkin,

doctor of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

L.A. Kazantseva,

doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

R. Kvarackheliya, doctor of law

(Georgia)

A. Kiknadze, doctor of politology

(Georgia)

A.A. Laskin,

doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

A.A. Lebedev,

doctor of philology
(Russian Federation)

V.A. Lepekhin,

the director general of the EurAsEC Institute
(Russian Federation)

L.A. Nikitich,

doctor of philosophical science, professor
(Russian Federation)

L.M. Preygerman,

doctor of physical and mathematical sciences, professor
(Israel)

A.A. Rean,

doctor of pedagogical sciences, professor,
honored worker of Science, corresponding
member of RAO
(Russian Federation)

V.F. Rodin,

doctor of pedagogical sciences, professor
(Russian Federation)

A.P. Sadokhin,

doctor of cultural sciences,
candidate of philosophical sciences, professor
(Russian Federation)

B.A. Spasennikov,

doctor of law,
doctor of medical sciences, professor
(Russian Federation)

A.M. Stolyarenko,

doctor of pedagogical sciences, doctor of psychology,
professor, honored worker of Russian higher school
(Russian Federation)

D. Skhirtladze,

doctor of medicine
(USA)

L.N. Tepman,

doctor of economic sciences, professor
(Israel)

Z.T. Toshchenko,

doctor of philosophical sciences, professor,
corresponding member of the Russian Academy of sciences
(Russian Federation)

T.Y. Fhakadze,

doctor of medical sciences
(Russian Federation)

I.T. Chariev,

doctor of pedagogical sciences, professor,
Academician of the IASP
(Republic of Kazakhstan)

N.M. Chepurnova,

doctor of law, professor, honoured lawyer
of the Russian Federation
(Russian Federation)

G.S. Chovdyrova,

doctor of medical sciences, doctor
of psychology, professor (Russian Federation)

L. Sharvadze,

doctor of medicine
(Georgia)

A.A. Shirinyants,

doctor of political sciences, candidate of philosophical
sciences, professor of faculty of political science of MGU
(Russian Federation)

N.Y. Shtrecker,

doctor of pedagogical sciences, candidate
of philology, professor
(Russian Federation)

N.D. Eriashvili,

candidate of historical sciences, candidate of law,
doctor of economic sciences, professor
(Russian Federation)

Редакционная коллегия

С.Н. Бабурин,

доктор юридических наук, профессор
(Российская Федерация)

Е.П. Бажанов,

доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
(Российская Федерация)

И.С. Барчуков,

доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

В.К. Батулин,

доктор философских наук, кандидат
педагогических наук (Российская Федерация)

В.Ю. Бельский

доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

Ю.Б. Борев,

доктор филологических наук,
кандидат философских наук, профессор
(Российская Федерация)

В.Н. Бузин,

кандидат социологических наук
(Российская Федерация)

Г.А. Василевич,

доктор юридических наук, профессор
(Республика Беларусь)

Р.Б. Гандалоев,

кандидат политических наук
(Российская Федерация)

Д.И. Грядовой,

доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

Д.Д. Долидзе,

доктор медицинских наук
(Российская Федерация)

А.Л. Золкин,

доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

Л.А. Казанцева,

доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

Р. Кварацхелия,

доктор юридических наук
(Грузия)

А. Кикнадзе, доктор политологии

(Грузия)

А.А. Ласкин,

доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

А.А. Лебедева,

доктор филологических наук
(Российская Федерация)

В.А. Лепехин,

генеральный директор Института ЕвразЭС
(Российская Федерация)

Л.А. Никитич,

доктор философских наук, профессор
(Российская Федерация)

Л.М. Прейгерман

доктор физико-математических наук, профессор
(Израиль)

А.А. Реан,

доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
член-корреспондент РАО
(Российская Федерация)

В.Ф. Родин,

доктор педагогических наук, профессор
(Российская Федерация)

А.П. Садохин,

доктор культурологии, кандидат
философских наук, профессор
(Российская Федерация)

Б.А. Спасенников,

доктор юридических наук, доктор
медицинских наук, профессор
(Российская Федерация)

А.М. Столяренко,

доктор педагогических наук, доктор
психологических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ
(Российская Федерация)

Д. Схиртладзе,

доктор медицины
(США)

Л.Н. Тепман,

доктор экономических наук, профессор
(Израиль)

Ж.Т. Тощенко,

доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент РАН
(Российская Федерация)

Т.Я. Фхакадзе,

доктор медицинских наук
(Российская Федерация)

И.Т. Чариев,

доктор педагогических наук, профессор,
академик МАНПО
(Республика Казахстан)

Н.М. Чепурнова,

доктор юридических наук, заслуженный
юрист РФ, профессор
(Российская Федерация)

Г.С. Човдырова,

доктор медицинских наук, доктор
психологических наук, профессор
(Российская Федерация)

Л. Шарвадзе, доктор медицины

(Грузия)

А.А. Ширинянц,

доктор политических наук, кандидат философских наук,
профессор факультета политологии МГУ
(Российская Федерация)

Н.Ю. Штрекер,

доктор педагогических наук,
кандидат филологических наук, профессор
(Российская Федерация)

Н.Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук, кандидат юридических
наук, доктор экономических наук, профессор
(Российская Федерация)

Chief editor

V.Y. Belsky,

doctor of philosophical sciences,
professor

Science Editor

A.L. Zolkin,

doctor of philosophical sciences,
professor

Responsible for issue

R.B. Gandaloev,

candidate of political sciences

Chief editor of Joint editorial

N.D. Eriashvili,

candidate of historical sciences,

candidate of law, doctor of

economics,

professor, laureate of the Russian

Federation Government prize in

Science and Technology.

E-mail: professor60@mail.ru

Representations

in Russia:

CEO of publishing house

«UNITY-DANA»

V.N. Zakaidze

E-mail: unity@unity-dana.ru

Tel.: +7(499)195-90-36

1 Irina Levchenko,

Moscow, 123298

Tel./fax: +7(499)740-60-14/15

E-mail: unity@unity-dana.ru

in Georgia:

Special correspondent

M.Ya. Nodia

44 A. Kazbegi Avenue, Tbilisi, 0186,

Righteous Georgia

Tel./Fax: +995322421207/08

E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

Registration certificate

433103973

in USA:

3565 Edencroft Road, Huntingdon

Valley, Pennsylvania

D. Skhirtladze, MD, MPH

+12157605939

E-mail:

dr.david.skhirtladze@gmail.com

in Israel:

3, Tze'Elim, Yokneam

L.N. Tepman,

doctor of economical sciences,

professor

E-mail: tepmn32@list.ru

in Republic of Kazakhstan:

30, Gagarin str., Shymkent

I.T. Chariev,

doctor of pedagogical sciences,

professor, academician of the IASP

Tel: +77012608938

E-mail: ergash-39@mail.ru

Edition and external reviewers don't

bear responsibility for quality,

correctness and a correctness

of citing works by authors of articles.

Responsibility for quality, correctness

and a correctness of

citing works are born only by authors

of the published materials.

www.unity-dana.ru

www.niion.org

CONTENTS 2/2018

Materials of a round table

Karl Marx and the modern development of science

To the 200-th anniversary of the birth

V.Yu. Belskiy. 200th anniversary of Karl Marx in the context of the development of global capitalism	5
V.Yu. Belskiy, S.N. Tikhomirov. Philosophical and anthropological ideas of Karl Marx and their implementation in contemporary education	7
Dr. Dimitrios Patelis. The legacy of Karl Marx and modernity: a museum exhibit or Promethean fire? To the 200th anniversary of Karl Marx	13
D.N. Borovinskaya. Essential properties of the creative product as goods	25
A.N. Borozdin. Russia in the civilization doctrines of V.S. Solovyev and L.N. Tolstoy	29
I.A. Gobozov. Karl Marx — great thinker and revolutionary	35
N.N. Gusev. Machiavellianism as a generic social technology	43
E.S. Zhigarev. Laws of materialistic dialectics and experience of their application in criminology	51
D.G. Lotchakov. Social factors the growth of extremism in modern Russian society	57
S.F. Martynovich, M.O. Orlov. Karl Marx's scientific research: the problems of rationality	63
T.M. Makhamatov, S.T. Makhamatova. Development by K. Marx category of the social spaces and social time	72
V.I. Metlov. Materialism, practice, dialectics	77
A.V. Opalev. Ethics of information security	84
I.V. Polozova. Russian philosophers on culture as a way of spiritual existence of man	88
A.I. Satsuta, I.G. Evseeva. Karl Marx on education	92
I.A. Seleznev. Ideology of islamic extremism in the delinquent environment of Russia, CIS and Western Europe: causes of the spread, challenges and risks	95
A.P. Khavrak, N.V. Nikolaeva. Transformation of family and family values in the minds of modern youth	101
A.P. Khavrak, N.V. Nikolaeva. The place and origins of the formation of dialectical ideas in the philosophy of Friedrich Engels	106
M.M. Chepel. Monetarism and mercantilism in the role of the economic doctrine	108
D.V. Shikunov. Program guidelines and ways of solving actual problems in the program of candidates for president of the Russian Federation	113
A.A. Shirinyants. Marxism on Russian soil: social-democratism of G.V. Plekhanov	122

Главный редактор

В.Ю. Бельский,
доктор философских наук,
профессор

Научный редактор

А.В. Золкин,
доктор философских наук,
профессор

Ответственный за выпуск

Р.Б. Гандалоев,
кандидат политических наук

Главный редактор

Объединенной редакции

Н.Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук,
профессор, лауреат премии
Правительства РФ
в области науки и техники
E-mail: professor60@mail.ru

Представительства

в России:

Генеральный директор
издательства «ЮНИТИ-ДАНА»
В.Н. Закаидзе

123298 Москва,
ул. Ирины Левченко, д. 1
Тел./факс: +7(499)740-60-14/15
E-mail: unity@unity-dana.ru

в Грузии:

Специальный корреспондент
М.Я. Нодия

0177 Тбилиси,
пр. Александра Казбеги, д. 44,
Справедливая Грузия
Тел./факс: +995322421207/08
E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru
Свидетельство о регистрации
433103973

в США: штат Пенсильвания,
г. Хантингдон Вэли,
ул. Эденкрофт Роуд 3565

Д. Схиртладзе,
доктор медицины
E-mail: dr.david.skhirtladze@gmail.com

в Израиле:

Иокнеам, ул. Цеелим, д. 8

Л.Н. Тепман,
доктор экономических наук,
профессор
E-mail: tepmn32@list.ru

в Республике Казахстан:

г. Шемкент, ул. Гагарина, д. 30, кв. 57

И.Т. Чариев,
доктор педагогических наук,
профессор, академик МАНПО
Тел: +77012608938
E-mail: ergash-39@mail.ru

Редакция и внешние рецензенты
не несут ответственности за
качество, правильность и
корректность цитирования
произведений авторами статей.
Ответственность за качество,
правильность и корректность
цитирования произведений
несут исключительно авторы
опубликованных материалов.

www.unity-dana.ru

www.niion.org

СОДЕРЖАНИЕ 2/2018

Материалы круглого стола

Карл Маркс и современное развитие науки

К 200-летию со дня рождения

В.Ю. Бельский. 200-летие Карла Маркса в контексте развития глобального капитализма	5
В.Ю. Бельский, С.Н. Тихомиров. Философско-антропологические идеи К. Маркса и их реализация в современном образовании	7
Димитриос Пателис. Наследие К. Маркса и современность: музейный экспонат или прометеев огонь? К 200-летию Карла Маркса	13
Д.Н. Боровинская. Сущностные свойства креативного продукта как товара	25
А.Н. Бороздин. Россия в цивилизационных доктринах В.С. Соловьёва и Л.Н. Толстого	29
И.А. Гобозов. Карл Маркс — великий мыслитель и революционер	35
Н.Н. Гусев. Макиавеллизм как универсальная социальная технология	43
Е.С. Жигарев. Законы материалистической диалектики и опыт их применения в криминологии	51
Д.Г. Лощаков. Социальные факторы роста экстремизма в современном российском обществе	57
С.Ф. Мартынович, М.О. Орлов. Научные исследования Карла Маркса: проблемы рациональности	63
Т.М. Махаматов, С.Т. Махаматова. Разработка К. Марксом категорий социального пространства и социального времени	72
В.И. Метлов. Материализм, практика, диалектика	77
А.В. Опалев. Этика обеспечения информационной безопасности	84
И.В. Полозова. Русские философы о культуре как способе духовного бытия человека	88
А.И. Сацута, И.Г. Евсеева. Карл Маркс о воспитании и образовании	92
И.А. Селезнёв. Идеология исламского экстремизма в делинквентной среде РОССИИ, СНГ и западной европы: причины распространения, вызовы и риски	95
А.П. Хаврак, Н.В. Николаева. Трансформация семьи и семейных ценностей в сознании современной молодежи	101
А.П. Хаврак, Н.В. Николаева. Место и истоки формирования диалектических идей в философии Фридриха Энгельса	106
М.М. Чепель. Монетаризм и меркантилизм в роли экономической доктрины	108
Д.В. Шикунов. Программные ориентиры и пути решения актуальных проблем в программных документах кандидатов в президенты Российской Федерации	113
А.А. Ширинянц. Марксизм на русской почве: социал-демократизм Г.В. Плеханова	122

Materials of a round table

Karl Marx and the present development of science

To the 200th anniversary of the birthday

Материалы круглого стола

Карл Маркс и современное развитие науки

К 200-летию со дня рождения

200th anniversary of Karl Marx in the context of the development of global capitalism

200-летие Карла Маркса
в контексте развития
глобального капитализма

Вступительное слово
начальника кафедры социологии
и политологии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
доктора философских наук, профессора
Бельского Виталия Юрьевича

В мае 2018 года исполнилось 200 лет со дня рождения великого ученого и революционера Карла Маркса. «В науке, — подчеркивал Маркс, — нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам». Вклад К. Маркса в науку огромен и неоспорим. По данным международных социологических опросов он неизменно входит в число выдающихся ученых, изменивших ход мировой истории. Он открыл материалистическое понимание истории, согласно которому способ производства материальной жизни обу-

словливает социальный, политический и духовный процессы жизни общества.

Чего мы ждем в год 200-летия Карла Маркса как одного из уникальных мыслителей в истории человечества? Как всегда — ответов на самые важные вопросы мироздания. Именно от Маркса и марксизма, поскольку лишь на основе материалистического понимания истории можно адекватно объяснить действие объективных законов развития общества.

Консервативные идеологии, как никогда укрепившие свое положение в мире, при опоре на глобальные финансы и новый мировой порядок,

на страже которого стоит глобальная олигархия, объясняют мир в узкоклассовых охранительных интересах. Задача либеральных идеологий состоит в том, чтобы объяснять мир с позиции как бы свободного человека — свободного потребителя разного рода благ и, разумеется, в тех рамках, в которых это дозволено мировой властью. Марксизм же возник и развивается как идеология масс, в идеале — мировоззрение всего общества, в котором нет разделения на классы, но есть самоорганизация всех в интересах всех и каждого.

Первая попытка марксистов переписать мир в интересах большинства и, соответственно, построить общество нового типа, назвав его социализмом, не привела к всемирной победе марксизма, но результаты налицо, и их нельзя назвать негативными.

Первое в мире социалистическое государство (Советский Союз) рухнуло под тяжестью идеологического романтизма, пришедшего в несоответствие с вызовами глобального капитализма. Вслед за ним рухнул и западный сегмент мировой системы социализма. Мировой капитал подавил и уничтожил силой югославский, ливийский, иракский и иные версии социализма. Но социализм жив. И не только на Кубе, в Северной Корее, Никарагуа или Вьетнаме. Как одна из версий, социализм дает ошеломительные результаты в Китае, уверенно выходящем в мировые экономические лидеры. Социалистические идеи прижились и в Европе под видом «шведского» и прочих социализмов, а также практики социал-реформизма.

Жив и марксизм как научная теория. Разумеется, не в том виде, в котором он превратился к 1970—80-м годам в догму. Он жив как единственно верная методология познания общества, дающая ответы на новые вызовы самых разных версий капиталистического прошлого, настоящего и будущего.

Попытка новой «демократической» (на деле — олигархической) власти, сформировавшейся в России на обломках советского административного квазисоциализма, преодолеть марксизм и социализм как «ошибку», обречена на неудачу уже потому, что кесарю — кесарево. Стремление правящего класса избавиться от советского наследия происходит в нашей стране в то самое время, когда даже самые развитые страны ищут пути выхода из капкана глобального капитализма. В том числе — опираясь на учение Маркса, потому что оно верно.

17 марта 1883 года на могиле Карла Маркса его друг и соратник Фридрих Энгельс произнес пророческие слова: «И имя его и дело переживут века». В 1983 году в Берлине по случаю 165-летия со дня рождения и 100-летия со дня смерти К. Маркса состоялась международная научная конференция, в которой приняли участие 145 делегаций из стран всех континентов.

200-летие Карла Маркса — отличный повод для всей современной, как международной, так и российской научной мысли посмотреть по-новому на глобальный мир и увидеть в нем лакуны того действительно нового качества, из которого только и может вырасти справедливое и солидарное будущее.

PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL IDEAS
OF KARL MARX AND THEIR IMPLEMENTATION
IN CONTEMPORARY EDUCATION

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ
К. МАРКСА И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Vitaliy Yurievich Belskiy,

doctor of philosophical sciences, professor, the head of the Department of Sociology and Political Science of Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya.Kikot

Sergey Nikolaevich Tikhomirov,

candidate of pedagogical sciences, associate professor, professor of the Department of Pedagogy of the Moscow University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot

Виталий Юрьевич Бельский,

доктор философских наук, профессор, начальник кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Сергей Николаевич Тихомиров,

кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Annotation. The authors analyze the contribution of K. Marx to the anthropological study of the phenomenon of man and the ways of his upbringing. These ideas are successfully developed in pedagogical anthropology. They can serve as the basis on which the synthesis of various approaches to the phenomenon of man and the ways of its development occurs.

Key words: anthropology of education, anthropo-practice, inculturation, socialization, psycho-pedagogical anthropology

Аннотация. В статье анализируется вклад К. Маркса в антропологическое изучение феномена человека и путей его воспитания. Эти идеи успешно разрабатываются в педагогической антропологии. Они могут служить основанием, на котором происходит синтез различных подходов к феномену человека и путям его развития.

Ключевые слова: антропология образования, антропопрактика, инкультурация, социализация, психолого-педагогическая антропология

Антропологический подход в сфере гуманитарного знания — это для нас, в первую очередь, ориентация на человеческую реальность во всей ее полноте, во всех ее духовно-душевно-телесных измерениях. Анализ вклада К. Маркса в антропологическое изучение феномена человека и путей его воспитания — это поиск средств и условий становления полного, всего человека; человека как субъекта собственной жизни. В современных условиях очевидна значимость антропологической постановки ряда важных и актуальных проблем для педагогики, для более углубленного понимания целей воспитания и образования, для перестройки системы воспитания в связи с новыми целями и новыми трактовками сущности человека. Антропологическое знание все более признается ядром профессиональной компетенции педагога, поскольку именно оно связывает цели, задачи, содержание, технологию образования и воспитания в целостную гуманистическую систему [7. С. 332]. Антропологическое знание обуславливает осознанное использование личностно ориентированных образовательных

технологий, приоритет субъектно-смыслового стиля деятельности преподавателя над информационным.

Проблема человека является центральной во всех социогуманитарных науках и дисциплинах [6. С. 13]. К педагогике это относится в первую очередь, так как в ней ключевыми задачами определяются обучение и воспитание личности с учетом всех происходящих изменений в ее жизнедеятельности. В системе профессиональной подготовки сотрудников полиции (в т.ч. социальных педагогов) важно добиваться понимания особенностей проявления и формирования сущностного в человеке, учета особенностей диалектики природного, социального и духовного в системах обучения и с учетом особенностей и тенденций развития современного образовательного пространства, включающего в себя гуманистические ориентиры и ценности.

Основные идеи философской антропологии К. Маркса можно сформулировать следующим образом. Живое существо удовлетворяет потребности посредством внешней природы. Но если оно только потребляет данное природой,

то человек производит, чтобы потреблять, адаптируя природу к себе. Способом, которым человек адаптирует природу к себе для удовлетворения своих потребностей, является сознательная преобразующая деятельность [die Tätigkeit], или праксис [Praxis]. Она оказывается способом человеческого бытия и представляет собой или саму деятельность, либо ее момент, либо ее результат. В ходе развертывания праксиса человек переносит свое внутреннее (сознание, психику) в мир внешней природы, преобразует его, создавая искусственную предметность, опредмечивая сознание. В этих предметах оказываются свернутыми опредмеченные «мысли» создателей. Другие люди, которые используют эти предметы в практике, распредмечивают эти «мысли» и этим делают иное своим собственным духовным и практическим достоянием. Через предметы культуры, созданные людьми в практике, и их совместное использование формируется совместность, интересубъективность человеческого бытия, т.е. общество. Проанализировав это, К. Маркс делает фундаментальные выводы.

Во-первых, в силу того что деятельность (являющаяся как сущностью, так и способом существования человека) всегда есть практическая взаимосвязь человека с окружающим его миром и другими людьми. То есть конституируются общественные отношения и сам человек оказывается совокупностью всех тех отношений и связей, которые возникают в процессе развертывания праксиса: «Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [2. С.3].

Во-вторых, деятельность включает в себя не только субъекта с его сознательной преобразующей активностью (внутреннее), но и объектный мир (внешнее), «втянутый» в эту активность. При этом практика — вся совокупность субъектных и объектных условий и структурных элементов активности. Поэтому, у К. Маркса человек — это не только вещь, обладающая самосознанием и ограниченная пределами своего собственного тела, но действительная неразрывность субъектной и объектной сторон практики. Это экзистенциально-духовное существо, способом существования которого является общественная сознательная преобразующая деятельность (праксис). Человеческое существо по К. Марксу представляет собой конкретно-историческое единство субъектно-внутреннего (тело и психика) и объектно-внешнего (природа, культура, общество, мир символов) бытия,

обнаруживающее себя в общении, общественных отношениях. При этом оно становится человеком только в человеческом обществе, так как представляет собой совокупность всех общественных отношений, в которые оно вступает в процессе своей жизнедеятельности. Это значит, что человек есть «губка», активно впитывающая в себя свои отношения с окружающим миром. Каковы эти отношения — таков и человек.

В зависимости от обстоятельств общественные отношения могут выступать либо в подлинной, либо в неподлинной формах. Подлинность человеческого праксиса означает, что между двумя сторонами деятельности — субъектом и внешним миром — существует гармония, которая экзистенциально переживается как наслаждение, удовольствие от деятельности. Такую форму праксиса Маркс называет самодеятельностью [Selbstbetätigung]. К. Маркс подчеркивает, что в подлинной, т.е. свободной творческой деятельности наслаждение может быть только человеческим. Он отмечает: «поскольку человек человекен, а, следовательно, и его ощущение и т.д. человечески, постольку утверждение данного предмета другими людьми есть также и его собственное наслаждение» [3, с. 616]. Деятельность, которая доставляет наслаждение другим, и самому индивиду называется у К. Маркса подлинно человеческой и только в ней человек действительно чувствует себя человеком.

Неподлинность же человеческого бытия коренится в тех социальных условиях, когда имеет место отчуждение. С точки зрения К. Маркса это такое состояние, в котором внешний мир противостоит человеку как мир враждебный, чужой, чуждый. Основой отчуждения, по К. Марксу, является частная собственность. Рабочий, производя товар, вкладывает в него самого себя, опредмечивает в нем свою собственную экзистенцию. Но в условиях частной собственности этот предмет принадлежит не рабочему, который его произвел, а владельцу средств производства — капиталисту. При этом он начинает зависеть от предмета, который является продуктом его труда. Вещь становится враждебной человеку, хотя в действительности она должна воплощать в себе самого этого человека, и доставлять ему удовольствие от ее изготовления и использования.

В силу же того, что продукт человеческого труда становится отчужденным, то и сам этот труд отныне не доставляет субъекту никакой радости, принося утомление, раздражение

и внутреннее опустошение. Отчужденный труд становится бессмысленным, так как между субъектом и объектом вклинивается враждебное «общение». Они перестают гармонично взаимодействовать, возникает страдание, утрата человеком самого себя. Предметное и деятельное отчуждение [Entfremdung], укорененное в частной собственности, пронизывает все социальные структуры и отношения (а не только структуры экономического порядка). Из структур предметного отчуждения возникает отчуждение социальное, высвечивающее себя в классовой, внутриклассовой и межличностной вражде. Отношения капиталистической конкуренции пропитывают буржуазное общества. Люди не доверяют друг другу, разрывая ткань человеческой социальности, что в понимании К. Маркса означает бесчеловечность, приводящую к равнодушному безразличию, межличностной разобщенности, всеобщей оторванности «индивида от себя и от других», т.е. к отчуждению в смысле враждебности [Entfremdung] [4, с.105].

И, наконец, все эти формы отчуждения завершаются в отчуждении экзистенциальном, которое обнаруживает себя в человеческом самоотчуждении, когда человеческое существо чувствует себя товаром, мертвой вещью, когда человек становится животным, в своем унижении, обесценении, в своей самоутрате, т.е. в своей бесчеловечности. Экзистенциально неподлинная, отчужденная деятельность обнаруживает себя в таких формах, как безответность (например, в отношениях любви), неэквивалентность (в процессах эксплуатации), утрата (в процессах отчуждения), превращение (например, в виде превращенных форм сознания, товарном фетишизме, видимости, идеологии, иллюзорности, — феноменах, описанных К. Марксом), бесчеловечность (в условиях существования или общения людей). Уничтожение частной собственности, отчуждения и возвращение к свободной деятельности приведет к освобождению человека как общественного существа. Они, согласно Марксу, сформируют условия для всестороннего развития человека. «Подобно тому как, благодаря движению частной собственности, ее богатства и нищеты — материального и духовного богатства и материальной и духовной нищеты — возникающее общество находит перед собой весь материал для этого образовательного процесса, так возникшее общество производит, как свою постоянную действительность, человека со всем этим богатством его существа, производит богатого и все-

стороннего, глубокого во всех его чувствах и восприятиях человека» [3, с. 594].

В-третьих, современная система образования, ориентируясь в своем содержании на рыночные механизмы капитализма (отождествленные образования с «услугами», т.е. с товаром), воспроизводит только «человека умелого», способного выполнять конкретную задачу, конкурентоспособного и востребованного рынком. В таком виде современное образование нацелено не столько на самого человека, сколько на успех. Напомним, что в первом томе «Капитала» К. Маркс разбирает систему начального и технического образования, существовавшие в середине XIX века в Англии, и показывает, что она способствовала только калечению детей, ибо была ориентирована «производительное потребление детей» [5, с.411–413].

Заканчивая разговор об основных идеях философской антропологии К. Маркса отметим, что человек у него есть социальное существо, формирующееся в практических, предметных отношениях с миром. Если же отношения носят отчужденный, неподлинный характер, то от их осуществления формируется патологическая личность. Своими дальнейшими действиями она непрерывно будет транслировать и приумножать бесчеловечные условия бытия, в которых будет приносить самому и окружающим страдания. Гуманистическая педагогика в этом смысле должна ориентироваться не просто на абстрактные рассуждения о «человеке как таковом», а в непосредственной практике привносить человечность в межличностные отношения, исключая из них отчуждение.

Определяя место К. Маркса и его вклад в развитие философско-антропологические основы стратегий природосообразного и социального образования, необходимо отметить, что анализ философско-антропологических концепций «социологического эссенциализма» (К. Гельвеций, К. Маркс, Э. Дюркгейм, Э. Фромм, М. Фуко) показал, что в них признается биотелесная природа человека, по отношению к которой общество применяет процедуры «снятия» биологического социальным (К. Гельвеций, К. Маркс, М. Фуко), либо биотелесная природа человека обогащается социальностью, так что возникает симбиотическая биосоциальная сущность человека (Э. Дюркгейм, Э. Фромм).

К. Гельвеций, К. Маркс, Э. Дюркгейм, разработавшие основы концепции социального проектирования человека, акцентировали внимание на сведении всех социальных факторов к одному единственному — в сфере политики

(форме политического правления у Гельвеция; «макрофизике власти» у Фуко) или материального производства (формам собственности у Маркса, общественного разделения труда у Дюркгейма), упрощая социальную реальность в духе классического обществознания. У К. Маркса содержались некоторые идеи, присущие неклассическому обществознанию. Он рассматривал общество как объективацию социальной и духовной активности человека и отстаивал идею человека-субъекта, формирующего свою общественную сущность с помощью разнообразной деятельности в сферах общественной жизни. Это позволило Н.А. Бердяеву сделать вывод о том, что в философии у К. Маркса есть две стороны, противоречащие друг другу — экономический детерминизм и элементы настоящей экзистенциальной философии.

Философские концепции образования, разработанные Гельвеем, Марксом, Дюркгеймом, Фроммом, Фуко, наиболее ярко в советской педагогике применены в работах А.С. Макаренко. В данной стратегии общими принципами выступают всеобщее равное образование и воспитание, общественное воспитание и образование, гражданское, нравственно-политическое воспитание, производственное воспитание. Гельвеец, выражая рационалистические иллюзии, полагает, что внеклассовое образование и воспитание обеспечат социальное равенство индивидов и разумно устроенное общество. В учении Маркса существует противоречие между идеалом свободного всесторонне развитого человека и моделью рабочего, занятого в сфере промышленного труда; между принципами образования, вытекающими из детерминизма экономики, и принципами, характеризующими экзистенциалистский взгляд на образование. В образовательных учениях К. Маркса, Э. Дюркгейма, Э. Фромма и М. Фуко соединяют идеи, относящиеся к классическому типу рациональности (формирование человека рассматривается как результат действия небольшого числа социальных факторов, признается социально-классовый характер образования и воспитания), и идеи, относящиеся к неклассическому типу рациональности (критика образования и воспитания как процесса муштры и принуждения индивидов, идеал свободного человека, обоснование ориентации «быть» как деятельной активности человека).

Какие же из антропологических идей К. Маркса, востребованы в современном образовании? Одним из безусловных вызовов отечест-

венному образованию в настоящее время является требование прямого и профессионально обеспеченного решения проблемы производства и воспроизводства собственно человеческого в человеке, а не только его отдельных компетенций, способностей или — психических функций. Фактически, речь идет о постановке беспрецедентной задачи для образования: оно действительно должно стать универсальной формой становления и развития базовых, родовых способностей человека, позволяющих ему быть и отстаивать собственную человечность; быть не только материалом и ресурсом социального производства, но прежде всего — подлинным субъектом культуры и исторического действия, субъектом собственной жизни.

Иными словами, речь должна идти о поиске новых средств и нового содержания образовательной деятельности, которую можно поименовать антропопрактикой, направленной на становления сущностных сил человека, его родовых способностей; практикой выращивания в человеке «собственно человеческого» средствами образования. При этом антропопрактика — это специальная работа в пространстве субъективной реальности человека, которая задается пространством человеческих Встреч: пространством со-бытийной общности, пространством совместно-распределенной деятельности, пространством рефлексивного сознания. Именно здесь может происходить осознанное и целенаправленное проектирование таких жизненных и образовательных ситуаций, в которых впервые становится возможным и подлинно личностное самоопределение человека, обретение им своей субъектности, и авторство собственных осмысленных действий. В этом пространстве возможна автономия и самодетерминация человека, его саморазвитие и самообразование. Или, говоря словами А.С. Пушкина, становление его способности к самостоянию в собственной жизни.

Подобная ориентация резко обостряет идеальные устремления образования, наши представления о содержании образования и профессиональной компетентности преподавателя. Многообразии реформ и модернизаций отечественного образования говорит об идеальных (но не всегда реальных) устремлениях чиновников от образования. Нам необходимо преодолеть сложившийся стереотип о культурной миссии образования. Попытки такого преодоления сегодня реализуются в концепциях развивающего, культуросообразного, личностно-ориентированного образования.

Но подлинный синтез ценностно-смысловых установок этих концепций осуществляется в антропологической парадигме. Антропологический подход в сфере образовательного знания — это в первую очередь его ориентация на человеческую реальность во всей ее полноте, во всех ее духовно-душевно-телесных измерениях. Это поиск средств и условий становления полного человека; человека — как субъекта собственной жизни, как личности во встрече с Другими, как индивидуальности перед лицом Абсолютного Смысла бытия.

Поэтому в большинстве современных концепций и программ развития образования реализуется новое направление — гуманитарно-антропологическое.

В его рамках возможно преодоление одной важных проблем современного отечественного образования разрывом между системами научно-философского знания, ориентированного на образование, и образовательной практикой, разрыв между образовательным знанием и практическим педагогическим действием. Этот разрыв порождает рассогласование, даже — противостояние двух типов производств: «производства» культурного человека в пространстве образования и «производства» знания о строении и базовых процессах самого этого образования.

Именно в этом разрыве должны проводиться инновационные психолого-педагогические исследования и практикоориентированные разработки, которые ориентированы не на открытие новых «педагогических истин», а на улучшение практического положения дел. Но синтез этих знаний в научно-педагогическую программу не может быть осуществлен в рамках отдельной, монопредметной дисциплины. Нам нужен пересмотр философских, психологических, социально-педагогических, политико-экономических основ современных гуманитарных практик с точки зрения их подлинно антропологической модальности. Современные психология и педагогика, например, должны перестать быть пособием о способах духовного кодирования, о техниках социальной дрессуры и манипуляций; они должны становиться в подлинном смысле антропными, человекоориентированными науками, способными строить практики выращивания «собственно человеческого в человеке».

Такая постановка вопроса определяется тем, что эту проблему невозможно обсуждать в рамках традиционных форм гуманитарной науки, построенной по образу и подобию естественнонаучных дисциплин. Психолого-педагогическая

антропология как целостное учение о человеке, в частности — о его становлении и развитии в универсуме образования, только начинает складываться как антропная наука. Ее не надо воспринимать как теорию о происхождении человека от обезьяны, ни как теорию о социальной дрессуре (это не биологическая и не социальная, а — гуманитарная дисциплина).

В психологии рассказывается только о психике человека и очень мало — о самом человеке! В контексте этой статьи нас интересует, психология человека, психология развития человека, психология образования человека. каждая из которых является своеобразным конфигуратором той или иной системы знаний о человеке. Антропологически ориентированные психология и педагогика должны разрабатывать свое собственное представление о сугубой специфике человеческого способа жизни, формировании у него жизненных привычек и его принципиальном отличии от всякого другого способа — до человеческого и сверх-человеческого. В этом случае главными вопросы становятся: а) как возможно и как происходит становление субъектности и личностного способа жизни человека; б) каковы оптимальные условия его нормально-го развития и каковы средства их создания и обеспечения. Существенную роль в теории формирования личностных привычек, особенно имеющих положительный характер, внес «учитель учителей» К.Д. Ушинский. [7, с. 41–59].

Известно, что одно из определений образования звучит так — это всеобщая культурно-историческая форма становления и развития родовых способностей человека быть субъектом собственной жизни и деятельности. Освоение именно деятельностного содержания в образовании обеспечивает главное в развитии человека — становление его субъектности как онтологического основания всех последующих уже собственно личностных обретений. Однако необходимо специально различать две специфические ипостаси субъектности: «субъекта предметной деятельности» и «субъекта собственной деятельности».

Отдельный вопрос — как же происходит, как должно происходить очеловечивание моей самости — это вопрос о построении адекватных возрастнo-нормативных моделей развития человека на разных его ступенях и в разных формах образования и о построении соответствующих — развивающих образовательных программ. Прецеденты создания таких моделей и программ — уже есть, а основанием для них

является нормативная периодизация развития человека, становления его субъективного мира. [8, с. 411–413].

Существенный вопрос и о том, какие характеристики внутреннего мира, сущностных сил человека мы полагаем как результат освоения деятельностного содержания образования; образования — понятого как всеобщая культурно-историческая форма антропо-практики. В самом общем виде эти результаты связаны с творением новых структур сознания и новых способов организации детско-взрослых общностей, умением входить и строить развивающие событийные общности и умением субъективироваться, вырабатывать личностную позицию в этих общностях.

В свете изложенных философско-антропологических идей К. Маркса, задачей педагогики является создание таких условий, в которых воспитательный и образовательный процессы будут носить не отчужденный характер, в которых студенты не будут испытывать неприязни к обучению, а, напротив, образовательное участие (classroom participation) будет доставлять и педагогам, и обучающимся подлинно человеческую радость, будет детерминировать ощущение студентом своей человечности, соучастности, исключая ощущение и действительное бытие обучающегося в качестве «вещи для репрессивной манипуляции». Активная антропологизация и гуманизация многих областей человековедения в современных условиях при-

водит к тому, что и педагогическая наука получает как бы «второе рождение». На наш взгляд педагогика, опирающаяся на идеи К. Маркса, имеет в этом плане вполне продуктивные перспективы.

Список литературы

1. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Философская антропология Карла Маркса. Екатеринбург, 2007.
2. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М., 1955. С. 3.
3. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
4. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. М., 1968.
5. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М., 1961.
6. Никитская Е.А. Православная воскресная школа как воспитательная организация: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Московский педагогический государственный университет. Москва, 2009.
7. Бельский В.Ю. К вопросу о ключевых социально-философских, антропологических и педагогических аспектах учения К.Д. Ушинского // М.: изд. Академии им. Н.Е. Жуковского. Сборник научных трудов: «Философские исследования и современность», 2015. выпуск 4. С. 41-59.
8. Тихомиров С.Н., Вохонцева Н.С. Особенности формирования общекультурных компетенций в процессе вузовского образования // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 331-334.

**THE LEGACY OF KARL MARX AND MODERNITY:
A MUSEUM EXHIBIT OR PROMETHEAN FIRE?
TO THE 200TH ANNIVERSARY OF KARL MARX**

**НАСЛЕДИЕ К. МАРКСА И СОВРЕМЕННОСТЬ:
МУЗЕЙНЫЙ ЭКСПОНАТ ИЛИ ПРОМЕТЕЕВ ОГОНЬ?
К 200-ЛЕТИЮ КАРЛА МАРКСА**

Dr. **Dimitrios Patelis**,
professor of philosophy,
Technical University of Crete
(Chania, Greece)
E-mail: dpatelis@isc.tuc.gr

Димитриос Пателис,
профессор философии,
Технический университет Крита
(Ханья, Греция)
E-mail: dpatelis@isc.tuc.gr

Annotation. The article is devoted to the analysis of actual theoretical and practical problems in the heritage of the genius thinker of mankind, the revolutionary theorist, the founder of the whole trend in the science of Karl Heinrich Marx and their influence on the development of modern civilization.

Key words: K. Marx, V.A. Vazulin, the logic of history, Marxism, science, philosophy, organic whole, capital, humanity, regularity

Аннотация. Статья посвящена анализу актуальных теоретических и практических проблем в наследии гениального мыслителя человечества, теоретика-революционера, основателя целого направления в науке Карла Маркса, а также их влиянию на развитие современной цивилизации.

Ключевые слова: К. Маркс, В.А. Вазюлин, логика истории, марксизм, наука, философия, органическое целое, капитал, человечество, закономерность

Двухсотлетие со дня рождения Карла Генриха Маркса, гениального мыслителя человечества, теоретика-революционера, основателя целого направления в науке и первых международных пролетарских организаций, ставит перед общественной наукой в целом и перед научной философией в частности широкий спектр вопросов. Актуально ли его наследие сегодня? Имеет ли теоретический и практический смысл заниматься наследием мыслителя XIX века, тем более такого, имя которого связано со строем «реального социализма» СССР XX века, потерпевшего поражение почти три десятилетия назад? Кого может заинтересовать Маркс во втором десятилетии XXI века, в мире безраздельного господства неолиберального «свободного рынка» транснациональных корпораций, уникальных технологий, потребительства, «плюрализма» и «постмодернизма»? Разве нет достаточных антимарксистских аргументов для полного и окончательного опровержения Маркса и любого вида марксизма? Если он выдающийся мыслитель прошлого, то, может быть, целесообразно придать и выделить ему уголок в академических учебниках и в университетских библиотеках?

Согласно известному афоризму Ж.-П. Сартра, ««антимарксистский» аргумент есть не что иное, как явное возрождение домарксистской

мысли. Так называемое «преодоление» марксизма есть в худшем случае возврат к домарксистской мысли, а в лучшем случае — возрождение мысли, содержащейся в философии, которую хотели преодолеть» (цит. по: Гобозов И.А., 2006).

**Кто такой Карл Маркс
и чем он занимался?**

Сын юриста, он сначала учился на юридическом факультете Боннского университета (1835—1836), а затем в Берлине (1836—1841), где с особым тщанием занимался философскими и историческими исследованиями. Начиная со школьных лет Маркс имел глубокую гуманитарную и альтруистическую ориентацию. В 1837 году он присоединился к левому крылу младогегельянцев, которые в своих исследованиях по философии права пытались обосновать атеистические и демократические позиции через философию Гегеля.

В своей докторской диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» Маркс рассматривал историю философии (античности и Нового времени) с точки зрения критического отношения к действительности и исторической необходимости практических философских систем (Аристотеля, Гегеля и т.д.).

Однако реакционная политика правительства в то время и семья заставили Маркса отказаться от ученой карьеры. Он обращается к воинствующей публицистике и отстаивает свою точку зрения на страницах буржуазной «Рейнской газеты» («Rheinische Zeitung»), главным редактором которой становится в октябре 1842 года. Маркс пишет ряд пронизанных философией полемических статей: о свободе слова и о цензуре, о политическом выражении сословных интересов, о «краже леса» бедными людьми, о бедственном положении крестьян винодельцев, о бюрократическом аппарате государства и т.д. Публицистическая деятельность приводит его к дальнейшей критике философии Гегеля и Фейербаха, параллельно с углублением его подхода: от критики религии, к критике политики и «гражданского общества».

Одновременно его внимание привлекают коммунистические идеи того времени. После отставки с должности главного редактора ради спасения газеты (которая при всем этом была запрещена 19.1.1843 г.) Маркс занимается теоретическим исследованием вопросов, которые были подняты в ходе его журналистской деятельности. Расширение и углубление исследований по проблемам бюрократии, государственной иерархии власти и администрации шло параллельно с применениями существенным переосмыслением философии Гегеля и Фейербаха. В противоположность взглядам Гегеля, он приходит к выводу о том, что не государство определяет семью и «гражданское общество», а, наоборот, семья и «гражданское общество» (сфера экономической деятельности и частных интересов) определяют государство («К критике гегелевской философии права» 1843 г.). Маркс изучает историю с точки зрения отношений между государством и «гражданским обществом» (лето 1843 г., Крейцнах, где он женился на Женни фон Вестфален 1814—1881 гг.). В октябре 1843 г. он переселяется в Париж, где изучает утопическую социалистическую и коммунистическую литературу и политэкономии. В феврале 1844 г. выходит единственный номер «Немецко-французского ежегодника» («Deutsch-Französische Jahrbücher»), с текстами Маркса, которые завершают противоречивый и творческий переход Маркса от буржуазно-демократического радикализма к коммунизму. Он выделяет отчуждение как социальный источник религии и связывает эмансипацию человека с революционной исторической миссией пролетариата, в которой философия находит «материальное оружие», а пролетариат приоб-

ретает в предмете философии свое «духовное оружие».

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс посредством критики буржуазной политической экономии развивает в органической взаимосвязи свои взгляды на философию и на коммунизм, подчёркивая феномен отчуждения, выделяя эксплуатацию отчужденного труда как источника частной собственности и капитала. Эти взгляды отражают противоречивое становление марксистской теории, где понятие самоотчуждения человека (под влиянием антропологии Фейербаха) сосуществует с попыткой политэкономического исследования отношений между классами.

В августе 1844 г. в Париже Маркс встречается с Ф. Энгельсом. Их позиции в отношении основных оценок и выводов (к которым каждый из них пришел самостоятельно и своим путем) полностью совпадают. Начинается легендарная дружба и тесное сотрудничество двух мыслителей. Первая их совместная работа: «Святое семейство, или Критика критической критики» (февраль 1845 г.), была посвящена критике субъективного идеализма младогегельянцев. Мыслители изложили идеи, которые, по их мнению, должны привести к материалистическому пониманию истории. В противоположность элитарно-субъективистским представлениям младогегельянцев, противопоставлявших «критически мыслящие личности» «инертной массе», Маркс и Энгельс доказывали решающую роль народных масс в истории, особенно в революционные эпохи, и подчеркивали историческую роль рабочего класса в революционном преобразовании общества.

Прусское правительство потребовало от Франции выслать Маркса (из-за его участия в германоязычной газете «Vorwärts»). В феврале 1845 г. он переезжает в Брюссель. В своих «тезисах о Фейербахе» (апрель 1845 г.) Маркс, в противоположность созерцательному материализму и спекулятивному идеализму, изложил в сжатой форме контуры нового философского направления, выделяя в качестве сущности человека «ансамбль его общественных отношений», и, подчеркивая решающее значение предметно-преобразующей и революционной практики как в жизни общества, так и в процессе познания. Вместе с Энгельсом он пишет большую, не опубликованную при жизни, рукопись «Немецкая идеология» (1845—1846 гг.), в которой в форме научной гипотезы излагается *первое великое открытие Маркса: материалистическое понимание истории (исторического*

материализма), теория о структуре общества и о его историческом развитии, с опорой на формационный подход. В качестве условия для снятия отчуждения авторами выделяется такое «развитие производительных сил (вместе с которым уже дано эмпирическое осуществление всемирно-исторического, а не узко местного, бытия людей)», которое «является абсолютно необходимой практической предпосылкой еще и потому, что без него имеет место лишь всеобщее распространение бедности; а при крайней нужде должна была бы снова начаться борьба за необходимые предметы и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая мерзость» (К. Маркс и Ф. Энгельс соч. том 3, с. 33) и разоблачается мещанский характер немецкого «истинного социализма». В мае 1846 г. Маркс разрывает свои отношения с идеологом утопического уравнилельного коммунизма в рабочем движении В. Вейтлингом.

В книге «Нищета философии в ответе на «Философию нищеты» г-на Прудона» (лето 1847 г.) Маркс критикует мелкобуржуазные социал-реформистские взгляды и методологию Прудона по вопросам философии, политики и политической экономии. Параллельно он разрабатывает основные принципы нового учения: об исторически преходящем и противоречивом характере капитализма, об отношениях между трудом и капиталом, о значении профессиональных союзов, о необходимости политических действий рабочего класса и приобретения им классового сознания и др.

Одновременно с научной и публицистической деятельностью Маркс и Энгельс, накануне революционной волны в Европе, развертывают интенсивную политическую и организационную деятельность в международном революционном рабочем движении, вырабатывая тактику пролетариата в надвигавшихся революционных событиях. Они положили начало первой международной партии пролетариата, способствуя превращению «Союза справедливых» в Союз коммунистов под девизом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». По поручению 2-го конгресса Союза коммунистов в Лондоне (конец ноября – начало декабря 1847 г.) Маркс и Энгельс составляют первый программный документ научного коммунизма — «Манифест Коммунистической партии» (февраль 1848 г.). «В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое мирозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о раз-

витии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества» (Ленин В. И., ПСС, т. 26, с. 48).

Маркс и Энгельс принимают активное участие в революционных событиях 1848—1849 гг., что нашло свое отражение на страницах газеты «Новая Рейнская газета» (NeuRheinische Zeitung). После закрытия газеты (в результате победы контрреволюции), Маркс первоначально выехал в Париж, чтобы установить связи с французскими демократами, а затем, 24 августа 1849 г. вынужден был переехать в Лондон. В работах, посвященных обобщению опыта революции («Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 год», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и др.), Маркс разрабатывает теорию победоносной революции, рассматривает соотношение классовых сил и иллюзии классов в связи с ситуацией, а также роль личности, вводит понятие «диктатура пролетариата» и перманентной революции. Однако он переоценивает степень зрелости рабочего класса и производственных отношений.

Центральное положение в социальной теории Маркса занимает вопрос классов и классовой борьбы. Сам он отмечает: «мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов* связано лишь с *определенными историческими фазами развития производства*, 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов* и к *обществу без классов*» (письмо Маркса Вейдемейеру. От 05.03.1853. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 28, с. 424—427).

Когда Маркс убеждается в том, что новый прилив революции не последует (летом 1850 г.), он вместе с Энгельсом разоблачает опасные «игры в революции» мелкобуржуазных демократов («Великие мужи эмиграции», лето 1852 г.; опубликовано в 1930 г.). Осенью 1850 г. в результате разногласий с авантюристически-сектантской фракцией Виллиха — Шаппера произошел раскол Союза коммунистов. В условиях повсеместно утвердившейся реакции ноября 1852 г. Союз был фактически распущен.

Суровые испытания эмигрантской жизни привели к тому, что из семи детей Маркса выжило лишь трое дочерей — Женни, Лаура, Элеонора. Энгельс переехал в Манчестер, где работал в конторе текстильной фирмы, ради спасения семьи Маркса от нищеты. Эти годы Маркс сотрудничал в органах пролетарской печати и в прогрессивных буржуазных газетах. С августа 1851 г. до марта 1862 г. являлся корреспондентом «Нью-Йорк дейлитрибюн» («New York Daily Tribune»). В своих публицистических работах он критиковал капиталистическое общество, буржуазно-аристократическую олигархию, французский бонапартизм, дворянско-монархический строй Пруссии и Австрии, царское самодержавие в России. Маркс поддерживал все революционные события, рабочее движение, народные восстания, выявлял связь между борьбой против колониального рабства и освободительным движением рабочего класса.

С 1850-х годов Маркс систематически фокусируется на политэкономическом исследовании (всегда в сочетании с философией, с социальной и с политической теорией). Результаты исследования отражены в ряде трудов: «Экономические рукописи 1857—1859 годов» (первый, черновой вариант будущего «Капитала», где уже изложена суть важнейшего открытия Маркса — теории прибавочной стоимости), «К критике политической экономии» (вышедшем в 1859 г.), во втором варианте «Капитала» (1861—1863 гг.), а также в третьем варианте «Капитала» (1863—1865 гг.), на основе которого был подготовлен и издан в сентябре 1867 г. первый том «Капитала». Здесь систематически излагается **второе великое открытие Маркса: теория прибавочной стоимости**. В «Капитале» материалистическое понимание истории превращается из гипотезы в обоснованную научную теорию. «Капитал» представляет собой кульминацию марксовской теории — социальной философии, политической экономии капитализма, диалектической логики и методологии научного исследования и прогнозирования будущего бесклассового общества. Результаты исследований Маркса излагаются диалектическим методом восхождения от абстрактного к конкретному и как специфическое единство исторического и логического. «Гегель и К. Маркс именно начали, открыли эпоху современной сознательной диалектики. В этом отношении их труды (главным образом, «Наука логики» Г.Ф. Гегеля и «Капитал» К. Маркса) остаются непревзойденными...» (Вазюлин 2002, стр. 13). Изложенный в «Капитале» **диалектический метод**

исследования органического целого, на материале политической экономии капитализма — это третье великое открытие Маркса.

В своих экономических трудах Маркс развивает *научное понимание естественно-исторического характера закономерности, пронизывающей развитие общества*. Речь идет не о природных законах, а о законах человеческой деятельности, о специфических общественных закономерностях, которые действуют в единстве с природными. Это законы-тенденции, которые проявляются как выбор и реализация целей, в результате деятельности людей, как наиболее вероятное из направлений, включаемых в спектре возможностей каждой исторической ситуации. Научное знание этих закономерностей является необходимым условием эффективного практического вмешательства людей в историческом развитии общества.

После мирового экономического кризиса 1857 г. начинается новый революционный подъем. Маркс предпринимает усилия по сплочению ядра формирующейся пролетарской партии, превращая эмигрантскую газету «Фольк» («Volk») в боевой партийный орган. Он поддерживает революционно-демократический путь объединения Италии и объединения Германии, в результате чего обостряются его отношения с Ф. Лассалем, сторонником сектантско-реформистского направления. Маркс внимательно следит за событиями эпохи: крестьянские волнения в России до и после реформы 1861 г., война против рабства в США (Гражданская война 1861—1865 гг.), польское восстание и др.

Маркс сыграл ведущую роль в основании Международного товарищества рабочих (1-го Интернационала) как подлинно рабочей организации. Он разработал программные положения Интернационала на основе принципа классовой самостоятельности пролетарского движения («освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом») и пролетарского интернационализма. Он обосновал необходимость для рабочего класса поддерживать национально-освободительное движение, разработал тактику Интернационала в вопросах войны и мира, борьбы против милитаризма и против влияния буржуазного пацифизма.

В работе «Гражданская война во Франции» (1871 г.) Маркс анализирует роль первой попытки революционного установления диктатуры пролетариата (Парижской коммуны). Особое значение имеет и «Критика Готской программы» (1875 г.), ибо в ней Марксом излагается его

представление о процессе революционного движения к бесклассовому обществу и о двух фазах этого движения. Однако здесь обнаруживается противоречивость подхода Маркса — в том, что он предполагает первую фазу без товарно-денежных отношений, в то время как сам он отмечает присутствие в этом обществе противоположности умственного и физического труда, а также противоположности города и деревни.

Маркс и Энгельс боролись против деструктивной деятельности Бакунина и его сторонников («Мнимые расколы в Интернационале» март 1872 г., «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» август 1873 г.). По их предложению резиденция Генерального совета Интернационала была перенесена в Нью-Йорк. Интернационал официально был распущен в 1876 г.

По мере того, как Маркс проводил исследования о капиталистических производственных отношениях, он обращался и к исследованию истории общества (о чем свидетельствуют его хронологические записи). Потому что сталкиваясь, например, с проблемами мирового рынка, необходимо было исследовать вопросы неравномерности развития, экономической роли государства и т. д., которые не поддаются простому сведению к экономике и требуют углубления исторического изучения. В этом контексте Маркс изучал работу Л. Моргана «Древнее общество», которая обогатила социальную теорию Маркса эмпирическим материалом.

Широкий круг исследовательских программ Маркса включает в себя изучение разных наук, истории техники и рассмотрение философских оснований дифференциального исчисления.

Чрезмерно интенсивный труд, постоянные преследования и лишения (несмотря на помощь Энгельса) и смерть его жены подорвали здоровье Маркса, который, по выражению П. Лафарга, «весь свой организм приносил в жертву своему мозгу».

Глубокий гуманизм, революционная последовательность, боевой дух, самоотверженность и самоотречение органически связаны с революционной диалектической логикой и методологией исследований Маркса. Его наследие в качестве уникальной попытки революционизировать науку и практику стало предметом неоднократных и многообразных атак, искажений и клеветы со стороны различных классовых врагов и «марксистов» эпигонов (сторонников догматизма и ревизионизма).

Возникает впечатление, что пестрое множество обывательских подходов и построений

здорового смысла, основанных на ходячих конъюнктурных представлениях, сводит на нет марксистскую теорию и опирающееся на нее революционное движение. Ссылаясь на крах, который марксизм якобы претерпел в истории 20-го века, обывательский подход наших дней игнорирует марксову теорию. Обыватель склонен отрицательно воспринимать любые высказывания по поводу марксизма на уровне условных рефлексов и ходячих пропагандистских схем, не зная ничего о Марксе и о марксизме.

В свою очередь, марксизм играет фундаментальную роль в истории философии, социальной теории и науки в целом, определяя магистральное направление их развития. Подобно тому, как немыслима наука физики без Ньютона и Эйнштейна, немыслимы философия и науки об обществе без вклада Маркса. Поэтому необходимо критическое, конкретно-историческое осмысление и творческое развитие этого фундаментального научного направления.

Что такое марксизм, что и как он исследует, чему учит?

Марксизм — это открытая и развивающаяся научная система философских, экономических и социально-политических взглядов, основным содержанием которой является теоретическое обоснование перехода человечества от капитализма к социализму. Он возник на стадии зрелости капитализма, когда созрели исторические условия его революционного упразднения. Эти условия в то же время представляли собой исторические предпосылки перехода к развитому (бесклассовому) обществу: решающая роль механизированного производства; начало производства машин машинами; возможность обеспечения постоянного изобилия материальных благ; определенная природа уже произведенных средств труда, общественный характер труда; обобществление производства и формирование адекватного указанным выше процессам класса производителей, воспитанных на трудовой дисциплине крупных предприятий и обладающих соответствующим культурным уровнем и идеологией.

Марксизм — это научная идеология рабочего класса, субъекта мирового революционного процесса, перехода от капитализма к социализму. Как мы уже отметили, исторически он возник в результате сложного и противоречивого, творческого процесса критического научного исследования общества (философии, религии, политики, «гражданского общества», производственных отношений и т.д.) параллельно с кри-

тическим переосмыслением и с диалектическим «снятием» высших достижений домарксовых научных направлений, сыгравших роль «источников» (Ленин) марксизма: немецкой классической философии и особенно — идеалистической диалектики (Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и Фейербаха), классической буржуазной политэкономии (физиократов, А. Смита, Д. Рикардо и др.) и утопических социалистических идей (Сен-Симона, Фурье, Оуэна, Кабе, Дезами и др.).

Становление и развитие марксизма органически связано как с принятием классово-политической позиции пролетариата, так и с исследованием *трех внутренне связанных, но относительно самостоятельных предметов: 1) человеческого общества и его истории, 2) производственных отношений капиталистической общественно-экономической формации и 3) предпосылок нового (коммунистического) общества*. Разумеется, как мы сказали выше, основатели марксизма не ограничились исследованием только этих предметов (у них были глубокие энциклопедические интересы, философско-методологическое обоснование истории и теории естественных наук и математики, религиоведение, военное дело, техника и технология и т. д.). Однако они никогда не считали, что их работа претендует на роль «онтологии» обо всем, или натурфилософии «о наиболее общем», основанных на вечных принципах, готовых для объяснения любой действительности. Исследования в трех предметных вышеуказанных областях составили ядро марксизма. Из него вычленились известные направления науки: 1) исторический материализм (материалистическое понимание истории), 2) политическая экономия капитализма и 3) научный социализм (коммунизм). Каждая из этих предметных областей представляет собой органическое целое, для которого характерна внутренняя взаимосвязь и взаимодействие сторон, что открывает определенные возможности для исторического и логического исследования этого целого и определяет стадии его теоретического отражения, уровень развития его научного исследования.

Марксова политэкономия капитализма

В 50-ых — 60-ых годах 19-го века капитализм (в Англии) достигает стадии своей зрелости, в то время как буржуазная политэкономия во многом уже завершила восхождение от чувственно-конкретного к абстрактному. Эти условия позволили Марксу на основе теории при-

вочной стоимости (второго научного открытия К. Маркса) и с использованием метода восхождения от абстрактного к конкретному, отразить капиталистический способ эксплуатации человека человеком и тем самым поднять науку политэкономии капитализма до уровня зрелости. Политэкономия капитализма в «Капитале» К. Маркса — это наиболее развитая, с точки зрения диалектической логики и методологии, научная область марксизма. Именно эта зрелость теоретического отображения предмета позволяет выявить логику и методологию научного исследования марксизма в «чистом виде», путем логического и категориального рассмотрения политэкономического материала. Это, конечно, отнюдь не означает, что таким образом исчерпываются возможности дальнейшего развития политэкономии капитализма в области экономической истории на современной ступени развития мировой капиталистической системы и, тем самым, снятия ограниченности рассмотрения экономики отдельно взятого национального государства. Марксу не удалось завершить даже первую из первоначально планируемых им шести книг.

Философско-методологическое осмысление «Капитала» позволяет на основе конкретной науки о производственных отношениях капитализма выявить *марксов метод исследования органического целого: восхождение от абстрактного к конкретному, соотношение исторического и логического, а также рассудочного и разумного мышления в процессе познания*. Это, в свою очередь, позволяет оценить методологически конкретно-исторический уровень развития остальных составных частей марксизма.

Материалистическое понимание истории

По Марксу капитализм — это последняя ступень «предыстории» человеческого общества. До Маркса классическая буржуазная социальная философия уже предприняла попытку систематического рассмотрения общества на основе идеалистически гипостазированной абстрактной духовной деятельности и государства, в качестве воплощения «родовой сущности человека» (Гегель). Следовательно, с методологической точки зрения до Маркса социальная теория находилась на более низкой ступени своего формирования, по сравнению с уровнем развития тогдашней буржуазной политэкономии, поскольку процесс восхождения от чувственно-конкретного к абстрактному в ней еще не был завершен.

В этой познавательной ситуации Маркс в сотрудничестве с Энгельсом совершили свое первое научное открытие — постижение материалистического понимания истории. Первоначально — в виде научной гипотезы (в «Немецкой Идеологии») и, затем, в качестве доказанной теории (философски обосновывающей научное исследование производственных отношений капиталистической формации) — в «Капитале».

Основными элементами этой теории являются материалистически опосредованное «сведение» всех сфер общественной жизни к экономической (см. Категории: общественное бытие — общественное сознание, базис и надстройка и т.д.) и соответствующее представление о структуре человеческого общества: потребности — производительные силы — производственные отношения (отношения по поводу производства, распределения, обмена и потребления) — формы общественного сознания и идеологии — надстройка. На основе этого представления о структуре общества создается и теория «общественно-экономической формации», и соответствующая периодизация истории (формационный подход): первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая формации. Категория общественно-экономической формации, выявленная при исследовании определенного способа производства (исторически определенных производственных отношений в их единстве с определенным характером производительными силами) позволяет определить характеристики основных ступеней исторического развития человечества, с точки зрения структуры этих ступеней. Содержание этой категории конкретизируется и приобретает большую научную обоснованность в 50-х — 60-х годах прошлого века, когда Маркс исследовал сущность, внутреннюю взаимосвязь производственных отношений капитализма, т.е. наиболее развитой общественно-экономической формации того времени.

Теоретико-методологическое значение формационного подхода состоит в следующем:

- открылась возможность для более подробного сопоставления докапиталистических формаций с капиталистической и, в связи с этим, — для рассмотрения структуры формации;
- удалось выявить категорию «производственные отношения», а также уточнить диалектику производительных сил — производственных отношений и развития общества в целом;
- исторически был обоснован преходящий характер капитализма в качестве одной из

формаций: на теоретическом уровне выявлена необходимость отхода от капитализма и дальнейшего исследования закономерностей перехода от одной формации к другой;

- было сформулировано теоретическое обоснование периодизации истории (поскольку любая периодизация истории опирается на определенное понимание структуры общества).

Рассматривая нашу тему, необходимо учитывать, что концепция К. Маркса об общественно-экономических формациях отражает определенный уровень развития теории об обществе, который связан: а) с уровнем развития тогдашнего общества и с соответствующей этому уровню познавательной ситуацией; б) с целесообразностью вытекающей из основной задачи эпохи (с точки зрения глубоких потребностей человечества — из задачи революционного упразднения капиталистической формации). Под углом зрения этой задачи капитализм определяется как исторически проходящее образование; все остальные стадии истории также выступают как формации.

Историческая изменчивость структуры общества обычно воспринимается в рамках данного подхода как изменчивость в частном, в то время как упускается из виду тот факт, что изменяется, развивается и самое общее. Каждая формация представляет собой не просто самостоятельное образование, а стадию, момент исторического развития общества. В качестве структурных составляющих формации в рамках формационного подхода выделяются общие элементы, во многом повторяющиеся постоянные черты, фиксируемые путем сравнения различных формаций, ибо «все эпохи производства имеют некоторые общие признаки, общие определения» (Маркс К. Наемный труд и капитал. // К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Т. 6, стр. 21). Выделенное путем такого сравнения общее часто выступает как неизменная одинаковость, характеризующая все формации (производство, потребление, распределение, обмен, обращение, производительные силы, производственные отношения, способ производства и т. д.). Однако эти постоянные общие признаки несут на себе неизгладимую печать капитализма, т.е. той формации, при которой все стороны общественного целого выступают в качестве различных разных или противоположных (см. Вазюлин 2015, послесловие, стр. 345—350).

Выше указанная «печать», характеризующая во многом исторический материализм и формационный подход, особенно явно выражается

в подходе к *диалектике производительных сил и производственных отношений*, т.е. в подходе к способу производства, который представляет собой ядро, сущность общества как целого. Дальнейшие исследования (особенно в рамках «Логик истории» Вазюлина) выявили, что отмеченное диалектическое противоречие (а также каждая из составляющих его сторон) проходит в своем развитии через определенные закономерные стадии: возникает, формируется и созревает. Это развитие органически связано с развитием производительных сил (производительного воздействия человека на природу). Производительное воздействие человека на природу непосредственно связано с вопросом о характере труда, с проблемой соотношения простого и сложного, повторяющегося и изменяющегося труда. При капитализме, который представляет собой последнюю антагонистическую формацию, завершающую формирование человеческого общества, конечно, наблюдается развитие производительных сил, изменение процессов труда, и это развитие выше всякой меры превосходит предыдущие периоды формирования человеческого общества. Механизм этого противоречивого развития К. Маркс классически выявил в «Капитале».

Однако такое развитие еще не является господствующим при капитализме, ибо оно подчиняется процессу накопления продуктов труда, процессу накопления капитала. Последовательность ступеней самовозрастания капитала при производстве относительной прибавочной стоимости органически связана с развитием производительных сил, с переворотами в технических и общественных условиях процесса труда, и все это выступает здесь как средство для продвижения основного производственного отношения капитализма (производства прибавочной стоимости). Такое внешнее отношение производительных сил и производственных отношений характерно для той стадии развития общественного способа производства, при которой названные стороны находятся в отношении противоположностей, как моменты одного отрицательного единства: «В противоположности тождество и различие предполагают и одновременно исключают друг друга. Другими словами, противоположность есть отрицательное единство тождества и различия» (Вазюлин, 2002, стр. 286).

В этих обстоятельствах заключаются объективные причины того, что «в рамках господствующих традиций исторического материализма соотношение производительных сил и

производственных отношений, как правило, воспринимается в ее функционировании, как в общем неизменная для всех исторических стадия развития человечества, и тогда не замечают того фундаментального обстоятельства, что сама диалектика производительных сил и производственных отношений развивается. Причем, — что наиболее существенно — производительные силы как таковые, производственные отношения как таковые, их соотношение как таковое развивается» (Вазюлин 2015, стр. 152—153). Таким образом, капиталистические производительные силы («содержание») выступают как в общем и целом достаточно развитые для упразднения капиталистических производственных отношений («формы») и для утверждения новых социалистических производственных отношений. Такой же принцип сохраняется (просто «переворачивается»), когда после социалистической революции производственные отношения фактически воспринимаются как данные (подлежащие только «совершенствованию»), дело сводится лишь к развитию производительных сил. В обоих случаях *одна из сторон противоречия берется в качестве данной, отношение между этими сторонами воспринимается в качестве внешнего и, следовательно, источник самодвижения, закономерность развития общества ищут не в самом противоречии общественного способа производства, а вне его (например, в потребностях, в «человеческом факторе», в сознании и в волевых актах субъектов и т. д.)*. Указанный подход как принцип выполнил и выполняет свою историческую роль до известной степени. Этот подход указывает на возможность (и отчасти на необходимость) упразднения капиталистических производственных отношений или после социалистической революции — на возможность (и отчасти на необходимость) развития производительных сил. Однако, поскольку при этом не выявляется «механизм» развития и разрешения этого противоречия, возникает масса заблуждений и иллюзий по поводу закономерности исторического процесса и, следовательно, по поводу стратегии и тактики революционного движения.

В разных толкованиях этого подхода нашли свое теоретическое обоснование различные направления рабочего движения (экономизм, реформизм, левацкий оппортунизм и др.), различные варианты официальной идеологии в СССР и подавляющее большинство левого движения в бывшем СССР после буржуазной контрреволюции. Ограниченность этого подхода выразилась явно как неспособность прогнозирования пер-

спективы открытой капиталистической реставрации в конце 80-х начала 90-х годов сведением причин этой реставрации к одному лишь субъективному фактору, а также как отсутствием какой-либо теоретически обоснованной перспективы у теперешнего левого арьергарда.

Преодоление ограниченности указанного подхода представляется возможным на новом уровне теоретического осмысления общества. Именно на этом уровне разворачивается научное исследование В.А. Вазюлина. «Общественный способ производства и представляет собой *сущность* общества. Наиболее глубоко диалектика производительных сил и производственных отношений осуществляется как собственно общественный характер производства. Именно собственно общественный характер производства и есть диалектика производительных сил и производственных отношений как *противоречие*, или, иначе говоря, собственно общественный характер производства и есть собственно противоречие, развитое противоречие производительных сил и производственных отношений. В нем производительные силы есть производственные отношения, а производственные отношения есть производительные силы: каждая из противоположностей есть свое иное в отрицании своего иного». (Вазюлин 2015, стр. 151).

К этому выводу направлялся в своих исследованиях в известной степени и К. Маркс. Однако уже упоминавшаяся познавательная ситуация, а также необходимость акцентирования внимания на исследовании капитализма ставили исторические и методологические ограничения в марксовом подходе. С этим обстоятельством связана и *ограниченность периодизации истории в рамках формационного подхода*. В последнем не выявляется конкретный «механизм» саморазвития общества, а просто констатируется *последовательность исторических форм в качестве рядоположенных и внешне относящихся друг к другу*. Различные формации, «Античное общество, феодальное общество, буржуазное общество представляют собой такие совокупности производственных отношений, из которых каждая вместе с тем знаменует собой особую ступень в историческом развитии человечества» (Маркс К. Наемный труд... Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 442). При этом, по Марксу, «в общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» («К критике политической экономии» Маркс К., Энгельс Ф. Собр.

соч. Изд. 2. Т. 13. С. 7). Ограниченность и своего рода схематизм формационного членения общества явно обнаруживается (без оригинальности и творческого духа марксовых произведений) в большей части последующей литературы и, особенно, у «эпигонов» марксизма (например, экономический детерминизм, структуралистское и структурно-функциональное истолкование марксизма, волюнтаристский подход к способу производства и к обобществлению производства и т. д. и т. п.). Формационный подход часто трактуется шаблонно, и люди стремятся механически втиснуть в эту схему историческое многообразие. Стремятся, например, всячески найти «в чистом виде» базис и надстройку во всех обществах, или (имея в виду буржуазную и социалистическую революцию) считают, что революция — это необходимое условие перехода от любой общественно — экономической формации к последующей, несмотря на то, что исторические данные и теоретическое рассмотрение исключают такую возможность в истории человечества до периода перехода к капитализму.

Таким образом, *при формационном членении общества прямо не фиксируется развитие общества, а только констатируется чередование внешних друг другу исторических форм в качестве рядоположенных*.

В рамках марксизма имеется и более общее членение истории общества: доклассовое — классовое — бесклассовое. Исходную и основную роль в этой периодизации играет классовая стадия общества, по отношению к которой отрицательно характеризуются остальные. В качестве основной берется одна очень важная сторона исторического развития. Критерием деления истории выступает *чередование основных исторических форм собственности: общинная — частная — общественная собственность*. Это, конечно, существенная сторона для положительного определения исторического развития, однако и здесь процесс рассматривается односторонне.

Если при пятичленном делении истории выражается стремление исходить из задачи перехода от капитализма к социализму, то для трехчленного деления характерна цикличность представления об историческом процессе, исходящая из *переоценки сходства коммунизма с первобытнообщинным строем или с его общинными пережитками*. Эта тенденция объяснима и с психологической точки зрения, с позиции тех людей, которые нуждаются в реальной аналогии желаемого будущего в идеализиро-

ванном прошлом. В этих рамках следует рассматривать реанимацию актуальной в кругах Второго Интернационала довоенных лет проблематики об азиатском способе производства.

В любом случае, деление истории докапиталистических обществ по формам общинного устройства выдвигает на первый план то, что исчезает, а деление истории антагонистических обществ на основании форм частной собственности — то, что отрицает первобытно-общинный строй. Материалистическое понимание истории — это максимально возможное теоретическое отображение структуры и истории общества, находящегося в завершающей фазе своего формирования.

С методологической точки зрения в нем определяется стадия формирования социальной теории (философии); приближается к завершению восхождение от хаотического представления о целом (от чувственно-конкретного) к абстрактному, завершается анализ и, тем самым, создаются предпосылки зрелой социальной теории, создаваемой методом восхождения от абстрактного к конкретному. Однако еще не выделяется в чистом виде элементарное отношение, исходная абстракция общества. Это, конечно, не означает, что в рамках исторического материализма возможности дальнейшего исследования частных вопросов исчерпаны. Исторический материализм возник и развивался в качестве теории в рамках капитализма, и его научные достижения актуальны, пока основной задачей эпохи остается переход от капитализма к социализму, выступающий первоначально как замена формации, как отрицание капитализма.

Дальнейшее развитие материалистического понимания истории классиками связано с рядом положений. Во-первых, с осмыслением и обобщением новых результатов исторических исследований. Это позволило уточнить представления о *предпосылках общества и исходного отношения общества*, однако без отчетливого различения этого исходного отношения от сущности общества. С этой точки зрения характерно фиксирование Энгельсом двух видов производства и воспроизводства непосредственной жизни: «с одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода» (Энгельс Ф. Происхождение семьи... т. 21, с. 26). Во-вторых, с углублением экономических исследований К. Маркса вокруг «Капитала», которые привели его к осознанию.

А именно: того факта, что коммунизм является итогом развития всемирной истории, «снятием» доклассовых и классовых ступеней общества (это «подлинно человеческая история» преодолевающая «предысторию» человечества); необходимости противоположного «сведению» — «выведения» из экономической жизни общества остальных сфер и уровней общества.

Однако материалистическое понимание истории носит неизгладимую печать специфики теоретического анализа капиталистического общества и сравнительного сопоставления (экстраполяции) этого анализа с предыдущей и с будущей историей.

Предвидение бесклассового общества

Менее благоприятна познавательная ситуация, в которой формировались представления о научном социализме. С одной стороны, — полное отсутствие реального опыта в прошлом, а, с другой, — представления гипотетически утопического характера о будущем обществе у предшественников и современников К. Маркса. Соответствующие теоретические положения К. Маркса и Ф. Энгельса — это гениальное научное предвидение огромной теоретической и практической (революционной) важности. Это предвидение исходит из исследования тенденций, закономерностей, противоречий и перспектив развития общества, т.е. опирается исключительно на фиксирование предпосылок нового общества. Особую важность приобретает научный социализм с точки зрения теоретического обоснования борьбы за эмансипацию рабочего класса и эксплуатируемого человечества.

Творческое развитие марксизма в «Логике истории»

В советской философии имели место творческие подходы к развитию марксистской теории. Такие ее важные стороны, как диалектическая логика и методология разрабатывались М. М. Розенталем, Э. В. Ильенковым, Л. А. Маньковским, З. М. Оруджевым и, наиболее глубоко, В. А. Вазюлиным.

Теоретическое исследование процессов развития человечества параллельно с критическим переосмыслением общественной теории и социальной философии позволило создать *оригинальное направление в области общественной теории, диалектической логики и методологии науки.* Данное направление выражено в логико-исторической концепции В.А. Вазюлина.

Ее формирование базировалось на определенных предпосылках и прошло закономерные этапы.

Эта концепция возникла не в качестве еще одной абстрактно-академической схемы. Она представляет собой закономерный шаг революционирования науки, придавая марксизму форму, адекватную новой исторической эпохи.

К основным научным достижениям, которые привели В.А. Вазюлина к концепции «Логике Истории», нужно отнести следующее.

Во-первых, выявление логики теоретической части «Капитала» К. Маркса путем систематического категориального осмысления политэкономического материала с параллельным критическим анализом «Науки логики» Гегеля. Это позволило разработать **методологию развитого научного исследования, развитой науки об органическом целом**. В рамках этой логики и методологии выявляется «в чистом виде» восхождение от абстрактного к конкретному в единстве с восхождением от чувственно-конкретного к абстрактному, логическое в единстве с историческим, разумное мышление в единстве с рассудочным.

Во-вторых, конкретно-исторический подход к достижениям социальной теории и особенно к марксизму, понимаемому в качестве научной системы, развивающейся через возникновение и разрешение закономерных противоречий, причем системы внутренне единых в своем различии составных частей, каждая из которых находится на определенном уровне своего становления и развития. Логико-методологическое рассмотрение истории марксизма (с точки зрения методологии политэкономии капитализма — наиболее развитой его составной части) позволило: выявить **закономерности и противоречия (в том числе, — необходимые заблуждения) становления научного исследования**, т.е. движения познающего мышления от поверхности к сущности предмета; сосредоточить свои исследовательские усилия на наиболее перспективном направлении развития теории об обществе.

В-третьих, вышеуказанные достижения внутренне связаны с подходом к научному мышлению как к **естественноисторическому процессу**.

В-четвертых, творческое развитие метода научного исследования позволило раскрыть **внутреннюю систематическую взаимосвязь законов и категорий общественной теории, отражающей структуру развитого общества, представить теоретическую периодизацию истории человечества** (закономерности ее «восхождения» от начала, первоначального воз-

никновения, формирования к зрелости) сквозь призму взаимодействия природно-естественных и социальных факторов.

Научные открытия В.А. Вазюлина и концепция «Логике Истории», создают возможность более обоснованного и достоверного познания, предвидения закономерностей развития общества, чем это было в домарксовской философии, в классическом марксизме и в распространенных подходах современности. Одновременно открывается этап последующего **диалектического развития социальной философии через диалектическое «снятие» исторического материализма и формационного подхода**.

Прогностическая сила этой теории и методологии уже неоднократно апробирована с начала 70-х гг. Теоретический подход «Логике Истории» к фундаментальным вопросам общественного развития (о «ранних» социалистических революциях, об экстенсивном и интенсивном развитии производительных сил, о формальном и реальном обобществлении производства и т.д.) дает ключ к пониманию объективных причин ряда общественных явлений, открывая целый спектр исследовательских направлений. Таков, например, вопрос *о причинах победы капиталистической контрреволюции и реставрации*, в противоположность господствующему сведению этих причин к одному лишь субъективному фактору, вопрос *о перспективах человечества* и др.

Налицо беспрецедентный (по масштабам, по остроте, по глубине и по длительности) кризис мировой системы капитализма, эскалация агрессивности капитала, фашизма, мировой войны и т.д., в результате которых мучительно, но закономерно возникнет необходимость новых, адекватных эпохе научных исследований и соответствующего им общественного движения. Острейший кризис и война — решающее испытание теории и общественно-политических сил на адекватность современной эпохе. Новый период, новая эпоха и ситуация, требуют принципиально иных мыслей и действий людей, принципиально иную деятельность общественно-политических сил. Но на адекватные новой эпохе действия готовы далеко не все.

Современность диктует необходимость дальнейшего и, по-видимому, более фундаментального раскрытия познавательного и эвристического потенциала этой теории и методологии. Без глубокого изучения наследия К. Маркса, без творческого развития, без диалектического снятия прежней исторической формы марксизма, невозможно конструктивно разрешить слож-

нейшие теоретические и практические проблемы, с которыми сталкивается человечество в современной эпохе.

Список литературы

1. *Anderson P.* The Ends of Engagement, Yerso, 1992.
2. *Sartre J.-P.* Critique de la raison dialectique. Paris, 1960.
3. *Вазюлин В.А.* Логика Истории. Вопросы теории и методологии. Изд.3-е. URSS. М. 2015.
4. *Вазюлин В.А.* Логика «Капитала» К. Маркса. Изд.3-е. С.Г.У., М. 2002.
5. *Вазюлин В.А.* Становление метода научного исследования К. Маркса. М. 1975.
6. *Вазюлин В.А.* О социальной философии истории // Социологические исследования, № 12, 1992, с. 90-97.
7. *Вазюлин В.А.* Об альтернативности истории// Марксизм и современность. N 1 (26-27) 2004/
8. *Вазюлин В.А.* О необходимости диалектического снятия классической исторической формы марксизма//Марксизм и современность. N 1-2 (31-32) 2005/
9. *Вазюлин В.А.* Еще раз о диалектическом снятии марксизма//Марксизм и современность. N 1-2 (35-36) 2006 /
10. *Вазюлин В.А.* Логика истории взаимодействия морали и политики//Марксизм и современность. N 4 (38) 2006.
11. *Вазюлин В.А.* Обращение к представителям греческих кружков по изучению революционной теории. Текст подготовлен на основе аудиоматериалов интернет-конференции, состоявшейся 22.08.2007. Опубликовано в 3-ем издании «Логика Истории», М. URSS, 2015, с. 351-364.
12. *Гобозов И.А.* Сартр и марксизм. // Философия и общество. Выпуск №2(43)/2006 https://www.socionauki.ru/journal/fio/archive/2006_2/
13. *Ленин В.И.* О государстве, 1919, Соч. т.39.
14. *Маркс К.* Наемный труд и капитал. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Т. 6. стр. 428-459
15. *Маркс К.* Капитал // К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Т. 23-25.
16. *Маркс К.* Экономические рукописи 1957-1961. Ч. 1. М. 1980.
17. *Маркс К.* К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Т. 13, с. 1-167.
18. Международная логико-историческая школа. <http://www.ilhs.tuc.gr/>
19. *Пателис Д.* Философско-методологический анализ становления экономической науки. М. 1991.
20. *Пателис Д.* Методологическое осмысление социально-философского наследия и «Логика истории». Журнал «Альтернативы», 2002, № 3, стр. 26-49 http://alternativy.ru/magazine/htm/02_3/2002_3_1_2.htm
21. *Пателис Д.* О ранних и поздних социалистических революциях в свете Логика Истории. О теоретической и практической актуальности социализма // «CREDO NEW», 2011, №2.
22. Труды международной логико-исторической школы. Выпуск 1. Логика истории и перспективы развития науки. М.1993.
23. Труды международной логико-исторической школы. Выпуск 2. История и реальность: уроки теории и практики. М. 1995.
24. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. 21, с. 28-178.

ESSENTIAL PROPERTIES OF THE CREATIVE PRODUCT AS GOODS

СУЩНОСТНЫЕ СВОЙСТВА КРЕАТИВНОГО ПРОДУКТА КАК ТОВАРА

Daria Nikolaevna Borovinskaya,
candidate of philosophy,
associate professor of the Department of Social and Humanitarian
Education of Surgut State Pedagogical University
E-mail: sweetharddk@mail.ru

Дарья Николаевна Боровинская,
кандидат философских наук,
доцент кафедры социально-гуманитарного
образования Сургутского государственного
педагогического университета
E-mail: sweetharddk@mail.ru

Annotation. In article according to the economic theory of K. Marx and modern approaches of the cultural, creative industries essential properties of a creative product as goods in the course of production and consumption are marked out.

Key words: creative product, goods, economics of culture, cultural industries, creative industries, cultural benefits, essential properties of production and consumption of the cultural benefits

Аннотация. В статье согласно экономической теории К. Маркса и современным подходам культурных, креативных индустрий выделены существенные свойства креативного продукта как товара в процессе производства и потребления.

Ключевые слова: креативный продукт, товар, экономика культуры, культурные индустрии, креативные индустрии, культурные блага, существенные черты производства и потребления культурных благ

Актуальность исследования связана, с одной стороны, с активным развитием ряда современных направлений в области изучения креативности как способности создавать продукт, обладающий экономическими и культурными характеристиками. Например, экономика культуры, где при изучении креативности в зарубежной литературе широко используются такие широко распространенные термины, как «экономика креативности»¹ и «креативная экономика»².

С другой стороны, «представление о креативности как о способности создавать продукт, обладающий экономическими характеристиками, в корне отличными от предыдущих, длительно формируется во времени в разных социально-исторических и социально-экономических условиях»³. Процесс создания культурных товаров обусловлен сущностным характером структурных трансформаций в обществе, протекающих из меняющейся природы экономики и социальной сферы. Стремление к получению прибыли, удовлетворению потребностей и интересов провоцирует рациональное, осмысленное поведение людей в пользу экономически выгодного положения. Это, в свою очередь, обуславливает развитие и доминирование экономической составляющей феномена понятия «креативность».

В связи с этим при комплексном анализе существующих современных концепций в иссле-

довании креативного продукта возникает проблема, которая заключается в том, что выявление сущностных свойств товара происходит вне процесса производства, детально представленного в фундаментальных подходах к социально-историческому развитию обществ.

Цель данного исследования — выявить сущностные свойства креативного продукта как товара, согласно теории общественно-экономических формаций К. Маркса на современном этапе развития общества.

Исследования культурного продукта с позиции экономического подхода предполагают сосредоточение внимания именно на «технологической креативности», способах создания полезных и приносящих удовольствие товаров и услуг.

Согласно исследованиям Дж. Мокира⁴, можно выделить некоторые особенности производства технологической креативности, соотносимой с инновациями, которые обеспечивают выгоду, резко превышающую издержки изобретательства и внедрения. Изобретение возникает на индивидуальном уровне и превращается в инновацию, так называемую сложную игру с положительной суммой, которая ведется с участием множества игроков в условиях очень неполной информации⁵.

В свою очередь, обращаясь к современным исследованиям в области экономики креативно-

сти, отмечаем, что предмет ее заключается преимущественно в раскрытии способов оценки культурных благ в экономическом и культурном отношениях, а также в интерпретации креативности как упорядоченного процесса, поддающегося анализу в категориях рациональности. Для того, чтобы связать концепцию креативности как культурного явления с наблюдаемой экономической реальностью, австралийский исследователь Д. Тросби вводит в оборот модель, основанную на создании культурной и экономической ценности. В сфере культурного производства креативность может быть разумно понята в ее реальных проявлениях лишь в том случае, если принимать во внимание экономические соображения. При этом все результаты креативной деятельности как культурные блага включают одновременно и культурные, и экономические ценности, тогда как обычные блага обладают лишь экономической ценностью.

Наряду с понятием «экономика креативности» преимущественно североамериканские экономисты используют понятие «креативная экономика», где в качестве предмета исследования выступают условия развития креативности в форме рыночного продукта, а именно — финансовых трансакций творческих продуктов, законодательных норм, регулирующих оборот творческих продуктов.

Далее для более детального выявления существенных характеристик креативного продукта как товара обратимся к фундаментальным исследованиям в области отношений производства, распределения, обмена и потребления, которые в свое время были предложены К. Марксом — несмотря на то, что в нашем исследовании актуальны отдельные отрасли производства — культурные, креативные индустрии, в рамках которых создаются, воспроизводятся, распространяются и потребляются культурные товары.

«Производство создает предметы, соответствующие потребностям; распределение распределяет их согласно общественным законам; обмен снова распределяет уже распределенное согласно отдельным потребностям; наконец, в потреблении продукт выпадает из этого общественного движения, становится непосредственно предметом и слугой отдельной потребности и удовлетворяет ее в процессе потребления»⁶.

Согласно подходу классической политической экономии, рассматривая товар как внешний предмет, который, благодаря своим свойствам удовлетворяет какие-либо человеческие потребности, выделим ряд характерных черт их производства и потребления.

А именно — это полезность вещи, которая, с одной стороны, заключается в единстве потребительной стоимости и меновой стоимости, возникающих одновременно. С другой стороны, «...вместе с тем, он есть товар только в отношении к другим товарам. Действительное отношение товаров друг к другу есть процесс их обмена... Потребительные стоимости товаров становятся потребительными стоимостями, когда они всесторонне меняются местами, переходя из рук, в которых они суть средства обмена, в руки, в которых они суть предметы потребления. Только посредством такого всестороннего отчуждения товаров заключенный в них труд становится полезным трудом»⁷.

Следующая черта — все товары представляют собой результат труда. По мнению К. Маркса, потребительная стоимость товаров всегда опосредована трудом. А к необходимым элементам труда он относит целесообразную деятельность или сам труд, предмет труда и средства, его обеспечивающие. При этом экономист отмечает, что формирование такого свойства товара, как потребительная стоимость, возможно при условии, что товар является общественно полезным.

«Вещь может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но не быть товаром. Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость. ...Наконец, вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то затраченный на нее труд бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой стоимости»⁸.

В качестве отдельной характеристики К. Маркс отмечает, что товар должен иметь денежное выражение. По его мнению, деньги — это кристаллизация меновой стоимости товаров, создаваемая ими в самом процессе обмена. Поэтому, в то время как товары в процессе обмена становятся друг для друга потребительными стоимостями, поскольку они сбрасывают с себя всякую определенность формы и относятся друг к другу в своем непосредственном материальном виде, — эти же товары для того, чтобы выступать по отношению друг к другу меновыми стоимостями, должны принять новую определенность формы, перетекающие в форму денег.

И, наконец, — это воспроизводимость товаров и услуг в промышленном отношении. Цикл,

который включает такие стадии, как производство, распределение, обмен, потребление.

Теперь, учитывая выше обозначенные черты материального процесса производства и потребления товаров, которые в свое время выделил К. Маркс, определим сущностные черты креативного продукта как товара. Но прежде чем перейти собственно к процессу, дадим общую характеристику продукта культурных, креативных индустрий.

Исследованию культурных (креативных) индустрий в рамках политической экономии посвящены работы североамериканских и европейских экономистов и социологов: Г. Бекера, Н. Гарнэма, П. Голдинга, Р. Макчесни, Б. Мьежа, Г. Мэрдока, Р. Петерсона, А. Турена, Д. Хезмондалша, Д. Хокинса, Н. Хомского, Г. Шиллера и многих других. Труды австралийского исследователя Д. Тросби и новозеландца Б. Райена также посвящены экономическим аспектам культурной деятельности и культурному контексту экономики и экономического поведения.

По мнению Д. Хезмондалша, культурные индустрии — это индустрии, напрямую связанные преимущественно с промышленным или полупромышленным способом производства. В качестве важного критерия подобных индустрий выделяется также формирование и распространение текстов. Более того, британский исследователь утверждает, что культурные индустрии, являясь проводником экономических, социальных и культурных изменений, управляют креативностью и способствуют ее распространению⁹.

Культурные индустрии представляют собой совокупность нескольких сфер: искусство в традиционном его понимании (музыка, театр, изобразительные искусства и др.), в том числе и новейшие формы практик (видео-арт, компьютерное искусство); индустрии, занятые не только производством и распространением культурных товаров и услуг: широкое вещание (телевидение, радио), киноиндустрия, издательская деятельность, включая печать и публикации в электронном виде; индустрии, в основном действующие вне культурной сферы, но производящие культурные продукты: реклама, маркетинг, туризм, архитектурные услуги.

В качестве обобщающих признаков выделим многообразие форм, обусловленных широтой охвата (искусство, интеллектуальная собственность, наука и т.д.); наличие в основе креатив-

ной составляющей; нацеленность на получение прибыли (креативность/коммерция); тесная взаимосвязь с искусством; превалирование символического смысла исходя из узкого понимания термина «культура».

Так или иначе, «Культурные товары и услуги — результат культурных индустрий — представляют собой совокупность экономических и культурных ценностей. Однако в целом деятельность в сфере культурных индустрий нацелена, в первую очередь, на формирование и распространение экономической ценности. Интенсивная коммерциализация мира искусства есть твердое свидетельство влияния на него экономического фактора»¹⁰.

Переходя к процессу производства товара культурных (креативных) индустрий, отметим, что деятельность по созданию культурных благ является сложным многоуровневым процессом. С одной стороны, этот процесс может быть связан с рождением новой идеи, а, с другой, — внедрением этих новых идей, например, в форме результатов научных исследований и практических разработок.

«Более того, продукт культуры как благо может и не иметь традиционных характеристик, свойственных товару. Если же рассматривать продукт культуры как товар, то, безусловно, он, как и все полезные вещи, обладает количественными и качественными характеристиками, которые определяются его потребительной и меновой стоимостью.

Не вызывает сомнений и тот факт, что потребительная стоимость товара определяется его полезными свойствами. Однако в отношении культурного товара существует некоторая сложность. Во-первых, продукт культуры не всегда есть потребительная стоимость или благо. Во-вторых, для того, чтобы потребитель смог определить полезность товара, он должен знать его цену. И здесь возникает следующая трудность, обусловленная спецификой ценообразования. Очень часто потребительная стоимость культурного товара формируется непредсказуемо (случайно), и связано это, в первую очередь, с высоким уровнем неопределенности и риска при производстве, и, в дальнейшем, — при потреблении готовых товаров»¹¹.

«Безусловно, величина стоимости всегда определяется количеством труда, материализованного в потребительской стоимости товара,

рабочим временем, общественно необходимым для его производства. Это относится и к продуктам культурных индустрий. Но коль скоро процесс создания, например, предметов искусства носит творческий характер, то и объем затраченного труда представляется трудно измеримым. Творчество не измеряется количественно. Можно посчитать количество креативных продуктов, однако проблематично вычислить объем целесообразной деятельности, который овеществляется в этих продуктах. Более того, формирование прибавочной стоимости товаров, обозначенных индустрий, также вызывает ряд сложностей. В процессе увеличения стоимости любые товары, которые входят в процесс труда, имеют значение как со стороны целесообразно действующей рабочей силы, так и с количественной стороны. А именно, когда труд учитывается исключительно по количеству времени. Прибавочная стоимость создается только в результате производительного труда»¹².

С экономической точки зрения специфика культурного производства на стадии создания заключается, во-первых, в сложности, а порой и невозможности вычислить количество труда, материализованного в создаваемом продукте. А потребительная стоимость креативного товара всегда опосредована трудом; во-вторых, — в отсутствии определенного алгоритма формирования окончательной стоимости культурных товаров и услуг.

После тщательного изучения фундаментальных исследований К. Маркса мы наверняка придем к следующему выводу. А именно — обладать качествами и свойствами товара как такового культурные блага способны при условии, что они безо всяких оговорок позволяют спроецировать на себя и потребительные, и стоимостные характеристики. И это, опять же вне зависимости от потраченных на его создание временных и интеллектуально-эксклюзивных ресурсов.

Подводя итог, отметим, что креативный продукт как товар обладает рядом характерных черт.

Прежде всего, это процесс, включающий этапы производства, воспроизводства, распространения, обмена, потребления. Стадия производства характеризуется высокими затратами, а, в свою очередь, относительно низкие затраты наблюдаются при воспроизводстве креативных товаров. В целом совокупность реализуемых,

а потом уже и реализованных этапов приводит к появлению продукта культуры. Причем каждый этап будет зависеть от характера конечного продукта, который создается в результате всего процесса, а также конкретных действий или операций, осуществляемых на том или ином этапе.

Продукт культурных индустрий обладает потребительской и меновой стоимостью. При этом размер стоимости представляется трудноизмеримым и не всегда поддающимся точному исчислению.

В процессе производства культурного продукта задействованы особые отрасли производства, так называемые культурные, креативные индустрии, составляющие основу экономик развитых стран.

¹ *Throsby D.* Economics and Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2001, 228 p.

² *Howkins J.* The Creative Economy: How people make money from ideas. London: Allen Lane, Penguin, 2002, 288 p.

³ *Боровинская Д.Н., Захарова Л.Н.* Концептуальное представление о креативности: материалистический взгляд // Социально-гуманитарные знания, 2017, № 10. С. 68.

⁴ *Мокир Дж.* Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс / пер. с англ. Н. Эдельмана; под науч. ред. Т. Дробышевской, А. Смирнова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014, 504 с.

⁵ *Klemm F.* A History of Western Technology. Cambridge, MA: MIT Press. 1964.

⁶ *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. М.: Политиздат, 1978. С. 20.

⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений в 39 томах. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической культуры, 1959. Т. 13. С. 28-29.

⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений в 39 томах. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической культуры, 1960. Т. 23. С. 49.

⁹ *Хезмондали Д.* Культурные индустрии/ пер. с англ. И. Кушнарева; под науч. ред. А. Михалева; Нац. Исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. 456 с.

¹⁰ *Боровинская Д.Н.* Экономические и культурные основания креативности // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 50.

¹¹ *Боровинская Д.Н.* Специфика креативного продукта как товара культурной индустрии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 3. С.137.

¹² Там же. С.137.

**RUSSIA IN THE CIVILIZATION DOCTRINES
OF V.S. SOLOVYEV AND L.N. TOLSTOY**

**РОССИЯ В ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ДОКТРИНАХ
В.С.СОЛОВЬЁВА И Л.Н.ТОЛСТОГО**

Arkady Nikolaevich Borozdin,
candidate of philosophical sciences, docent,
professor of the Department of Sociology and Political
Sciences of the Moscow University of the MIA
of Russia named after V.Ya.Kikot
E-mail: rinabora@mail.ru

Аркадий Николаевич Бороздин,
кандидат философских наук, доцент, профессор
кафедры социологии и политологии Московского
университета МВД имени В.Я. Кикотя
E-mail: rinabora@mail.ru

Annotation. Explores the features of civilization doctrines of V.S. Solovyev and L.N. Tolstoy, as well as the place and role of Russia.

Key words: civilization, civilization of the world, historical process, Russia

Аннотация. Исследуются особенности цивилизационных доктрин В.С. Соловьева и Л.Н. Толстого, а также место и роль в них России.

Ключевые слова: цивилизация, мировая цивилизация, мировой исторический процесс, Россия

В истории русской философской, социально-политической мысли особое место занимает XIX столетие — «золотой век русской культуры». В это время был заново поставлен вопрос о цивилизационной сущности России, ее своеобразии и историческом предназначении. В ходе теоретической полемики четко обозначились два основных подхода к решению поставленной проблемы: западничество и самобытничество. Первую серьезную попытку философско-религиозного и историко-цивилизационного обоснования западничества обычно связывают с первым «Философическим письмом» П.Я. Чаадаева. В дальнейшем «дух Чаадаева», по выражению П.Б. Струве, был унаследован весьма широким кругом российских мыслителей. Недвусмысленно проявился он и в мировоззренческих установках таких философов и писателей, как В.С. Соловьёв и Л.Н. Толстой, бывших в конце XIX — начале XX веков серьезными авторитетами для очень многих представителей так называемого образованного общества России.

Теоретическая полемика, начатая в 30-х годах Чаадаевым и славянофилами по вопросу цивилизационного соотношения России и Западной Европы, путей исторического развития России, Европы и мира в целом, сопровождавшаяся религиозной дискуссией, в конце века нашла свое отражение в творчестве такого сложного и достаточно противоречивого мыслителя, как В.С. Соловьёв. В области философии его часто называют основателем нового

религиозного сознания, религиозной философии, получившего распространение в начале XX века богоискательства (в противовес ортодоксальному православному мировоззрению). В сфере идеологической, оценки его взглядов весьма разнообразны: от объявления его учения синтезом славянофильских и западнических воззрений, или выделения этапов их эволюции от славянофильства к западничеству, до утверждений, что он не был никогда ни славянофилом, ни западником.

В социально-политических построениях он исходил из методологии своей философской системы — «метафизики всеединства» (предусматривавшей необходимость замены одностороннего христианского богословия «свободной теософией», состоящей из того же богословия, философии и науки). По мнению Соловьёва, единство социальной жизни обуславливается всеединством христианства, поэтому его раскол на католицизм, православие и протестантизм он оценивал как негативное явление в истории человечества. Симпатии к католичеству у Соловьёва были очевидны. Он полагал, что настоящее христианское государство существует только на Западе, только в условиях развития римского католицизма. Не случайно он писал: «Будь я проклят как отцеубийца, если когда-нибудь произнесу слово осуждения на святыню Рима»¹. Не случайно и то, что «в начале 1896 года Соловьёв решил на тайное присоединение к католической Церкви», факт которого он «скрывал

от своих русских друзей...»². Подобно П.Я. Чаадаеву, Соловьёв весьма резко критиковал византийско-московское православие, считая, что келейное подвижничество оставляло в Византии государственную область на стадии чисто языческой и что только римский католицизм способен созидать правильную и общественно-организованную церковь вместо личного подвижничества в византийско-московском православии. Для него византийско-русское православие означало отречение от самой сущности христианства, разобщение с цивилизованным миром.

Это обусловило и соответствующую оценку русской истории вполне в чаадаевском духе. Он писал, что «в силу определенных исторических условий — разобщения с Европой, воздействия монголов и одностороннего влияния византизма — сложился в московском государстве духовный и жизненный строй, который никак нельзя назвать истинно христианским... В московском государстве, как прежде в Византии, религиозные и нравственные начала были совсем исключены из области политических и социальных отношений. В этой области на место вселенского христианского идеала явились чисто языческие понятия и чувства. Собственной нации и национальному государству было возвращено абсолютное значение, отнятое у них христианством. В московской России, вследствие крайнего невежества и разобщения с цивилизованным миром, этого рода реакция против христианского универсализма проявилась во всей своей силе. Признавая себя единственным христианским народом и государством, а всех прочих считая «погаными нехристями», наши предки, сами не подозревая того, отрекались от самой сущности христианства»³. По поводу данных пассажей Соловьёва трудно не согласиться с мнением А.Ф. Лосева о том, что, «вероятно, будет правильно сказать, что здесь мы находим не только озлобленное отношение к византийско-московскому православию, но и прямое издевательство над ним»⁴. Не менее издевательским было и выдвинутое им в полемике со славянофилами и патриотами нового поколения сравнение России с «грязным кабаком»⁵.

Национальной особенностью России, согласно Соловьёву, было отсутствие собственных начал в области государственной власти, просвещения и, более того, цивилизации. Все это Русь якобы заимствовала на стороне — на Западе. Поэтому постоянная историческая задача, миссия русского народа — «национальное самоотречение». Два таких «великих подвига»

самоотречения, полагал Соловьёв, Русь уже совершила — призвание варягов и реформа Петра Великого. Оценка этой реформы давалась им в типично западническом ключе, так как «...все, что у нас было хорошего и оригинального..., могло явиться только благодаря Петровской реформе... Петр... сострадал ее действительным нуждам и бедствиям, происходившим от невежества и дикости. Против этих действительных нужд и бедствий он обратился к действительным средствам — европейской цивилизации... Но прежде чем мы могли усвоить себе европейское образование, мы должны были *принять* его в тех, чужих для нас, формах, в которых оно уже существовало в Европе»⁶. Соловьёв настойчиво подчеркивал, что России «нужно принять и деятельно усвоить те общечеловеческие *формы* жизни и знания, которые выработаны Западной Европой. Наша внеевропейская, или противоевропейская, преднамеренная и искусственная самобытность всегда была и есть лишь пустая претензия; отречься от этой претензии есть для нас первое и необходимое условие всякого успеха»⁷. Задача самоотречения для России ставилась и на будущее. Так, Соловьёв говорил Достоевскому: «Высшая цель России, Федор Михайлович, вовсе не в том, как вы полагаете, чтобы сменить Европу на исторической арене, сказав миру новое, озаряющее мысль и душу слово, а в том, чтобы послужить возрождению самой Европы, влить в нее свежие славянские силы и тем подвинуть к новой, более полной, нежели теперь, жизни, — в том-то и жертвенная миссия России, ибо сама по себе она способна лишь на прозябание»⁸.

Возможный вариант нового самоотречения Соловьёв разработал в своей социальной утопии — учении о теократическом обществе. Соловьёв считал, что нормальные отношения в государстве осуществимы лишь при условии признания церкви высшим началом общественных отношений, когда «духовное общество или церковь в свободном внутреннем союзе с обществами политическими и экономическими образует один цельный организм — *свободную теократию* или — *цельное общество*»⁹. Свободная теократия означает, что церковь как таковая не должна вмешиваться в государственные и экономические дела. Она дает им высшую цель и безусловную норму их деятельности: «...чтобы подчинить человечество безусловной справедливости, Государство — само создание человеческих сил и исторических условий — должно оправдать себя, подчинившись церкви, которая снабжает его нравственной и религиозной санк-

цией и дает ему реальную основу для его дела»¹⁰. Таким образом, Соловьев отмежевывался от тех вариантов теократического устройства общества, которые уже имели место в истории. Наиболее подробно свою утопию всемирной теократии он излагал в работе «История и будущность теократии». Весь этот трактат основан на философии ветхозаветной истории и на вытекающей из этой философии теории вселенской теократии, основанной на богочеловечестве Христа.

Соловьев предполагал объединение во вселенской теократии духовной и светской власти. Теократия может иметь только один религиозный центр, одну высшую духовную власть, одного первосвященника. Духовная власть для него — это римский папа, католическая церковь, которая одна только «сохраняет и утверждает во всем мире начало вселенского социального единства», «охраняет и утверждает свободу духовной власти против абсолютизма Государства; только ее, одним словом, не одолели врата ада». Поэтому русский народ должен совершить еще один акт национального самоотречения, пойти на выполнение своего «святого дела» — соединение церквей, духовное примирение Востока и Запада в богочеловеческом единстве вселенской церкви¹¹. Фактически это был один из первых в конце XIX века вариантов экуменической доктрины в России. Связующим звеном в этом деле, как писал в статье «Еврейство и христианский вопрос» Соловьев, должна быть Польша. Провиденциальная роль поляков — быть «живым мостом между святыней Востока и Запада. Могущественный царь протянет руку помощи гонимому первосвященнику... Тогда прославится вера Христова, тогда обратится народ израилев... И не будет тогда Израиль лишним среди Египта и Ассирии, среди Польши и России»¹². И вообще, как справедливо полагал А.Ф. Лосев — «весь смысл... статьи, кажется, только и заключается в том, что основой будущей вселенской теократии будут евреи и поляки», что «в конце истории Христос и все иудейство должны объединиться в одно целое» в «окончательном торжестве еврейства, примирившегося со своим божеством через Христа»¹³.

Светская власть, долженствующая восторжествовать во вселенской теократии будущего, — это власть русского царя, ибо «глубоко религиозный и монархический характер русского народа, некоторые пророческие факты в его прошлом, огромная и сплоченная масса его империи, великая скрытая сила национального духа, стоящая в таком противоречии к бедности

и пустоте его теперешнего существования, — все это указывает, повидимому, что исторические судьбы судили России дать Вселенской Церкви политическую власть необходимую ей для спасения и возрождения Европы и всего мира»¹⁴. То есть, Ватикан определяет духовные основы, принципы будущей жизнедеятельности, а Россия — средство и материальный гарант их реализации. Утопичность этой вселенской конструкции Соловьева подчеркивается еще и тем, что «в эту вселенскую теократию входит также иудаизм... выдвижение евреев на первое место в этой всемирной теократии..., объединение трех столь разнородных исторических сил..., можно мыслить только теоретически... Ведь исторически непредставимо, что петербургский император объединяется с римским папой, а они вдвоем объединяются с иудаистским материализмом»¹⁵.

Необходимо отметить при этом, что, ориентируясь на западноевропейскую цивилизацию, Соловьев в то же время, довольно критически относился к существовавшим там буржуазным порядкам, негативно оценивал господствовавшую плутократию, буржуазный индивидуализм и пр. (на основании чего его иногда предлагают не рассматривать в качестве западника).

В конце жизни Соловьевым овладевали пессимистические настроения. В предсмертных «Трех разговорах» и, в частности, «Краткой повести об антихристе» он развил эсхатологическую картину мира и вел речь о конце истории. Здесь уже не было речи о теократии, но по-прежнему обыгрывались идеи и «соединенных штатов Европы», и соединения всех церквей в разных вариантах, и всемирной империи антихриста, и новое объединение христиан и евреев и т.д. В этих последних своих работах Соловьев попытался с пессимистических позиций нарисовать прогностическую картину будущего человечества в XX—XXI столетиях.

На формирование специфического мировоззрения В.С. Соловьева и, прежде всего, — на его отношение к России, русской цивилизации, вероятно, оказали определенное влияние и его сугубо личностные особенности. Их достаточно точно подметил в свое время такой противоречивый, эмоциональный и увлекающийся мыслитель как В.В. Розанов, умевший, в то же время, в кратких формулировках блестяще выразить суть и особенности того или иного феномена. С одной стороны, испытывая к Соловьёву несомненный пиетет, восхищаясь его эрудицией, интеллектом и т.п., в 1900 году в статье «Памяти В. Соловьёва», Розанов, сетуя на неудовлетво-

равшую его российскую действительность и на то, что не все в России поняли и приняли Соловьёва, сокрушался по этому поводу: «Они не только устранили превосходного религиозного, серьезного руководителя молодых колеблющихся умов, но и создали многолетнего и талантливейшего в литературе бойца против консервативных начал жизни, антиславянофила, антируссиста. То, что здесь было у него ошибочного, должно быть особенно легко отпущено почившему...»¹⁶.

А с другой стороны, по прошествии полутора десятка лет (в 1913—1915 годах), сам немного «поправевший» и склонившийся к более консервативному мировосприятию, В.В. Розанов в характеристике Соловьёва уже достаточно жестко отмечал и настораживающие, а то и откровенно негативные черты в его образе. Поставив перед собой вопрос: «Не понимаю, почему я особенно не люблю Толстого, Соловьёва... Не люблю их мысли, не люблю их жизни, не люблю *самой души*»¹⁷, Розанов попытался найти ответ на него. В своих работах этого периода он писал о Соловьёве: «Он нес перед собою свою *гордость*»¹⁸. Более того: «...Самолюбие его было всепоглощающее: какой же это философ? ...Его полемика с Данилевским, со Страховым, ...с русскими богословами, с «памятью Аксакова, Каткова и Хомякова» до того чудовищна по низкому, неблагородному, самонадеянно-высокомерному тону, по отвратительно-газетному языку, что вызывает одно впечатление: «фуй! фуй! фуй!»». И далее: «...Между прочим, *лично* он положил на меня впечатление какого-то *ненасытного* завидования, «ревнования» к другим и — оклеветания. Он почти не мог выносить похвалы другому...».

По поводу отношения Соловьёва к России Розанов подметил, пожалуй, главное: «Дело в том и тайна в том, что Вл.Соловьёв, рожденный от русского отца и матери (хохлушка) ...был таинственным и странным образом совершенно не русский, не имея *даже ноты* «русского» в физическом очерке лица и фигуры. Он был как бы «подкидыш» у своих родителей, и «откуда его принесли — неведомо». ...Он ничего не нес в себе от русской стихии... Как странным образом он «не осязал» и русской земли, полей, лесов... Как будто он никогда не ел яблок и вишен. Виноград — другое дело: ел. И т.д. Странный. Страшный. Необъяснимый. Воистину — Темный»¹⁹.

Логическое развитие этой характеристики приводило Розанова к такой оценке Соловьёва,

которая для русского православного человека звучала как приговор: «Соловьёв был блестящий, холодный, стальной. Может быть, было в нем «божественное», как он претендовал, или, по моему определению, глубоко демоническое, именно преисподнее: но ничего или очень мало в нем было человеческого. «Сына человеческого» ...в нем даже не начиналось... Соловьёв был странный, многодаренный и *страшный* человек. Несомненно, что он себя считал и *чувствовал выше* всех окружающих людей, выше России, ее Церкви...», и «...побежавшее по улицам прозвище его »Антихристом«, красивым брюнетом Антихристом... сказало в улице под неодолимым впечатлением от личности и от всего в совокупности...»²⁰. В этой емкой розановской характеристике личности Соловьёва фактически содержится и ответ, хотя бы отчасти, на вопрос об истоках неприязни последнего к России, ее историческому цивилизационному облику.

Оценивая в целом идеологическое наследие В.С. Соловьёва, необходимо учитывать, что, несмотря на достаточное количество критических замечаний в адрес западного буржуазного общества, все-таки он постоянно вел ожесточенную полемику именно со славянофилами, их последователями и охранителями, а не с западниками, ибо воплощением общемировой направленности развития человечества (в том числе и России) для него был путь развития западной цивилизации. Все теории самобытного национального пути развития России, сохранения уникальной, отличной от западноевропейской, собственно русской цивилизации он отвергал. Более того, не только отвергал, но и чрезвычайно уничижительно, весьма и весьма оскорбительно для русского национального самосознания отзывался о традиционной России, чем способствовал распространению среди российской интеллигенции настроений, ценностей и цивилизационных ориентаций в духе «смердяковщины». Все это в совокупности и определяет место и роль В.С. Соловьёва в истории русской философско-религиозной и социально-политической мысли.

Если В.С. Соловьёв с его религиозно-философскими, теософскими и экуменическими изысками был кумиром преимущественно либерально-западнической интеллигенции в России, то Л.Н. Толстой имел более широкую базу своих почитателей, чем он был обязан, прежде всего, своему писательскому таланту. Недаром, П.Б. Струве отмечал, что «история русской лите-

ратуры знает не одного, не двух, не трех великих писателей. Но в ней есть только три громадных явления: Пушкин, Достоевский и Толстой»²¹. В то же время он подчеркивал, что «рядом с дешевым идолопоклонством перед лицом великого человека обнаруживается довольно плачевное отсутствие интереса к работе его мысли, которая, во всяком случае *теперь*, составляет единственное *дело* Льва Толстого»²². Струве имел в виду прежде всего философско-религиозную и социально-политическую доктрины Толстого, разрабатываемые им в результате религиозного переворота, с ним произошедшего.

Среди широкого спектра мировоззренческих построений Л.Н. Толстого, несомненный интерес представляют его взгляды на проблему мирового цивилизационного развития и место России в нем. Л.Н. Толстой к концу XIX столетия широковещательно объявлял себя приверженцем концепции одной единственной, однонаправлено развивающейся общемировой цивилизации: «Все люди неудержимо идут за теми, которые идут впереди, и все придут туда, где стоят передовые»²³. Критикуя своих оппонентов — самобытников и патриотов, он писал: «Они говорят, что особенности каждого народа составляют необходимое условие прогресса человечества, и потому патриотизм, стремящийся к удержанию этих особенностей, есть хорошее и полезное чувство. Но разве не очевидно, что если когда-то эти особенности каждого народа, обычаи, верования, язык составляли необходимое условие жизни человечества, то эти самые особенности служат в наше время главным препятствием осуществлению сознаваемого уже людьми идеала братского единения народов. И потому поддержание и охранение особенностей какой бы то ни было, русской, немецкой, французской, ...и множества других народностей, служит не сближению и единению людей, а все большему и большему отчуждению и разделению их». И в качестве своих идеалов он выставлял не только «идеи: уничтожения насилия, установления общности имуществ», но и «единой религии, всеобщего братства людей»²⁴. Таким образом, Толстой открыто объявил себя не только космополитом, гражданином мира, но и приверженцем экуменизма. Теоретико-методологический принцип «единства в многообразии, или многообразия в единстве», исповедовавшийся и по-разному обосновывавшийся славянофилами, Н.Я. Данилевским, К.Н. Леонтьевым

оказался им не понятным, или, скорее всего, в силу тех или иных причин, — не принятым.

Новая вера Л.Н. Толстого произвела переворот в его мировоззрении: «И вера эта изменила всю мою оценку хорошего и дурного, высокого и низкого. То, что мне представлялось хорошим и высоким — любовь к отечеству, к своему народу, к своему государству, служение им в ущерб блага других людей, военные подвиги людей, — все это мне показалось отвратительным и жалким. То, что мне представлялось дурным и позорным — отречение от отечества, космополитизм, — показалось мне, напротив, хорошим и высоким»²⁵. Причем ему это не только просто «показалось», а в его проповедях и нравоучительных наставлениях проявилась не просто чаадаевская нелюбовь к своему отечеству, а скорее ненависть в духе В.С. Печерина: «...патриотизм есть пережиток варварского времени, который не только не надо возбуждать и воспитывать, ...но который надо искоренять всеми средствами...». И более того: «Если ...мы хотим жить в мире, то не только нельзя сочувствовать могуществу своего отечества, но надо радоваться ослаблению его и содействовать этому. Надо радоваться, когда от России отделяется Польша, Остзейский край, Финляндия, Армения... И потому ...мы не только не должны ...желать увеличения своего государства, но желать уменьшения, ослабления его и всеми силами содействовать этому. И так и воспитывать молодые поколения». Молодые поколения надо воспитывать так, чтобы они считали постыдным, «...глупым и смешным ...восхваление своего народа, как оно теперь производится в разных лживых отечественных историях, картинах, памятниках, учебниках, статьях, стихах, проповедях и глупых гимнах...»²⁶. Знакомые мотивы из пропагандистской лексики 90-х годов XX столетия. Русофобские назидания Толстого оказались через сто лет весьма востребованными определенными политическими силами в России постсоветской.

Все это привело Толстого к тому, что он не мог не «...отречься от церкви и единения с народом...», да и от своего отечества, если уж твоим желанием является его всемерное ослабление во имя абстрактного блага всечеловечества. Вот это тройное отречение и являлось квинтэссенцией его нового мировоззрения. Нового для него, но, к сожалению, не для истории социально-политической мысли в России. В своем отречении он не был одинок. Да и в наше время

находится немало сторонников подобных идеологием. Космополитизм, приверженность западничеству остаются довольно устойчивым трендом в идеологической жизни страны.

¹ Цит. по: Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 2000. С. 343.

² Соловьев С.М. О присоединении Вл. Соловьева к католической церкви // Вл.С. Соловьев: pro et contra. С.-Птб., 2000. С. 149-150.

³ Соловьев В.С. Сочинения в 2-х томах. М., 1989. Т. 1. С. 417-418.

⁴ Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 2000. С. 267.

⁵ См.: Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. М., 1989. Т. 1. С. 478.

⁶ Там же. С. 285-288.

⁷ Там же. С. 262.

⁸ Цит. по: Савельев Л. Записки по русской философии // Москва. 1993. № 8. С. 190.

⁹ Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. М., 1990. Т.2. С. 175.

¹⁰ Соловьев В.С. Россия и вселенская церковь. Минск, 1999. С. 241.

¹¹ Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. М., 1989. Т. 1. С. 309-310, 320, 326.

¹² Там же. С. 253.

¹³ Лосев А.Ф. Владимир Соловьев. С. 256-257.

¹⁴ Соловьев В. Россия и Вселенская церковь. М., 1991 (1911). С. 65.

¹⁵ Лосев А.Ф. Владимир Соловьев. С. 258-259.

¹⁶ Соловьев Вл.С.: pro et contra. СПб., 2000. С. 191.

¹⁷ Розанов В.В. Собрание сочинений. Листва. М., 2010. С. 81.

¹⁸ Там же. С. 152.

¹⁹ Розанов В.В. Мимолетное. 1915 год. М., 2011. С. 263-265.

²⁰ Соловьев Вл. С.: pro et contra. С. 158.

²¹ Струве П.Б. Лев Толстой // Струве П.Б. Patriotica: Россия. Родина. Чужбина. СПб. 2000. С. 261.

²² Струве П.Б. Роковые вопросы // Струве П.Б. Patriotica: Россия. Родина. Чужбина. СПб. 2000. С. 255.

²³ Толстой Л.Н. В чем моя вера? // В поисках веры. М., 2006. С. 329.

²⁴ Толстой Л.Н. Русский мир. М., 2012. С. 31-33.

²⁵ Толстой Л.Н. В поисках веры. С. 357.

²⁶ Толстой Л.Н. Русский мир. С. 43.

KARL MARX —
GREAT THINKER AND REVOLUTIONARY

КАРЛ МАРКС —
ВЕЛИКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ И РЕВОЛЮЦИОНЕР

Ivan Arshakovich Gobozov,

doctor of philosophy, professor of the Department of Social Philosophy and Philosophy of History, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, MSA, Honored Professor of academician of the RANS
E-mail: igobozov@bk.ru

Иван Аршакович Гобозов,

доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный профессор МГУ, академик РАН
E-mail: igobozov@bk.ru

Annotation. The article is devoted to the 200th anniversary of K. Marx. The article emphasizes that Marx scientifically substantiated socialism as a comradely mode of production. First, he discovered the materialistic conception of history, according to which the mode of production of material life determines the social, political and spiritual processes of life in general. Marx also discovered the secret of surplus value. Thanks to these two great discoveries, socialism became a science, not utopia.

Marx made a scientific revolution in philosophy. He carried out an epistemological break with the old philosophical-historical concepts.

Key words: socialism, utopian socialism, scientific socialism, the materialistic conception of history, the mode of production of material life, the epistemological gap, surplus value, the scientific revolution

---

Аннотация. Статья посвящена 200-летию со дня рождения К. Маркса. В статье подчеркивается, что Маркс научно обосновал социализм как товарищеский способ производства. Он прежде всего открыл материалистическое понимание истории, согласно которому способ производства материальной жизни детерминирует социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Маркс также открыл тайну прибавочной стоимости. Благодаря этим двум великим открытиям социализм из утопии превратился в науку.

Маркс совершил научную революцию в философии. Он осуществил эпистемологический разрыв с прежними философско-историческими концепциями.

Ключевые слова: социализм, утопический социализм, научный социализм, материалистическое понимание истории, способ производства материальной жизни, эпистемологический разрыв, прибавочная стоимость, научная революция

Во все времена люди мечтали о лучшей жизни. В дописьменной истории первобытные люди выражали свою мечту в сказках, легендах, былинах, частушках — в фольклоре. Но они еще не осознавали социальной значимости времени, не делили его на прошлое, настоящее и будущее.

Возникновение цивилизации — качественный скачок общества от одного социального строя к другому. Прежде всего совершается переход от присваивающего хозяйства к производящему, что способствует совершенствованию самого человека. Возникают социальные классы и эксплуатация человека человеком. Существенные признаки цивилизации: появление письменности, разделение труда на физический и умственный. Многие специально занимаются лишь духовным производством, одни пишут философские трактаты, другие художественные произведения, третьи увлечены наукой и т.д. Стали осознавать социальную значимость времени. Оно рассматривается как единство прошлого, настоящего и будущего. Так, Аристотель

писал, что «настоящее время соприкасается с прошедшим и будущим»¹.

В новое время появляются мыслители, которые искренне сочувствуют угнетенному классу, они своих сочинениях рисуют в разных формах будущее человечества. В историю они вошли как утопические социалисты. Это Т. Мор, Ж. Мелье, Сен-Симон, Фурье, Оуэн, Вейтлинг и др. Термин «утопия» придуман Мором и буквально означает «место, которого нет».

По мнению утопистов, надо придумать новый общественный строй, в котором все будут равны, и навязать его людям сверху. Энгельс пишет, что «способ понимания, свойственный утопистам, долго господствовал над социалистическими воззрениями XIX века и отчасти господствует еще и поныне. Его придерживались до недавнего времени все французские и английские социалисты, а также прежний немецкий коммунизм, включая Вейтлинга. Социализм для них всех есть выражение абсолютной истины, разума и справедливости, и стоит только его открыть, чтобы он собственной силой покорил

весь мир; а так как абсолютная истина не зависит от времени, пространства и исторического развития человечества, то это уже дело чистой случайности, когда и где она будет открыта. При этом абсолютная истина, разум и справедливость опять — таки различны у каждого основателя школы.... Чтобы превратить социализм в науку, необходимо было прежде всего поставить его на реальную почву»².

Революционный дух в Марксе проявился еще во время учебы в Трирской гимназии. В сочинении «Размышления юноши при выборе профессии», написанной в 1835 году, Маркс пишет: «Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что это — жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам, наши дела будут жить тогда тихой, но вечно действенной жизнью, а над нашим прахом прольются горячие слезы благородных людей»³.

Маркс резко критиковал социалистов-утопистов, отвергавших научную теорию социализма. Очень интересные воспоминания оставил о своей встрече с молодым Марксом 30 марта 1846 года на заседании Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета известный русский литератор П.В. Анненков. Прошу извинить за длинную цитату. «Энгельс еще не кончил речи, когда Маркс, подняв голову, обратился прямо к Вейтлингу с вопросом: «Скажите же нам, Вейтлинг, вы, которые так много наделали шума в Германии своими коммунистическими проповедями и привлекли к себе столько работников, лишив их мест и куска хлеба, какими основаниями оправдываете вы свою революционную и социальную деятельность и на чем думаете утвердить ее в будущем?». Я очень хорошо помню самую форму резкого вопроса, потому что с него начались горячие прения в кружке, продолжавшиеся, впрочем, как сейчас окажется, очень недолго. Вейтлинг, видимо, хотел удержать совещание на общих местах либерального разглагольствования. С каким-то серьезным, озабоченным выражением на лице он стал объяснять, что целью его было не созидать новые экономические теории, а принять те, которые всего способнее, как показал опыт во Франции, открыть рабочим глаза на ужас их положения, на все несправедливости, которые по отношению к ним сделались лозунгом правителей и обществ, научить

их не верить уже никаким обещаниям со стороны последних и надеяться только на себя, устраиваясь в демократические и коммунистические общины. Он говорил долго, но, к удивлению моему и в противоположность с речью Энгельса, сбивчиво, не совсем литературно, возвращаясь на свои слова, часто поправляя их и с трудом приходя к выводам, которые у него или запаздывали, или появлялись ранее положений. Он имел теперь совсем других слушателей, чем те, которые обыкновенно окружали его станок или читали его газету и печатные памфлеты на современные экономические порядки и утерял при этом свободу мысли и языка. Вейтлинг, вероятно, говорил бы и еще долее, если бы Маркс с гневно стиснутыми бровями не прервал его и не начал своего возражения. Сущность саркастической его речи заключалась в том, что возбуждать население, не давая ему никаких твердых, продуманных оснований для деятельности, значило просто обманывать его. Возбуждение фантастических надежд, о котором говорилось сейчас, замечал далее Маркс, ведет только к конечной гибели, а не к спасению страдающих»⁴. Вейтлинг заявил, что для общего дела важнее конкретные действия, а не «кабинетные анализы доктрин вдали от страдающего света и бедствий народа. При последних словах взбешенный окончательно Маркс ударил кулаком по столу так сильно, что зазвенела и зашаталась лампа на столе, и вскочил с места, проговаривая: «Никогда еще невежество никому не помогло!»⁵

Реальная почва социализма — это экономическое поле. Его **научное открытие** принадлежит Марксу. До Маркса в философии истории господствовали идеалистические концепции социального детерминизма, согласно которым идеи детерминируют все социальные процессы и феномены. Так, французские материалисты XVIII века объясняли все социальные процессы из идей, из принципа: «Мнения правят миром». Но этот принцип не мог дать цельного научного представления о социальных феноменах, потому что в действительной жизни оказывается, что мнений существует неограниченное количество, что каждый человек имеет свое собственное мнение. Правда, эти мыслители говорили, что речь идет не о мнениях и идеях всех людей, а только о мнениях критически мыслящих личностей, создающих идеальные модели общества и предлагающих их народу. Но ведь и критически мыслящих личностей тоже может оказаться огромное множество.

Гегель тоже исходил из духовного фактора, но он поставил этот вопрос несколько иначе. Он считал, что творцом истории является мировой разум. Понятие разума немецкий философ употребляет в разных смыслах. Во-первых, разум — это разум индивида; во-вторых, разум — это закономерное развитие истории; в-третьих, разум — это основа истории. «Разум, — пишет Гегель, — есть субстанция, а именно, то, благодаря чему и в чем вся действительность имеет свое бытие; разум есть бесконечная мощь... Разум есть бесконечное содержание, вся суть и истина...»⁶.

Всю историю Гегель превращает в историю мысли, которую нужно излагать и исследовать. «Гегелевское понимание истории предполагает существование *абстрактного*, или *абсолютного*, *духа*, который развивается таким образом, что человечество представляет собой лишь массу, являющуюся бессознательной или сознательной носителем этого духа»⁷. Правда, при анализе конкретной истории Гегель дает замечательное изложение фактологического материала. Но тем не менее для немецкого философа главной детерминантой общества выступает идея.

Маркс тоже искал детерминанты общественного развития, но к изучению истории он подошел с диаметрально противоположных, а именно с материалистических позиций. Он считал, что следует исходить не из идей, а из реальных жизненных предпосылок. «Предпосылки, с которых мы начинаем, — не произвольны, они — не догмы; это — действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем»⁸. Люди в процессе совместной деятельности производят необходимые им жизненные средства, но тем самым они производят свою материальную жизнь, которая является фундаментом общества.

Сущность материалистического понимания истории Маркс выразил в классическом виде в Предисловии к работе «К критике политической экономии» следующим образом: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производ-

ственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»⁹.

Маркс обращается к анализу практической деятельности людей, которые в первую очередь должны жить, воспроизводить себя как биосоциальные существа, а для этого им необходимы пища, жилище, одежда и т.д. Вот почему первым историческим актом следует считать производство самой материальной жизни. Материальное производство есть основное условие всякой истории, и оно должно выполняться непрерывно.

Итак, согласно Марксу, производство материальных благ необходимо для удовлетворения потребностей людей. Но удовлетворенные потребности ведут к новым потребностям, ибо новое производство порождает новые потребности. А удовлетворение новых потребностей требует нового производства предметов потребления. Такова диалектика производства и потребления. Так Маркс формулирует закон возрастания потребностей. Люди, производя ежедневно свою собственную жизнь, производят и других людей, т.е. начинают размножаться. В этой связи Маркс выделяет три стороны социальной действительности: производство жизненных средств, порождение новых потребностей и производство людей.

Открытие материалистического понимания истории означало **научную** революцию в философии истории. Во-первых, Маркс открыл новый континент-поле: это экономическое поле, на котором создаются материальные ценности, выступающие в роли фундамента всякой общественной жизни. Во-вторых, новый континент-поле нельзя было исследовать с помощью старых философских категорий и старого логического аппарата. Поэтому Маркс совершает не только концептуальный, но и *эпистемологический*¹⁰ разрыв с прежней философией истории. Он разрабатывает новые категории философии истории: **общественное бытие, общественное сознание, базис и надстройка, способ производства, общественное производство, производственные отношения, общественно-экономическая формация, экономическая структура, общественные отношения и др.**

Эти категории представляют собой инструменты научного познания, с помощью которых можно анализировать и изучать общество.

Материалистическое понимание истории еще при жизни его автора подвергалось различным интерпретациям, которыми сам Маркс был недоволен. В конце XIX века, когда марксизм занял одно из ведущих позиций в европейской философской теории, многие исследователи начали упрекать Маркса в том, что он якобы все многообразие истории и общественной жизни редуцировал к экономическому фактору и тем самым упростил весь исторический процесс, состоящий из самых разных феноменов, фактов и событий. И материалистическое понимание истории его противники окрестили экономическим материализмом.

Одним из первых критиков Маркса выступил профессор Лейпцигского университета П. Барт, с работами которого был знаком Энгельс. Барт пишет, что Маркс был воспитан на гегелевской философии и поэтому все, что не вытекало из единого принципа, он считал ненаучным. Сам Маркс в качестве такого принципа выбрал экономику, из которой выводит все остальные сферы общественной жизни. Он, продолжает Барт, лишает эти сферы самостоятельности и полностью подчиняет их экономическому фактору. На самом же деле право, идеология, политика и т.д. независимы от экономики и развиваются самостоятельно. Но «у Маркса же и у Энгельса ни слова не говорится о реакции идеологии на народное хозяйство, — реакции, которая сама собой очевидна и не может не обнаружиться, потому что деятельный работник на поприще народного хозяйства, человек, является вместе с тем носителем идей, а идеи направляют его поступки»¹¹.

На многие критические замечания противников материалистического понимания истории Энгельс ответил известными письмами 90-х годов девятнадцатого века, в которых он разъяснял основные положения материалистического понимания истории, подчеркивал, что существует взаимодействие всех моментов, «в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей, т.е. вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдалена или настолько трудно доказуема, что мы можем пренебречь ею, что ее не существует»¹². Энгельс это иллюстрирует на примере государства, философии, права и т.д. Так, он пишет, что влияние государственной власти на экономику может проявиться в трех

формах. Во-первых, государство может действовать в том же направлении, в каком развивается экономика. Тогда развитие экономических структур идет быстрее. Во-вторых, оно может действовать против экономического развития. В-третьих, оно может ставить преграды экономике в определенных направлениях и толкать ее в других направлениях. Во втором и третьем случаях государство тормозит развитие экономики. Бывают и такие случаи, когда в войне государство-победитель уничтожает развитую экономику побежденного государства.

Энгельс писал, что противникам материалистического понимания истории не хватает знания диалектики. «Они постоянно видят только здесь причину, там — следствие. Они не видят, что это пустая абстракция, что в действительном мире такие метафизические полярные противоположности существуют только во время кризисов, что весь великий ход развития происходит в форме взаимодействия (хотя взаимодействующие силы очень неравны: экономическое движение среди них является самым сильным, первоначальным, решающим), что здесь нет ничего абсолютного, а все относительно»¹³. К этим словам Энгельса можно добавить: *противникам Маркса не хватает способности думать, анализировать, проникать в сущность общественных феноменов и процессов. Короче, им не хватает научного осмысления исторического процесса.*

Материалистическое понимание истории можно резюмировать таким образом:

1. Данное понимание истории исходит из решающей, детерминирующей роли материального производства непосредственной жизни. Необходимо изучать реальный процесс производства и порожденную им форму общения, т.е. гражданское общество.

2. Оно показывает, как возникают различные формы общественного сознания — религия, философия, мораль, право и т.д. — и каким образом они детерминируются материальным производством.

3. Оно всегда остается на почве действительной истории, объясняет не практику из идей, а идейные образования из материальной жизни.

4. Оно считает, что каждая ступень развития общества застаёт определенный материальный результат, определенный уровень производительных сил, определенные производственные отношения. Новые поколения используют производительные силы, приобретенный предшествующим поколением капитал и таким обра-

зом одновременно создают новые ценности и изменяют производительные силы.

Условно общество можно разбить на четыре большие сферы: экономическую, социальную, политическую и духовную.

Экономическая сфера — это сфера производства материальных благ.

Социальная сфера включает в себя такие социальные явления, как род, племя, народ, нация, этнос, социальные классы, субъекты истории, человек, личность и др.

Политическая сфера охватывает властные структуры (государство, политические партии, политические организации и движения и т.д.).

Духовная сфера включает в себя философские, религиозные, художественные, правовые, политические, этические и другие воззрения людей, а также их настроения, эмоции, представления об окружающем мире, традиции, обычаи и т.д.

Четыре большие сферы общественной жизни диалектически, а не механически связаны между собой. Они не только взаимосвязаны, но и взаимообуславливают друг друга. Разве экономическая сфера существует без людей — носителей классовых, групповых и иных отношений? А разве не эти же люди являются носителями форм общественного сознания? Очевидно, на все эти вопросы следует дать утвердительный ответ. Но тогда возникает еще один вопрос: в таком случае, зачем искать детерминирующий фактор? Этот фактор нужно искать, во-первых, потому, что общество не есть механический агрегат, который автоматически, без вмешательства людей изменяется и развивается как попало. Люди сами делают свою историю, и они вправе знать, какие сферы являются решающими в их жизнедеятельности. В истории бывали случаи, когда главное внимание обращали на политику (в форме войны) или на идеологию. И в конечном счете люди жестоко расплачивались за эти произвольные действия власть имущих. Во-вторых, детерминирующий фактор нужно искать и для того, чтобы раскрыть имманентную логику исторического процесса, законы его развития и функционирования. Нет естественных наук без раскрытия сущности природных явлений и процессов. Нет общественных наук, в том числе философии истории, без раскрытия глубинных причин изменения и развития общественных отношений.

Общество есть структурированное целое. Это значит, что все его сферы как на макро-, так и на микроуровне диалектически и непрерывно взаимодействуют. Они структурно меняются,

совершенствуются, развиваются. Иначе говоря, они (сферы) **вариантны**, т.е. изменчивы.

Но вместе с тем сферы общества **инвариантны**, т.е. постоянны в том смысле, что возложенные на них функции постоянны на протяжении всей мировой истории. Кстати, заметим в этой связи, что функции философии тоже в основном сохранились (прежде всего речь идет о мировоззренческих функциях), если ее не сводить к упражнениям в области языка или текста, как это делают аналитические философы, постструктуралисты, постмодернисты и прочие ликвидаторы философии. Какие бы изменения ни претерпела политическая сфера, ее главной функцией остается властное регулирование отношений между обществом и государством, между государством и человеком, между различными классами, государствами и т.д. Как бы ни совершенствовалась экономика, как бы ни менялись производственные отношения и производительные силы, главной функцией экономики всегда было и будет производство материальных ценностей.

В структурированном целом разные сферы выполняют разные функции, которые различаются по значимости для субъектов истории, т.е. для людей. Чтобы общество функционировало как целостное социальное образование, необходимо прежде всего производство и воспроизводство непосредственной жизни. Иначе говоря, нужно постоянно и непрерывно производить материальные ценности, строить жилье, заводы, фабрики, производить пищу, одежду и т.д. Это естественный процесс исторического развития общества. Поэтому у Маркса были все основания утверждать, что способ производства материальной жизни обуславливает, т.е. детерминирует социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Другими словами, экономический фактор всегда выступает в конечном счете как **детерминанта**, движущая сила исторического процесса.

Слова «в конечном счете» были впервые употреблены в письмах Энгельса 90-х годов девятнадцатого столетия. На их теоретический смысл впервые обратил внимание Л. Альтюсер. Он считает, что в конечном счете есть «топика, т.е. пространственное расположение, определяющее для данных реальностей места в пространстве»¹⁴. Этими реальностями являются четыре большие сферы общественной жизни. Топика представляет собой общество в виде здания, этажи которого опираются на его фундамент. Этажей может быть много, но фундамент один. Фундамент без этажей не есть зда-

ние, но и здание без фундамента не может висеть в воздухе. В конечном счете, этажам нужна какая-то опора. Поэтому в «детерминации топики конечный счет есть действительно конечный счет. Это означает, что имеются и другие счета или инстанции, которые фигурируют в юридическо-политической и идеологической надстройке. Таким образом, упоминание, в конечном счете, в детерминации имеет двойную функцию. Оно отмежевывает Маркса от всякого механицизма и открывает в детерминации действие различных инстанций, действие реального различия, в которое вписывается диалектика. Следовательно, топика означает, что детерминация в конечном счете мыслится экономическим базисом только в дифференцированном и, следовательно, сложном и расчлененном целом, где детерминация в конечной инстанции фиксирует реальное различие других инстанций, их относительную самостоятельность и их собственный способ воздействия на сам базис»¹⁵.

Детерминирующая роль экономического фактора вовсе не значит, что генетически экономическая сфера предшествует другим сферам общественной жизни. Разумеется, это было бы абсурдным утверждением. Все сферы находятся в единстве, и ни одна из них не предшествует другой. Экономика детерминирует весь исторический процесс в конечном счете, но на каждом этапе его развития другие сферы могут выступать в качестве **доминанты**, т.е. могут играть господствующую роль. Возьмем, например, политику. Она нередко играла доминирующую роль в тех или иных общественных процессах. Известно, что в романизации Европы решающую роль сыграли войны Юлия Цезаря. В современной России нередко политика выступает в роли доминанты всех общественных изменений. И не случайно многим кажется, что политика детерминирует все эти изменения. Политика играет роль доминанты, а не детерминанты. В качестве такой детерминанты выступает современная экономическая ситуация в России. Здесь нельзя не обратить внимания на то, что чем меньше развиты экономические структуры общества, тем выше значимость и роль неэкономических факторов. В эпоху феодализма, например, когда экономические отношения были слабо развиты, доминирующую роль играли религия и политика.

Кроме того, находясь в постоянном взаимодействии, все сферы общественной жизни влияют друг на друга и тем самым на все историческое развитие. Общественное сознание, государство, социальная сфера и другие неэко-

номические факторы обладают самостоятельностью, имеют собственные закономерности развития и логику. Так, развитие философии необязательно совпадает с экономическим базисом той или иной страны. В экономически отсталой стране весьма успешно может развиваться философия как специфическая область духовной жизни. В феодальной Германии возникла классическая немецкая философия, внесшая неопределимый вклад в мировую философскую культуру.

Если взять искусство, то наблюдается такая же картина. Было бы абсурдно утверждать, что прогрессивному экономическому базису непременно соответствует прогрессивное искусство и, наоборот, отсталый базис обязательно порождает несовершенные формы искусства. Искусство как духовный феномен сложно и многообразно, имеет свои законы развития и изменения, и его объяснение нельзя ограничивать одними ссылками на материальные условия жизни. «Относительно искусства, — писал Маркс, — известно, что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего»¹⁶. Никакими материальными факторами нельзя объяснить феномен Пушкина, гениальное творчество Моцарта и Чайковского, Бальзака и Толстого.

Для исследования и изучения искусства следует обращаться не только к материальным основам общества, но и ко всем другим социальным явлениям и образованиям. Необходимо иметь в виду и то, что искусство представляет собой специфическую форму отражения действительности, и в процессе художественного освоения реального мира создаются духовные ценности, которые уникальны и имеют непреходящее значение. Они всегда современны и приносят огромное удовлетворение и эстетическое наслаждение многим поколениям. Картины Рафаэля, Леонардо да Винчи, Гогена, драматургия Шекспира, лирика Пушкина, проза Достоевского и Толстого всегда будут учить добру, любви к человеку, гуманизму, социальной справедливости. А это такие ценности, которые в любом обществе и при любом экономическом базисе будут играть важнейшую роль. В этой связи нельзя не заметить, что каждое поколение по-своему читает и осмысливает произведения искусства и литературы.

Велика роль настоящего искусства в жизни людей, в формировании их мировоззрения. Оно обогащает их духовно, помогает познать мир, правильно оценивать историческое прошлое

и настоящее, лучше понять человека со всеми его помыслами и чувствами.

Таким образом, выражаясь фигурально, можно сказать, что общество — это многоэтажное здание с одним экономическим фундаментом. Этажи — неэкономические факторы. Они имманентно варианты, и тот или иной из них доминирует в конкретных исторических условиях. Фундамент — это детерминанта. Он имманентно вариантен, но для всего исторического процесса инвариантен. Доминанты и детерминанты находятся в диалектическом единстве и постоянно взаимодействуют.

Маркс открыл не только материалистическое понимание истории, но и тайну прибавочной стоимости. Энгельс подчеркивает, что «благодаря этим двум великим открытиям социализм стал наукой, и теперь дело прежде всего в том, чтобы разработать ее дальше во всех ее частностях и взаимосвязях»¹⁷.

В «Капитале» Маркс показал, что, вопреки утверждениям социалистов-утопистов о случайном характере капитализма в обществе, буржуазный способ производства, базирующийся на частной собственности и эксплуатации человека человеком, занимает определенное место в естественноисторическом развитии человечества, и поэтому нужно научно объяснить его возникновение, функционирование и неизбежность его смены на определенном этапе движения общества социализмом, основываемом на товарищеском способе производства и социальном равенстве.

Маркс создал учение, составными частями которого являются философия (диалектический и исторический материализм), политическая экономия и научный социализм. Это учение по праву носит его имя. Вот что пишет по этому поводу его ближайший друг, единомышленник и соавтор многих его работ Энгельс: «Я позволю здесь себе одно личное объяснение. В последнее время не раз указывали на мое участие в выработке этой теории. Поэтому я вынужден сказать здесь несколько слов, исчерпывающих этот вопрос. Я не могу отрицать, что и до и во время моей сорокалетней совместной работы с Марксом принимал известное самостоятельное участие как в обосновании, так и в особенности в разработке теории, о которой идет речь. Но огромнейшая часть основных руководящих мыслей, особенно в экономической и исторической области, и, еще больше, их окончательная четкая формулировка принадлежит Марксу. То, что внес я, Маркс мог легко сделать и без меня, за исключением, может быть, двух-трех специ-

альных областей. А того, что сделал Маркс, я никогда не мог бы сделать. Маркс стоял выше, видел дальше, обзирал больше и быстрее всех нас. Маркс был гений, мы, в лучшем случае, — таланты. Без него наша теория далеко не была бы теперь тем, что она есть. Поэтому она по праву носит его имя»¹⁸.

После развала Советского Союза и уничтожения социализма абсолютное большинство советских обществоведов покинули марксизм и превратились в оголтелых антимарксистов¹⁹. Сейчас марксизм практически не преподается и не изучается. Но зато на Западе и читают Маркса, и пишут о нем много, и издают его. Приведу несколько примеров. Крупнейший французский философ — экзистенциалист Ж.П. Сартр писал: «...Совершенно ясно, что эпохи философского созидания редки. На мой взгляд, между XVII и XX веками есть только три эпохи, которые можно обозначить известными именами: есть эпоха Декарта и Локка, затем Канта и Гегеля и, наконец, эпоха Маркса. Эти три философские эпохи представляют собой по очереди почву всякой необыкновенной мысли и горизонт всякой культуры. Они будут непреодолимы до тех пор, пока исторический момент, выражением которого они являются, не будет преодолен. Я часто подчеркивал, что «антимарксистский» аргумент есть не что иное, как явное возрождение домарксистской мысли. Так называемое «преодоление» марксизма есть в худшем случае возврат к домарксистской мысли, а в лучшем случае — возрождение мысли, содержащейся в философии, которую хотели преодолеть»²⁰.

Маркс, продолжает Сартр, писал, что идеи господствующего класса являются господствующими идеями. «И он абсолютно прав. В 1925 году мне было 20 лет и в университете не было ни одной кафедры марксизма. Студенты-коммунисты боялись сослаться на марксизм или даже упоминать в своих дипломных работах. Им было отказано заниматься марксистскими исследованиями. Диалектика наводила такой страх, что сам Гегель нам не был известен. Конечно, нам разрешали читать Маркса, нам даже советовали читать его: надо было знать Маркса, «чтобы его опровергать». Но без гегелевской традиции и без марксистских преподавателей, без программы, без инструментов познания наше поколение, как и предыдущие поколения, а также следующее поколение, совсем не знало исторический материализм. Нам подробно излагали аристотелевскую логику и логику. Именно в это время я прочел «Капи-

тал» и «Немецкую идеологию». Я все прекрасно понимал и я абсолютно ничего не понимал. Понять — значит измениться, превзойти самого себя. А это чтение меня не изменяло. Но зато меня начала изменять *реальность* марксизма, перед моими глазами возникла огромная масса рабочих, представляющих мощный и темный корпус, который оживлял марксизм и практиковал его...»²¹.

Современный крупный английский философ Терри Иглтон в работе «Почему Маркс был прав» отмечает актуальность учения Маркса в XXI веке. «В наше время, как предсказывал Маркс, разрыв в обеспеченности вырос чрезвычайно. Сегодня доход одного мексиканского миллиардера равен заработкам семнадцати миллионов его беднейших соотечественников»²². Иглтон доказывает в этой книге актуальность учения Маркса.

Соотечественник Иглтона Ф. Уин написал биографию Маркса, в которой подчеркивает безусловную актуальность марксистской теории, знание которой поможет глубоко и всесторонне изучить и исследовать современный социальный мир. «Нынешние ученые мужи и политики, — пишет Уин, — склонные считать себя мыслителями современности, любят к месту и не к месту произносить модное словечко «глобализация», не имея при этом ни малейшего понятия о том, что Маркс занимался этим вопросом еще в 1848 году. По меньшей мере, его нисколько не удивило бы глобальное господство «Макдоналдс» и MTV. Перемещение центра финансовой активности с Атлантики в Тихоокеанский регион — благодаря экономике «азиатских тигров» и силиконовому буму в городах западного побережья Америки — было предсказано Марксом более чем за сто лет до рождения Билла Гейтса... Карл Маркс был философом, историком, экономистом, лингвистом, литературным критиком и революционером»²³.

Маркс современен и очень актуален особенно сейчас, когда социальный мир переживает глубокий и системный кризис, который может привести к очень опасным для будущего человечества последствиям.

¹ Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1978. Т. 2. С. 62.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С. 201.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 5.

⁴ Анненков П.В. Из очерка «Замечательное десятилетие» // Сб. Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969. С. 41.

⁵ Анненков П.В. Из очерка «Замечательное десятилетие» // Сб. Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969. С. 42.

⁶ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. М., 1993. С. 64.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 93.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С. 18.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6—7.

¹⁰ Термин «эпистемологический разрыв» (*coupure épistémologique*) ввел в научный оборот выдающийся современный французский философ-марксист Л. Альтюсер.

¹¹ Барт П. Философия истории как социология. СПб., 1902. С. 291.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 394—395.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 420—421.

¹⁴ Althusser L. Positions. Paris, 1976. P. 138.

¹⁵ Althusser L. Positions. Paris, 1976. P. 139—140.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 736

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С. 209.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21.С.300-301.

¹⁹ См. мою статью «А была ли марксистская философия в СССР?» // И.А. Гобозов. Избранное. Философия истории. Социальная философия. Марксистская философия. Философские проблемы политики. М., 2016.

²⁰ Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique, Paris, 1960. P. 17.

²¹ Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique, Paris, 1960. P. 23.

²² Иглтон Т. Почему Маркс был прав. М., 2012. С. 35.

²³ Уин Ф. Карл Маркс. М., 2003. С. 9—10.

MACHIAVELLIANISM AS A GENERIC SOCIAL TECHNOLOGY

МАКИАВЕЛЛИЗМ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Nikolay Nikolaevich Gusev,

candidate of philosophical sciences, associate professor,
associate professor in the Department of Sociology
and Political Science of the Moscow University
of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot

E-mail: nikolay.n.gusev@mail.ru

Николай Николаевич Гусев,

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социологии и
политологии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: nikolay.n.gusev@mail.ru

Annotation. Substantiates the point of view on machiavellianism as a generic social technology. In accordance with the different areas of its use are allocated the types of machiavellianism. Discusses their manifestation in modern society. Reveals the characteristic features of modern machiavellianism.

Key words: Machiavelli, machiavellianism, ideological machiavellianism, economic machiavellianism, social machiavellianism, political machiavellianism, legal machiavellianism, power, the exercise of power, social management, social technology, anti political correctness, manipulation, intrigue, moral choice

Аннотация. Обосновывается точка зрения на макиавеллизм как универсальную социальную технологию. В соответствии с различными сферами ее использования выделяются виды макиавеллизма. Рассматриваются их проявления в современном обществе. Раскрываются характерные черты современного макиавеллизма.

Ключевые слова: Макиавелли, макиавеллизм, идеологический макиавеллизм, экономический макиавеллизм, социальный макиавеллизм, политический макиавеллизм, правовой макиавеллизм, власть, властвование, управление, социальная технология, антиполиткорректность, манипулятивность, интрига, нравственный выбор

Никколо Макиавелли не был злым гением политики, каким его характеризуют историки политической мысли. Он, говоря современным языком, на базе анализа обширного исторического материала, знания человеческой природы, психологии масс и лидеров, а также на основе наблюдений за современными ему процессами политического управления сформулировал ряд выводов-рекомендаций по оптимизации этих процессов. Холодный расчет управленца, жестко ориентированного на результат, привел его к необходимости маневрировать нравственными принципами.

В этом плане он не был единственным и первым мыслителем. Еще в IV в. до н.э. в Древнем Китае Шан Ян высказал многие идеи, представленные впоследствии в систематизированном виде Хань Фэйем в III в. до н.э., к которым Макиавелли пришел в Европе XV столетия. Но именно Макиавелли досталась мировая «слава» человека, отделившего политику от морали. Этим он и запоминается всем, кто соприкасается с историей политической мысли.

Что же касается политиков, будь предложено тому из них, кто не имеет «греха» разделения

политики и морали и не прибегал к нравственному маневру, «бросить камень» в Макиавелли, их реакция однозначна — бросают. Образно говоря, от Макиавелли отрешиваются все, даже те, кто исповедует нехристианскую веру. Исходя из этого, можно было бы предположить, что вся политика нравственна. Однако исторический опыт и настоящее показывают, что это далеко не так. Вопрос о соотношении морали и политики как в теоретическом, так и в практическом плане всегда является открытым, и его решение зависит от нравственного выбора. А он зачастую определяется «изменившимися обстоятельствами», что в полной мере соответствует позиции Макиавелли. Обстоятельства же диктуют не признавать макиавеллистский характер собственной политики. Поэтому ни один из «безгрешных» политиков никогда не признает себя последователем и проводником идей Макиавелли.

Несколько иначе обстоят дела в области теории политики. Здесь у Макиавелли нашлась масса последователей, которые, зачастую не ссылаясь на своего идейного вдохновителя и, быть может, не осознавая родовой связи с ним,

произвели на свет целый сонм идей, развивающих по сути то, начало чему положил великий итальянец. Так в политическом идейном пространстве оформилось направление, получившее название макиавеллизм.

Но значение идей Макиавелли, его подхода к раскрытию сущности явлений вышли за рамки только политической проблематики и практики. Принципы политического макиавеллизма оказались применимы ко многим областям жизнедеятельности общества. Фактически можно говорить о существовании практического макиавеллизма, который наличествует во всех общественных подсистемах, имеет системный характер и является универсальной социальной технологией.

Конечно, это уже качественно новый феномен. Он реализуется как технология организации и управления социумом. Вместе с тем, нельзя не отметить, что эта технология, отвечая определенным общественным потребностям, формировалась как универсальная и доказывала свою практическую ценность на протяжении всего существования человеческого общества с момента его функционального и социального разделения на управляющих и управляемых. Поэтому определение ее как макиавеллизма в широком смысле — своего рода дань, существующей более пяти сотен лет, европейской традиции признания исключительной роли Н. Макиавелли как мыслителя сорвавшего покров таинственности и внешнего благородства с политики как средства управления обществом.

Главной чертой макиавеллизма является *неразрывная связь с властью*. Его задачей с момента возникновения было обеспечить правителей знанием приемов властвования. Смысл властвования и власти, как известно, состоит в обеспечении проведения собственной линии, реализации собственных групповых, а в широком плане и личных интересов, навязывании собственных решений и вариантов социальных действий даже в том случае, когда проблема не затрагивает собственного интереса. Одновременно власти необходимо преодолевать сопротивление управляемых. Все это формирует некий социальный заказ для макиавеллизма — обосновывать, разрабатывать и внедрять формы, методы и способы, определять средства властвования и преодоления сопротивления власти во всех сферах и в любых формах ее проявления.

Важной характеристикой макиавеллизма является *элитизм*. При этом изначально, в силу политического происхождения, и будучи ори-

ентирована на верховного правителя, эта черта проявлялась в авторитарном виде. В последующем она, сохраняя в целом авторитаристское содержание, расширила свой субъект пользователя до элиты во всех ее разновидностях.

Прагматизм — следующая черта, непосредственно вытекающая из предыдущих. Она обусловлена тем, что для властвования, как для управления в целом, главное — это эффективность, обеспечивающая достижение поставленных целей.

Среди наиболее характерных черт макиавеллизма, которые выделяются как очевидные ввиду их открытости и яркости проявления, на первом плане находится *антиполиткорректность*. Она восходит своими идейными и психологическими корнями к традиционному понимаемому макиавеллизму и связана с реальной привилегией свободного интеллекта называть вещи своими именами. В таком виде она присуща науке о политике, но не всегда самой политике, предпочитающей по большей части играть в игру под названием политкорректность. Без Эзопова языка, без намеков и умолчаний антиполиткорректность открывает скрываемое и говорит о замалчиваемом явном.

Однако, практический макиавеллизм, в особенности современный, оперирует и в противоположном ключе, и проявляет *манипулятивность*. Манипулятивность связана с политкорректностью, устанавливаемой участниками своего рода сговора об умалчивании на взаимной основе невыгодной информации. Скрывая явное, она камуфлирует истинные причины, цели и побудительные мотивы тех или иных предпринимаемых действий, делает недоступными темные места политической практики.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что главное, чем определяется манипулятивность макиавеллизма, связано с системой предпринимаемых действий, которые нацеливают массовое сознание, как в информационном поле, так и в социальной действительности, на выгодные для субъектов манипуляций ориентиры и образцы поведения.

Характеристика макиавеллизма была бы не полной, если не отметить еще одно его свойство. Это свойство — *интрига*. Она позволяет обыгрывать различные взаимодействия и сочетания антиполиткорректности и манипулятивности, оставляя исследователя политики догадываться об их реальном соотношении в каждый данный момент. Но роль интриги этим не исчерпывается. Она представляет не только

внешнюю, но и внутреннюю сторону политики. Интрига присутствует на всех этапах политического управленческого цикла от подготовки и принятия решения до контроля исполнения. Например, механизм принятия политических решений, несмотря на заверения о его «открытости» и «прозрачности», всегда скрыт в своих нюансах. Контроль же выполнения решений действует в широком диапазоне, проявляя то чрезвычайную строгость и принципиальность, то вялость и беспринципность.

Нельзя не отметить, что интрига в том или ином виде присутствует в поведении и деятельности всех социальных субъектов, предоставляя составляющим их индивидам свободу метаться между истиной и ложью.

Приведенные черты макиавеллизма проявляются во всех областях жизнедеятельности общества, где есть отношения господства и подчинения, управления и исполнения. С учетом специфики объектов применения и в соответствии с ними могут быть выделены разновидности макиавеллизма.

Идеологический макиавеллизм. Как известно, любая идеология отстаивает групповой интерес. Необходимым условием его реализации является обладание властью, или возможностью оказывать реальное влияние на нее. В условиях либеральной демократии это требует завоевания симпатий значительной части населения, чтобы иметь возможность быть представленными во властных политических структурах. Поэтому групповая идеология должна быть преподнесена в таком виде, чтобы обеспечить себе массу сторонников, желательно, составляющих большинство. В этих целях любая идеология представляет узкогрупповой интерес как всеобщий, отвечающий интересам всего общества, его развития и т.п. При этом учитываются и настроения массы, что заставляет включать в идеологию совокупность и таких представлений, которые не характерны для группы, но распространены в массовом сознании. Для завоевания идейных сторонников бывает достаточно тиражировать в собственной пропаганде умонастроения и идеалы масс. Этим во многом объясняется сходство, а иногда и тождество предвыборных обещаний и избирательных платформ политических партий. Поэтому пытливому уму обывателя полезно знакомиться с партийными программами, особенно их экономической частью, где групповой интерес проглядывает через идеологемы более явно.

Учитывая тот факт, что жизнь социума — это не только сотрудничество в интересах его выживания как целого, но и борьба за выживание на групповом уровне, между конкурирующими по поводу ресурсов группами разворачивается борьба, в том числе и идеологическая. Она предполагает не только прямое столкновение идей, но и информационное манипулирование. При этом большую эффективность воздействия на массы показывает не рациональное обоснование идейных позиций, а разоблачение и развенчание противников (идеологических, политических, классовых) с опорой на эмоциональную реакцию. Для этого используются такие средства как ложь, клевета, подмена смысла, двусмысленность, использование данных из якобы не проверенных источников, безосновательные обвинения, так называемая война компроматов и т.п. Короче говоря, в манипулировании массовым сознанием используются все доступные идеологии средства идейно-психологического воздействия.

В условиях либеральной демократии с ее ставкой на индивидуализм все это проявляется наиболее рельефно. Индивидуализм обладает идейно-психологическим преимуществом перед другими идеологическими установками, так как обращен к каждому человеку персонально и предлагает именно ему реализовать себя в обществе в конфликте с другими. Вместе с тем, он учитывает и иную сторону социальности индивида, его несводимость к отдельности и стремление к общности, в том числе для удовлетворения своих как экзистенциальных, так и социальных потребностей. Поэтому ставка на индивидуализм, на общечеловеческие ценности в идеологическом обеспечении, например, избирательной компании дает положительный эффект приобщения массы индивидов к уже определенному или предполагаемому большинству. Желание быть среди победителей, испытывать чувство победы и предвкушать связываемые с ней перспективы выступают иррациональной основой ситуационной мотивации индивида, ведомого умелыми манипуляторами.

Идеологические битвы по вопросам социальной справедливости, социального равенства и неравенства показывают непримиримость оппонентов и их неготовность и неспособность рассматривать проблему в историческом контексте и в категориях науки, в том числе с использованием понятий «абсолютное» и «относительное». Это заставляет подозревать некий умысел противоборствующих сторон, стремя-

щихся продолжать дискуссию ради самой дискуссии, используя возможность напоминать о себе. Подобным образом организуются многие дебаты в средствах массовой информации. Они демонстрируют гражданам России новую «культуру» диспута, когда все участники одновременно кричат, говорящего перебивают, и никто никого не дослушивает до конца. Каждый участник такого действия, когда ему удастся отметить словом, ловит свой «звездный час», видя в нем подтверждение своего политического существования, а, может быть и существования вообще. Для слушательской и зрительской аудиторий такие шоу-спектакли выполняют те же функции, что и «мыльные оперы» и бесконечные телесериалы — переключают внимание и дают психологическую разрядку.

В то же время важные вопросы идеологического порядка остаются вне поля зрения, в том числе ученых различных научных специальностей. Это и отношение современного российского общества и государства к проблеме привилегий (памятуя резко негативное отношение к ним ниспровергателей советского строя), и проблема национально-государственного устройства России, и проблема социального насилия господствующего меньшинства над большинством, и проблема практического обеспечения основных прав человека и многие другие проблемы, составляющие содержание идейного континуума страны.

Важную роль в идеологическом макиавеллизме, характерном для современного общества, играет общественное мнение. Здесь важно то, что общественное мнение редко встречается в «чистом» виде, когда оно сформировалось спонтанно, без специальной предварительной информационной и психологической обработки. Собственно говоря, в таком виде оно представляет малый интерес для власти имущих, да и, пожалуй, для претендующих на власть. В этом плане ситуацию хорошо характеризует марксистская идея о том, что революционное сознание пролетариату привносится интеллигенцией. И в настоящее время любое «сознание», мнения, оценки формируются образцами, задаваемыми специалистами в области обработки массового сознания особым образом организованного информирования населения.

Конечно, речь идет вновь о манипулировании, которое, объективно является атрибутом социальности. Об этом в неявном виде высказывались еще классики социологии. О. Конт считал, что для стабильности общественной системы социальные «низы» должны воспроиз-

водить образ жизни и образ мысли «верхов». В марксистской социологической проблематике этому соответствовали идеи о том, что господствующими идеями в обществе являются идеи господствующего класса, и революции первоначально происходят в умах людей.

В современном мире манипулирование общественным мнением предполагает не только информирование населения и проведение социологических опросов, ссылаясь на результаты которых формирует вторичное, третичное и т.д. мнение, но и не проведение опросов и, тем более, референдумов по актуальным проблемам. Например, руководство Евросоюза не интересуется мнением граждан о его миграционной политике и ее последствиях для самих этих граждан. Целый ряд так называемых «цветных» революций стал, в том числе, результатом и манипулирования сознанием масс. Относительно стабильный регион арабских стран с авторитарными режимами был «взорван» (кроме прочих факторов) идейной интервенцией либеральной демократии. Лидеры этих стран изгнаны или убиты. История повторилась, фактически на той же территории, что и два тысячелетия назад: «Распните их!», — кричали творцы катаклизмов, и масса вторила им: «Распните их! Распните!»

Необходимо подчеркнуть, что для наиболее успешного манипулирования в обществе следует иметь дело с массовыми общностями. Поэтому важно чтобы индивидуальное или групповое сознание было доведено до состояния массового, то есть, как отмечал М. Вебер, произвести их «омассовление». По большому счету макиавеллизм решает эту задачу как одну из первоочередных.

Социальный макиавеллизм. Если в идеологическом макиавеллизме можно совмещать несовместимое и рисовать близкие к реальности картины придуманного общества, то в социальной сфере общества макиавеллизм имеет дело с реальными общественными процессами и явлениями. Здесь сразу становится понятно, что прекраснотушные рассуждения о гуманизме не могут воплотиться в современной системе социальной стратификации. Гуманистическая социальная пирамида имела бы на своем верху те социальные слои и группы, которые представлены специалистами по человеческому духу и телу — учителя и врачи. Но она формируется совершенно по иным принципам.

Социальная дифференциация, выстраивая общество по вертикали, действует в соответствии с железным законом олигархии; не в узком

его понимании применительно к политическим организациям, сформулированном Р. Михельсом, но как законом построения социальных систем в соответствии с социальной природой власти и властных отношений.

Аккумулирует и реализует различные виды власти (экономической, политической, духовно-идеологической) на уровне социума высший класс общества. Квинтэссенцию высшего класса, как известно, образует элита — сплоченная группа, которая, несмотря на внутригрупповую дифференциацию и противоречия, удерживает господствующие позиции в обществе благодаря своей сплоченности перед угрозой внешних социальных сил. Бюрократия, частично включаясь в нее, а частично примыкая к ней в качестве обслуживающей интересы элиты, генерирует во вне служение служебно-предписанному общественному интересу, но во внутреннем плане на первый план вынужденно ставит свой собственный групповой интерес самосохранения. В социальном плане элита противостоит остальному обществу и одновременно творит его в соответствии с «матрицей» собственного выживания и преуспевания, в том числе за счет нижестоящих элементов социума. Именно она определяет социально-культурные образцы, по которым строится общество.

В соответствии с этими реальными, а не пропагандистски-идеологическими установками в России существует такой незначительный по размеру средний класс. Для самих же установок есть объективные причины. Страна стала заложницей собственной истории, неоднократно менявшей вектор развития. Кроме того, в условиях экономического кризиса и при отсутствии достаточного количества ресурсов для выхода из него приходится идти на жертвы, которые представляются наименьшим злом. Нанести удар по себе, ослабить свои социальные позиции господства высший класс не может. У низшего класса, составляющего в нашей стране по разным данным 60—80% населения что-то отбирать опасно с точки зрения обеспечения относительной стабильности социальной системы. Остается средний класс, — исполнитель роли сакральной жертвы. Вместе с тем, очевидно при изменении экономической ситуации, скорее всего, ставка будет делаться на поддержку именно среднего класса

Гипертрофированный низший класс в России, даже будучи подвержен процессам социальной дифференциации, психологически составляет массовидную общность, которая внутренне

осознает, что является объектом депривации и, с одной стороны рассчитывает повысить свой социальный статус до среднего класса, а с другой, — вынуждена, каждый раз испытывая неудачу, смиряться с существующим положением. Чтобы избежать очередного социального переворота эту массовидную общность надо поддерживать в стабильном состоянии. Для этого в России, где большинство населения исповедует православие, нравственно ориентирующее на смирение, бывает достаточно не лишать людей надежды на улучшение жизни и минимально их материально поддерживать. Учитывая тот факт, что система социальной стратификации предполагает, ее поддержку социальными институтами, прежде всего государством, оказывается, что ему, государству, в течение длительного времени можно удерживать социальное status quo. Что же касается народных надежд, а народ по Макиавелли не желает находиться в подчинении и угнетении, то ему можно предсказывать, обещать и планировать исполнение чаяний через 15—20 лет (период времени, с которым связано выделение поколений). Понятно, при отрицательном результате будет, как в притче о Ходже Насреддине, — кто-нибудь умрет, или опять же, как у Макиавелли — можно будет сослаться на изменившиеся обстоятельства. Примечательно, например, что на протяжении двадцати пяти лет существования демократической России идет перманентная пенсионная реформа, и осуществление многих социальных проектов предполагает весьма отдаленную перспективу.

Вообще социальный макиавеллизм в нашей стране нередко связан с новациями, которые трудно объяснить, а их объяснение в массовой пропаганде иногда даже является оскорбительным. Например, у пенсионеров из числа военнослужащих и сотрудников милиции изъяли часть льгот и передали их госслужащим, необходимость введения ЕГЭ и реформы системы образования связали с тем, что учителя школ и преподаватели вузов являются якобы самыми коррумпированными в России. Для чиновничества же, видимо, борясь с коррупцией в его рядах, законодатель легализовал небольшие взятки, которые превратились в подарки, преподносимые в знак благодарности и т.п.

Экономический макиавеллизм. Он связан с обеспечением реализации интересов финансово-экономической олигархии, идеологически прикрытой заботой об общем благе. Сюда в первую очередь следует отнести российский

опыт приватизации государственной собственности в 90-х годах прошлого века. По откровенному признанию ее инициаторов и организаторов они не рассматривали варианта, в котором приватизация будет честной. При этом ссылаются на отсутствие в тот исторический период соответствующего законодательства и необходимость (революционную!) скорейших общественных преобразований по созданию, по словам А.Б. Чубайса «бандитского капитализма». Общеизвестны итоги этой нечестной приватизации. Но было принято решение, что пересмотра ее итогов не будет.

Вполне макиавеллистски выглядит также постепенное самоустранение государства от управления конкретными объектами экономики и проведение новых актов приватизации вопреки мнению большинства населения, но в интересах крупного капитала, способного участвовать в этом процессе.

Сама нынешняя экономическая система России в ходе и в результате четвертьвековой деиндустриализации демонстрирует своеобразную финансовую диктатуру, когда правят банки в интересах банков (правда, не всех, а только избранных).

Экономический макиавеллизм разнообразен в своих проявлениях. Даже с давних времен, как только появились банки, возникла навязываемая ими система расчетов. И сегодня, например, каждый удар тонким пальчиком банковской служащей, недавней выпускницы средней школы, приносит банку проценты от переводимой суммы. Простым людям никогда не понять, почему за операцию берется не конкретная фиксированная плата, а процент от суммы.

Важную сторону экономического макиавеллизма представляет игра на бирже: меньшинство играет, большинство — его доходы, уровень жизни, неожиданные приобретения, но, чаще, ожидаемые потери — зависят от этой игры. Получается, судьба миллионов зависит от результатов чьей-то игры.

Легитимация игры связывается с тем, что играть может каждый, и право каждого выбирать играть или не играть. Правда, для игры у подавляющего большинства нет средств. Но самое главное — в самом наличии игры. Ее право на существование в данной экономической системе никем не ставится под сомнение. Она превращается в суть экономической системы, а за ней и всего современного общества, когда на примере игры на бирже ли, в казино ли создается всеобщий динамический стереотип: «Сегодня ты проиграл, но можешь выиграть

завтра!» Это то, что объединяет людей азартных и социальных аутсайдеров, и должно удерживать их от проявлений экстремизма.

Характерно, что основывая игру на случайности в поисках закономерности, общество ставит само себя в зависимость от этих случайностей. А объяснение социального проигрыша всегда будет оправдано внутренней необходимостью получить еще один шанс. Социальные лидеры, правящие элиты, получающие бонусы от игры, также охотно апеллируют к этому второму шансу в политике, к тому, что «коней на переправе не меняют».

Политический макиавеллизм. Это макиавеллизм в его классическом политическом виде. В отличие от своей исходной формы, он включает не только идеи своего основоположника, но и многое из того, что было открыто многими великими умами на протяжении прошедших пяти веков и наработано практической политикой.

Взять, к примеру, проблему разделения властей в государстве. Акцентирование внимания на ней позволяет скрывать тот факт, что первичным является разделение властей между социальными субъектами, представленными социальными группами депутатов, чиновников-управленцев и судей, у которых есть свои потребности и интересы. При этом собственно демократическим путем, т.е. народного волеизъявления формируется лишь депутатский корпус, представительная власть, тогда как остальные две группы являются назначенцами. В конституциях государств с так называемой либеральной демократией специально прописывается процедура формирования исполнительной и судебной властей, которые в созданной либералами же теории права и государства характеризуются как демократические. Здесь логика юристов расходится с традиционной логикой, так как для них с чисто профессиональных позиций написанное в законе — истина.

То, что являлось классикой либерализма, определявшей особый статус и полномочия представительной (законодательной) власти, было достаточно быстро скорректировано вплоть до установления равенства ветвей власти и наличия для них системы стяжек и противовесов.

В интересах элиты, обеспечения проведения ее воли в законодательной власти оставалось необходимо решить вопрос как добиться, чтобы большинство избирателей, то есть, народа, демоса проголосовало за кандидатов, выдвинутых элитарным меньшинством, а, в конечном счете, за чуждые интересы. Как же меньшинству завоевать власть посредством выборов, как заставить

большинство проголосовать за меньшинство? Ответ был найден в макиавелистском духе: представительная власть должна строиться не на представительстве социальных групп и слоев общества и, тем более, не по пропорциональному принципу, что отвечало бы социальной демократии; выбор теперь должен осуществляться по идейным соображениям. Налицо подмена социального интереса идейнополитическим. Политический макиавеллизм соединился с идеологическим.

Результат выборов оказывается в зависимости от применяемых электоральных технологий. А здесь имеются широкое поле и огромные возможности для маневра. Собственно организационные технологии сочетаются с искажающе-корректирующими («карусель», вбрасывание лишних бюллетеней, подкуп избирателей, махинации при электронной передаче данных, голосование иностранцев и умерших и т.д.), а также с психологическими (регистрация в одном избирательном округе нескольких кандидатов с одинаковыми фамилиями, распространение ложной информации о соперниках, компрометирующих материалов, ярких по форме видеоматериалов, запоминающихся слоганов и т.д.). Так политический макиавеллизм, соединившись с идеологическим, приобрел психологические механизмы реализации.

На эмоциональные проявления избирателей нацеливают и технологии политического имиджмейкинга, когда за искусственно созданным внешним обликом политика скрываются истинные проявления его личности.

В ряде стран (США, ФРГ, Великобритания, Канада, Франция) макиавелистски выверенно произведена легализация лоббистской деятельности. Вопреки ее содержанию и форме реализации это послужило основанием для объявления по своей сути скрытой технологии давления на власть проявлением демократии. Но таким образом создан механизм «демократизации» посредством легализации пороков общественной системы. Действительно, слова иногда «живут своей жизнью», и понимать под «демократией» можно все, что угодно.

Несомненным проявлением политического макиавеллизма стали политические провокации как в предумышленной, так и непредумышленной формах¹.

Правовой макиавеллизм. Право, как особая сфера деятельности, связанная с регулированием общественных отношений, в свою очередь испытывает с их стороны формирующие воздействия. В связи с этим и правовой макиавел-

лизм неразрывно связан с другими его разновидностями.

Так, идеологический макиавеллизм, порождая правовую идеологию как часть идеологии политической, дает общие установки в отношении того, какой должна быть правовая система для реализации интересов господствующей социальной группы, а также образы и символы, составляющие в различных динамических сочетаниях основу для определения состава норм права. Политический макиавеллизм через правовую политику формирует социальный заказ на законотворчество и правоприменение.

Правовой макиавеллизм проявляется в самоопределении права в качестве последней инстанции установления соответствия правовых актов интересам общества, а интересы общества оказываются априори зафиксированы в соответствующих законах.

Интерес общества в условиях демократии понимается как интерес народа, а по факту — большинства. Однако об этих интересах народ в лучшем случае опрашивают социологические службы, тогда как референдумы используются исключительно редко или не применяются вообще. Действительно, у депутатов законодательных органов как народных избранников может даже отсутствовать потребность в общении с избирателями ввиду того, что они сами являются частью этого народа и знают, чего народ хочет. Но, как правило, избранники народа не компетентны в правовых вопросах и вынуждены передоверяться специалистам-правоведам. В этом одна из причин того, почему так легко принимаются законы, которые затем вызывают у людей непонимание, удивление и протест. Поэтому правовой макиавеллизм опирается на непризнание и сокрытие сути права как воли господствующего класса возведенной в закон. Или в другой формулировке, — он реализует волю господствующего класса.

В сфере законотворчества он допускает практику лоббирования принятия или непринятия определенных правовых актов, оставляет в них «лазейки» для неисполнения и извлечения выгоды мошенническим в понятии народа путем. При этом не ставится вопрос о том, было ли это сделано специально или в результате некомпетентности, или случайности и, естественно, речь не идет о какой бы то ни было ответственности законотворцев.

Правовой макиавеллизм в России связан с принятием неоднозначных решений в сфере законодательства, которые часто противоречат

исходным установкам, например, на усиление борьбы с преступностью. В частности, происходит либерализация уголовного законодательства, экономические преступления переквалифицируются в административные правонарушения. Реализация требования верхов «не кошмарить бизнес» не дополняется запретом бизнесу «кошмарить» потребителя. Борьба с коррупцией причудливым образом сочетается с отказом от действенного способа искоренения взяточничества путем исключения из уголовного кодекса ответственности за дачу взятки, и усиление ответственности за ее получение. Практика же такова, что осужденных за взяточничество в три раза меньше, чем за дачу взятки, а тысячи чиновников-взяточников наказаны в административном порядке и оставлены на работе².

Практика экономических «амнистий» (налоговая, дачная и т.п.) имеет в качестве латентной функции создание некой массовой общности, единство которой обеспечивается сходным (незаконным) способом получения в собственность материальных благ. Для одних — это крупные объекты частной собственности, приносящей доход, для других — для большинства, для массы — это мелкая личная собственность. И это большинство, внутренне признавая за собой грешок незаконного присвоения, вынуждено проявлять толерантность в отношении крупного капитала.

Правовой макиавеллизм дает возможность проявления субъективности в судопроизводстве, которое осуществляется, в том числе, на основе требований «руководствоваться совестью», «оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению», а также на применении таких понятий как «разумные сроки судопроизводства», «аналогия закона», «аналогия права» и др. Имеются широкие возможности для использования макиавелистских подходов и в правоприменении, в том числе в правоприменении, когда отсутствие правовой практики объясняется ее отсутствием.

Во всех рассмотренных видах макиавеллизма присутствует его главная родовая составляющая — политика. Иначе говоря, политика пронизывает общественную систему, что предопределяет и обеспечивает существование феномена макиавеллизма как системы технологий, обеспечивающих господство и поддерживающей баланс между созидательными и разрушительными социальными практиками.

Современное общество организовано на основополагающих принципах макиавеллизма, что проявляется и в сокрытии самого этого факта от общественности, и использует его как универсальную технологию господства и управления. Ее универсальность проявляется и в сфере международных отношений — в дипломатической деятельности, секретных договорах, принципе двойного стандарта, ведении информационных войн, проведении секретных операций на территории суверенных государств, попрании норм международного права, политике санкций и т.п.

Макиавеллизм как технология не плох и не хорош; он нравственен для верхов, элит и безнравственен для низов, которым приходится считаться с ним как с данностью и жить, приспособившись к ней; он — царство свободы для правителя и царство несвободы для простого человека, предпочитающего быть пассивным.

Иногда говорят, что политика — искусство возможного. Макиавеллизм делает возможным все.

¹ См. подробнее: Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях. Под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. С. 265—266.

² <https://pasm.ru/archive/168156/>

LAWS OF MATERIALISTIC DIALECTICS
AND EXPERIENCE OF THEIR APPLICATION
IN CRIMINOLOGY

ЗАКОНЫ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ
И ОПЫТ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В КРИМИНОЛОГИИ

Evgeny Semyonovich Zhigarev,
doctor of jurisprudence, professor, professor
of Department of Criminology of the Moscow
University of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot,
the Honorary member (academician) of the RANS

Евгений Семенович Жигарев,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминологии
Московского университета МВД России имени
В.Я. Кикотя, почетный член (академик) РАЕН

Научная специальность: 12.00.08 — уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право

Annotation. Criminologists of the Soviet and present period one and all state that methodology of a research of theoretical and practical questions of criminology is the Marxist philosophy, in particular, of the doctrine of dialectic and historical materialism. However, comparing the entity of dialectic universal laws treated by classics of the doctrine of Marxism-Leninism it turned out that criminologists misunderstand them therefore also contents is explained incorrectly, significantly distorting a sense of these laws. This article is also devoted to this question.

Key words: dialectics, methodology, law, quality, quantity, contradiction, contrasts, fight, denial, evolution, regress

Аннотация. Криминологи советского и нынешнего времени все без исключения констатируют, что методологией исследования теоретических и практических вопросов криминологии является марксистская философия, в частности, учения диалектического и исторического материализма. Однако, сопоставляя сущность диалектических универсальных законов, трактуемую классиками учения марксизма-ленинизма, оказалось, что криминологи понимают их превратно, поэтому и содержание излагают неверно, существенно искажая смысл этих законов. Этому вопросу и посвящена данная статья.

Ключевые слова: диалектика, методология, закон, качество, количество, противоречие, противоположности, борьба, отрицание, эволюция, регресс

Диалектика — одна из самых причудливых фантазий,
заимствованных Марксом у Гегеля.
Б. Рассел

Диалектический и исторический материализм, являясь стержнем учения марксизма-ленинизма, в советский период был методом познания всех наук, в том числе и криминологии. Несмотря на гарантированное Конституцией РФ идеологическое многообразие (ст. 13 ч. 1), методология марксистской философии, к сожалению, остается единственной для криминологии и сегодня. Понятно, что криминологи старшего поколения, сформировавшие криминологическую теорию при социалистических общественных отношениях, когда идеология основывалась на монистическом учении марксизма, не решились признать его несостоятельность в качестве методологии для такой специфической науки, как криминология. Поэтому в очередном учебнике, изданном в 2015 г., авторы, как и прежде, продолжают отмечать, что методологией являются общие законы развития природы, общества и мышления, т.е. всеобщий метод познания,

в основе которого лежат законы диалектического материализма [1, с. 109, 115].

Напомню, что краеугольным камнем диалектического материализма является учение о материальной природе мира, о том, что в мире нет ничего, кроме материи и законов ее движения и изменения. При этом движение материи происходит по восходящей линии, а изменение осуществляется от низших форм к высшим, т.е. эволюционно.

Исходя из этого положения, казалось бы, что специфический предмет познания криминологии — личность преступников, являющаяся категорией психической, а не материальной, и развивающаяся, по признанию самих же апологетов диалектического материализма, «по иным, психологическим, законам» [7, с. 373], ничего общего с объективированным внешним миром не имеет. Однако в советский период криминологи были вынуждены в каждом исследовании формально указывать, что была использована

методология диалектического материализма. Ибо партийность науки криминологии обязывала прямо становиться на точку зрения определенной общественной группы, которой была КПСС [3, с. 26].

Но почему сейчас допускается этот стереотип? Ответ может быть один: сложившееся за долгие годы формальное отношение к диалектическому и историческому материализму породило легкомысленное отношение к нему как методологии. Криминологов отучили от самостоятельности, чтобы ставить вопрос: подходит ли вообще метод материалистической диалектики с ее универсальными законами для исследования специфического предмета — личности преступников? Но раз было ленинское указание, что «материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» [6, с. 419] под названием РСДП (б), а впоследствии КПСС, идеологи принуждали придерживаться партийности и криминологов. В этой связи А.И. Алексеев прямо говорил, что криминологии присуща и идеологическая функция [2, с. 7]. Но принуждение никогда не способствовало развитию творческих способностей, а лишь узаконило стереотипные взгляды в науке. А теперь посмотрим, что от этого мы имеем.

Итак, вновь напомним читателю, что классики марксизма содержание методологии свели к трем универсальным всеобщим законам: переход количественных изменений в качественные; единство и борьба противоположностей; отрицания отрицания. Однако нужно отметить, что их прототипом явились гегелевские законы диалектического развития не материи, а мышления — категории духовной. Вот они: закон перехода количества в качество и обратно; закон взаимного проникновения противоположностей; закон отрицания отрицания.

Но понимание Гегелем, классиками марксизма и криминологами сущности данных универсальных законов оказалось диаметрально разным. Кратко отмечу, в чем заключается противоположность их взглядов.

Гегель их сформулировал для того, чтобы через их действие показать диалектическое развитие мышления человека.

Классики марксизма, радикально их перефразировав, хотели этими законами объяснить объективное развитие природы и общества от простых форм к сложным.

Советские и нынешние криминологи, взяв законы материалистической диалектики, объясняющие поступательное движение, пытаются

доказать, что ими можно объяснить и регрессивное развитие отрицательных явлений, происходящих в обществе.

Но что из этого получилось, сейчас увидим.

Итак, первый **закон перехода количественных изменений в качественные** применяется радикальными материалистами для объяснения, как, каким образом происходит развитие материи. Апологеты учения марксизма констатируют, что постепенное накопление незаметных количественных изменений в определенный для каждого отдельного процесса момент с необходимостью приводит к существенным, коренным, качественным изменениям, к скачкообразному переходу от старого качественного состояния к новому качеству [7, с. 342]. Этот закон, как утверждают догматы этого учения, имеют место во всех процессах развития природы, общества и мышления.

Однако нас должно интересовать, каким образом количественные изменения приводят к качественному изменению преступности как социального явления. Но прежде мы должны знать, как диалектики-материалисты понимали термин «качество». Пожалуй, никто не сомневается в том, что каждый предмет физической природы обладает своим, присущим только ему, качеством. В этой связи диалектики-материалисты утверждают следующее: когда говорят о качестве предмета, то всегда имеют в виду *специфическое* качество данного предмета, которое у него *всегда одно* [3, с. 237]; выд. курс. мною).

Если основным предметом познания криминологии еще с советских времен была определена преступность как явление и ее детерминанты (с чем я никогда не был согласен), тогда позволительно спросить (задать вопрос): каким же это «специфическим» качеством она обладает, которое к тому же всегда должно быть одно? На этот вопрос пока что ни один криминолог-материалист не ответил, да и не сможет ответить. Ибо преступность многокачественное статистическое образование, состоящее из множества разнообразных зарегистрированных деяний и выявленных лиц, их совершивших.

А теперь разберем категорию «количество». Догматики диалектического материализма говорят: «Каждый предмет обладает определенной мерой, в которой выражается *единство* качества и количества» [3, с. 238]; выд. курс. мною). И достигнув определенной для каждого предмета границы, количественные изменения вызывают необратимые качественные изменения, в результате которых предмет переходит в другое, новое состояние. А по-другому невозможно было бы радикальным материалистам

даже гипотетически объяснить перманентную эволюцию вещественного мира, развитие из неорганической материи — биологической и далее сознания.

Чтобы обратить внимание читателя, выше было выделено курсивом слово «единство», означающее, что конкретный предмет, чтобы сохранить целостность, должен обладать определенной мерой качества и количества. А иначе происходит, как полагают диалектики-материалисты, трансформация (превращение) данного явления в другое.

Применительно к преступности как основному предмету познания криминологии невозможно даже отвлеченно представить, что увеличение количества зарегистрированных преступлений и выявленных лиц, их совершивших, может привести к ее трансформации, к радикальному качественному изменению и переходу в другой вид явления.

Из изложенного можно сформулировать два вывода. Первый, — если закон перехода количественных изменений в качественные касается только однокачественных явлений, то к преступности как многокачественному и разнокачественному образованию он никакого отношения не имеет. И второй вывод: если каждое явление (предмет) всегда обладает одним специфическим качеством, следовательно, преступность — не явление.

Понимая это, А.И. Алексеев¹ действие этого объективного закона пытался показать в динамическом развитии антиобщественной позиции личности индивида, которая «может быть представлена как цепочка своеобразных «агрегатных» состояний, имеющая свои «скачки» [2, с. 9]. Однако ему, известному криминологу, нужно было бы иметь в виду, что изменение нравственных свойств личности индивида в сторону регресса, т.е. деградации, зависит (если согласиться с его мнением) не только от количества (меры) негативного воздействия среды, но и от качества собственного нравственного состояния самой личности как категории метафизической, духовной, но не материальной.

Следовательно, негативное изменение нравственных качеств личности происходит не под воздействием этого объективного закона, а согласно субъективному влиянию окружающих эту личность индивидуумов и собственной предрасположенности к восприятию пороков.

Поэтому можно заключить, что этот объективный закон, названный классиками марксизма универсальным, не может быть применен в объяснении психических действий (поступков)

индивида, особенно преступных, характеризующих развитие личности вспять, в обратную диалектическому развитию сторону — в сторону регресса.

Второй закон *единства и борьбы противоположностей* выражает, по мнению В.И. Ленина, суть «ядро» материалистической диалектики. А суть его такова: каждый предмет (явление) включает в себе некие противоположности, под которыми диалектический материализм понимает такие моменты, стороны, и т.п., которые, во-первых, находятся в неразрывном единстве (и это понятно, иначе не было бы целостности предмета); во-вторых, эти стороны (моменты) взаимоисключают друг друга (но тут закон допустил алогизм: «единство» и «взаимоисключение» — слова антиподы, поэтому должно быть что-то одно); и, в-третьих, как бы спохватившись, классики марксизма «взаимоисключение» отождествили с «взаимопроникновением» (как у Гегеля): эти стороны (моменты) взаимопроникают друг в друга [7, с. 144]. Однако слова «взаимоисключение» и «взаимопроникновение» по смыслу не равнозначны: первый термин означает уничтожение, второй — достижение (слово «проникнуть» также имеет смысл достичь чего-либо).

Этот закон радикальными материалистам был крайне необходим, чтобы им хотя бы гипотетически объяснить развитие предметов физического мира из самих себя, без какого-либо воздействия внешней силы, именуемой идеализмом духовной (божественной) энергией. Поэтому-то они и придумали некую борьбу противоположных сторон (моментов) в каждом единичном предмете (явлении), заявив: «их единство относительно, их борьба абсолютна». Тогда как, логически рассуждая, это единство противоположностей в предмете должно быть абсолютно, иначе не было бы самого предмета. А вот борьба противоположностей, которая предполагает уничтожение («сведение к нулю») одной из них, представляется крайне неестественной. Однако именно борьба противоположностей и есть суть этого закона, которой классики марксизма гипотетически объясняли, что противоречие между противоположностями, возникающее внутри сущности предмета, непрерывно разрешается и столь же непрерывно воспроизводится, что в конце концов приводит к преобразованию старого предмета в новый. Этим законом классики марксизма гипотетически объясняли объективный внутренний «источник» всякого развития, не прибегая ни к каким

посторонним силам, что, по их мнению, позволяет понять движение как **самодвижение** [7, с. 144].

Естественно, подобное мифологическое объяснение саморазвития предметов из самих себя не вносит ни толики ясности в раскрытие механизма действия этого закона, а, наоборот, только усугубляет непонимание. Ведь неорганические предметы физического мира никогда не могут превратиться в органические новые виды, а лишь, старея, навсегда исчезают с лица земли вместе с органическими. Поэтому странным выглядит одно из умозаключений советских философов, некогда писавших, что материалисты *доказывали* возможность трансформации, взаимного превращения видов, возникновения живого из неживого [5, с. 285]. Но доказывать — не значит доказать. Кстати, один из нынешних мистификаторов тоже доказывал похожее — хотел воскресить матерям их детей, погибших от пуль террористов в захваченной ими школе (г. Беслан, С. Осетия), но, не доказав своих способностей, закономерно занял место в тюрьме за мошенничество.

Кроме того, этот якобы универсальный закон был необходим классикам марксизма, чтобы придать закономерный, объективный характер классовой борьбе и социальной революции как движущей силе развития общественно-экономических формаций. Но что удивительно, апологеты этого учения сами же его дважды отменяли. Вначале заявили, что в бесклассовом обществе (т.е. при коммунизме) этот универсальный закон сам исчезнет. Ибо социальные противоречия, ведущие к революции, при социализме из антагонистических (непримиримых) превращаются в специфические и разрешаются мирным путем.

Второй раз антагонистические противоречия между капитализмом и социализмом были отменены и также волевым способом, когда политики с двух сторон на переговорах приняли соглашение о мирном сосуществовании двух противоположных мировых систем.

Так что нет никакого универсального, всеобщего закона единства и борьбы противоположностей. Этот надуманный закон был необходим радикальным материалистам, чтобы объективировать общественные отношения, якобы развивающиеся сами по себе, без субъективного, осознанного вмешательства в процесс развития общества самих людей, его составляющих.

Но криминологи до сих пор продолжают верить в этот закон, полагая, что «один вид преступности порождает другой» [4, с. 85].

А, по мнению А.И. Алексеева, действие этого закона можно наблюдать в профилактике преступности. Он полагал, что взаимосвязь (но не борьба) противоположностей происходит на основе диалектического противоречия между старыми средствами и методами борьбы с преступностью и новым профилактическим направлением; между передовым опытом работы и устаревшими, традиционными и т.д. «Криминология должна находить научно обоснованные пути развития подобных противоречий» [2, с. 9].

Призывая разрешать противоречия научным путем, автор сам до конца не разобрался, в чем состоит суть противоречия. Ведь философская категория «противоречие», по установке В.И. Ленина, есть *внутренний* источник всякого движения, принцип развития каждого предмета из самого себя. Следовательно, интерпретация А.И. Алексеевым «противоречия» неверная. Потому что передовой опыт профилактической работы — это отдельный предмет исследования, а старые средства и методы борьбы с преступностью — другой предмет криминологического изучения. Между этими предметами никакого единства нет и быть не может, и тем более борьбы, вызываемой, если следовать закону, противоречивой их противоположностью.

Аналогичная ситуация наблюдается и у авторов учебника «Криминология», изданного под редакцией Г.А. Аванесова, которые выдвигают на авансцену криминогенные, т.е. негативные, отрицательные противоречия, порождающие преступления. Эти противоречия, по мысли этих авторов, заключаются в проявлении ограниченных (скорее, противоправных) взглядов при решении индивидом личных проблем. В таких ситуациях он как бы находится перед дилеммой: решить проблему преступным или приемлемым для общества путем [1, с. 225]. В данном случае авторы имеют в виду возникшее отрицательное противоречие между личностью и обществом. Но если бы действительно существовало диалектическое противоречие между противоположными сторонами — преступником и обществом, то оно решалось бы согласно закону единства и борьбы..., вследствие которого одна из сторон должна быть «сведена к нулю», т.е. уничтожена, и этой стороной был бы, конечно же, индивид. Абсурдность применения криминологами этого закона и диалектической категории «противоречие» очевидна.

Кроме того, догматики диалектического материализма предупреждали, что «понятие отри-

цательной стороны противоречия не следует брать в морально-этическом смысле — как нечто дурное» [3, с. 285]. Это указание свидетельствует о том, что негоже криминологам применять диалектические законы в объяснении регрессивного движения нравственности индивидов, совершающих преступления, которые классики марксизма использовали для гипотетического объяснения эволюционного развития природы и общества.

Тем не менее, криминологи не стали обращать внимание на это методологическое требование и объявили, что противоречие играет значительную роль в формировании конфликта между личностью и обществом ... реализуемого в преступлении [1, с. 226].

Однако диалектическое объективное противоречие и недиалектический субъективный конфликт — это не одно и то же, как полагают эти авторы. Диалектическое противоречие есть сущность закона единства и борьбы *взаимоисключающих* противоположностей. А внутренний конфликт, реализуемый в преступлении, по мнению этих авторов, «преследует цель *сближения* противоположностей» [1, с. 244]; выд. курс. мною). Абсолютная борьба противоположностей, позиционируемая законом, направлена на исключение одной из них, а криминологический конфликт у этих авторов, наоборот, разрешается сближением противоположностей. Следовательно, криминологи умышленно исказили сущность этого закона, исключили из него объективную категорию «противоречие», заменив ее субъективной категорией «конфликт».

Поэтому в отношении этого закона вывод один: он не может быть методологически использован и применен криминологами в объяснении нравственной деградации личности индивида, приводящей к преступному поведению.

Третий закон материалистической диалектики *отрицания отрицания* органически связан с предыдущим законом «единства и борьбы противоположностей», поскольку отрицание старого новым в процессе развития общества есть не что иное, как разрешение противоречий.

Согласно материалистической диалектике, «отрицание есть условие, момент развития с удержанием всего положительного, что было в старом, и необходимого для дальнейшего поступательного развития» [7, с. 333].

Но В.И. Ленин по-своему истолковал универсальный закон материалистической диалектики, применив его в практике буквально, подвергнув все отрицанию. Он полностью, «до основания»

разрушил старое общество, не взяв ничего положительного от капитализма. Правда, через некоторое время все же пришлось в экономику вернуть «старые» элементы, назвав все это НЭПом.

Однако действие этого закона классики марксизма так и не смогли объяснить ни применительно к природе, ни к обществу и все из-за его двойного отрицания. Им нужно было бы не повторять буквально гегелевский закон, а сформулировать его по-иному, например, таким образом: закон отрицания новым старых укладов социальной жизни, но тогда он не смог бы объяснить эволюционное развитие природы.

Но все равно двойное отрицание, по Гегелю, соответствует лишь диалектическому развитию мышления. Потому что отрицание не должно приходиться извне, ибо оно происходит внутри сознания, индивидуально, путем естественного развития мышления, которое Гегель изобразил в виде триады, трехчленного деления: тезис — антитезис (отрицание) — синтез (отрицание предыдущего отрицания путем обобщения, а это и есть взаимное проникновение друг в друга противоположных мыслей).

Например, Ф. Энгельс схематически представил закон отрицания отрицания взаимодействием зерна с ростком: «росток отрицает зерно, а зерно отрицает росток и т.д.». Этот пример неудачно взят из Предисловия к «Феноменологии духа» Гегеля: «Почка исчезает, когда распускается цветок, и *можно было бы* сказать, что она опровергается цветком; точно так же при появлении плода цветок признается ложным наличным бытием растения, а в качестве его истины вместо цветка выступает плод» [8, с. 295–296]; выд. курс. мною).

Выделенные курсивом слова «можно было бы», которым Ф. Энгельс, я полагаю, умышленно не придал значение, по смыслу означают, что можно лишь предположить, но этого, на самом деле, не должно было произойти. Потому что все эти изменения совершаются в рамках вечно повторяющегося, раз навсегда установленного Творцом круговорота, как и круговорота воды в природы, являющихся в обоих случаях объективной закономерностью.

Энгельс же, «ухватившись» за этот пример, объясняющий всего-то факт, что в природе вечно повторяются одни и те же процессы, увидел в нем действие будущего закона материалистической диалектики отрицания отрицания.

На подобие «отрицания» ростком зерна и зерном ростка классики марксизма объясняли развитие социально-экономических формаций

через действие этого закона. Социализм, следуя за капитализмом и прорастая в нем, отрицает его путем революции и в то же время сам воспринимает отрицание капитализма в виде его сопротивления. Однако гегелевской триады здесь не наблюдается: капитализм (тезис) — социализм (антитезис), но далее нет никакого синтеза (отрицание путем проникновения друг в друга противоположностей, вследствие которого порождается новое явление). Здесь же вступает марксистский закон борьбы противоположностей между капитализмом и социализмом, в результате которого был уничтожен капитализм, и синтеза не произошло.

Как видим, классикам марксизма в этом гегелевском законе импонировал факт отрицания, который они применили для объяснения якобы объективной смены капиталистической социально-экономической формации социалистической, и тем самым общество как бы развивается по восходящей (или по спирали вверх). Но при переходе к коммунизму, согласно их учению, отрицание принципов социализма будет происходить путем полного их развития, что подготавливает условия для перерастания этих принципов в коммунистические.

Как видим, и этот универсальный закон подвергся радикальному изменению.

Криминологи, применяя этот объективный закон в качестве методологического основания, толкуют его сущность крайне не диалектически. Вот как, например, разъяснил его действие на криминологическом поле А.И. Алексеев. «Преступность, ее причины, связанные с нею социально негативные явления при социализме представляют собой своеобразные «исключения из правил», составляющих содержание философского закона отрицания отрицания, ибо они выражают не восходящий, а локально нисходящий характер движения с побеждающим новым определенное время существует мешающее ему старое» [2, с. 9].

Понятно, что в интерпретации А.И. Алексеева этот закон содержит лишь ключевые слова «отрицания отрицания», выделенные им, а сущность закона в корне изменена. Но главное заключается в другом, автор не учел действия этого закона, которые направлены на смену (или замену) одних явлений другими. Поэтому, применяя этот закон в криминологии, якобы объясняющий преступность и ее причины при социализме как «исключения из правил», А.И. Алексеев должен был предвидеть получение странноватых, мягко говоря, выводов. Получается, что универсальный, всеобщий закон отрицания, помогающий классикам марксизма

объяснить эволюционное развитие природы и общества, по мнению А.И. Алексеева, может также сработать и на локальном (т.е. местном) уровне, возбуждая нисходящий характер движения общества к регрессу. Ведь преступность олицетворяет нравственную деградацию общества.

Вот такими псевдонаучными положениями наполнена сегодняшняя криминология.

Итак, рассмотрев три универсальных, всеобщих закона материалистической диалектики, приходишь к однозначному выводу, что без относительно личностного отношения к ним, криминологи-материалисты, объявившие, что их методологическая ориентация связана с учением диалектического и исторического материализма, не должны его искажать как заблагорассудится и переиначивать смысл этих законов. Читая все это, порой приходишь к нехорошим мыслям, что криминологи-материалисты интерпретируют законы материалистической диалектики нарочито легкомысленно, чтобы скомпрометировать это учение.

Поэтому считаю, лучше оставаться честным оппонентом этого учения, чем искажать смысл законов и категорий, при этом заявляя себя приверженцем диалектического материализма.

Список литературы

1. *Аванесов Г.А.* и др. Криминология: Учебник для студентов юридических вузов / Под ред. Г.А. Аванесова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
2. *Алексеев А.И.* Предмет, понятие, метод и система советской криминологии // Криминология и профилактика преступлений. Учебник / Под ред. А.И. Алексеева. М.: МВШМ МВД СССР, 1989.
3. Диалектический материализм. Учебное пособие / Под ред. А.П. Шептулина. М.: «Высш. школа», 1974.
4. *Долгова А.И.* Преступность как объект криминологического изучения // Криминология. Учебник для юридических вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997.
5. Краткий очерк истории философии / Под ред. М.Т. Иовчука, Т.И. Ойзермана, И.Я. Щипанова. Изд. 2-е, перераб. М.: «Мысль», 1971.
6. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1.
7. Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М.: Политиздат, 1963.
8. *Энгельс Ф.* Диалектика природы. М.: Политиздат, 1969.

¹ Кстати, только он воочию, наглядно прокомментировал законы материалистической диалектики и ее категории применительно к предмету криминологии.

SOCIAL FACTORS THE GROWTH OF EXTREMISM IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РОСТА ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Dmitry Georgievitch Lotchakov,

candidate of philosophy, associate professor, associate professor of the Department of Sociology and Political Science of the Moscow University of MIA of Russia named after V.Ya.Kikot

Дмитрий Георгиевич Лощаков,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Annotation. The article analyzes the social causes of the growth of extremist manifestations in the post-Soviet period of Russian society

Key words: extremism, extremist manifestations, social base of extremism, socio-cultural division of society, social anomie, corruption

Аннотация. В статье анализируются социальные причины роста экстремистских проявлений в постсоветский период развития российского общества.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистские проявления, социальная база экстремизма, социально-культурный раскол общества, социальная аномия, коррупция

Экстремизм и радикализм — отличительные черты современного мира, их рост наблюдается повсеместно, и Россия не является в этом отношении исключением. На фоне тенденции общего снижения уровня преступности в российском обществе в период 2000—2013 гг. динамика роста числа преступлений экстремистского характера составила 443,3% (!)¹, и вплоть до последнего времени рост числа зарегистрированных преступлений экстремистского характера продолжается².

Экстремизм как крайняя форма выражения социального протеста представляет взгляды или идеологию, основанные на социальной, расовой, этнической или религиозной ненависти (вражде) и сопряженные с насильственными действиями, направленными против существующих общественных порядков или отдельных лиц.

Экстремизм никогда не возникает на пустом месте или исключительно по злой воле неких внешних сил. При всей его кажущейся чужеродности экстремизм всегда является следствием дезинтегративных тенденций внутри данного конкретного общества, формой деструктивного протеста против существующих общественных порядков, симптомом и формой проявления кризиса общественных отношений.

При всех различиях социальных условий проявления экстремизма в разных странах его рост всегда происходит на фоне утраты обществом своего политического, социального и культурного единства, целостности, идентичности.

Везде, где имеют место социальные, политические, этнические, религиозные и другие конфликты, вызывающие у людей чувства взаимной неприязни, озлобленности и враждебности, складывается социальная почва для различного рода экстремистских проявлений.

Потенциальными причинами нарушения социального единства могут стать *три группы социальных факторов*. Первая связана с действием общемировых тенденций (глобализация, международная миграция и т.п.), вторая, главная, — с кризисными явлениями внутри данной конкретной страны, и третья — с целенаправленным вмешательством извне.

К примеру, рост экстремизма в странах Западной Европы стал закономерным следствием развития этого региона в послевоенный период его новейшей истории, совокупным результатом действия нескольких взаимосвязанных тенденций, в их числе:

(1) глобализация, усиление взаимозависимости стран и народов, включая народы бывших европейских колоний;

(2) быстрый рост уровня жизни населения европейских стран с одновременным возрастанием его разрыва с уровнем жизни населения бывших метрополий и колоний;

(3) массовая миграция иностранной рабочей силы из бывших колоний в развитые страны западной Европы;

(4) нарастание фрагментированности и разорванности культуры, и образа жизни населения

европейских стран в связи с их вступлением в постмодернистскую стадию индустриального развития (политика мультикультурализма и культ толерантности стали наглядным выражением этой тенденции);

(5) «этническое возрождение», которое начиная с 1960-х гг. прокатилось по всем странам западного мира.

Под влиянием названных тенденций произошло постепенное размывание и маргинализация социальной структуры европейских индустриально развитых стран. Потоки беженцев из стран Ближнего Востока и Африки, которые, не без участия европейских стран, подверглись насильственному разрушению своих традиционных политических структур, стали апогеем названных процессов. В результате вместо стабильной и благополучной Европы мы получили многоцветный, но утративший свою целостность мир, состоящий из разнородных и во многом не сочетаемых друг с другом культурных и социальных фрагментов.

Политическая система европейских стран на данный момент не в состоянии поставить под контроль изменившуюся социальную реальность и продолжает по инерции транслировать теряющие популярность идеи гуманизма и толерантности.

В отличие от стран Западной Европы у России не было заморских территорий, но и она испытала на себе целый ряд негативных последствий названных выше тенденций новейшей мировой истории. Здесь и запоздалое «этническое возрождение», которое нашло свое выражение в серии межэтнических конфликтов 1990-х гг., включая трагические события «чеченской войны», и многомиллионные потоки гастарбайтеров 2000-х гг. из бывших союзных республик, создавшие целый ряд очагов межэтнической напряженности в стране. Все эти процессы внесли свой негативный вклад в рост протестного потенциала и экстремистских настроений в российском обществе, но главные социальные факторы роста экстремизма в постсоветской России связаны с ее внутренними процессами, и прежде всего, с негативными последствиями тех радикальных реформ, через которые страна прошла в 1990-е гг.

Несмотря на дистанцию, которая отделяет «Россию сегодняшнюю» от «России 1990-х» все базовые параметры современного российского общества были заложены именно в тот начальный, постперестроечный период отечественной

истории. Политическая и экономическая система современной России, ее социальная структура являются следствием тех радикальных перемен, которые произошли в стране именно в 1990-е гг. Большинство сегодняшних проблем российского общества и переживаемых им трудности, в том числе, связанных с ростом протестного, экстремистского поведения, так или иначе восходят к радикальным реформам 1990-х гг.

Реформы 1990-х гг. затронули самые глубокие основания российского общества, которые складывались на протяжении жизни многих поколений, однако большинство поставленных в ходе этих реформ задач, так и остались невыполненными³, а от целого ряда негативных явлений, сопровождавших реформы, не удалось избавиться до сих пор. Речь идет о криминализации общественной жизни, системной государственной коррупции, маргинализации значительной части населения, социальной аномии и социально-культурном расколе общества на *богатых* и *бедных*, которые не могли не сказаться на росте протестного поведения.

Несмотря на ярко выраженную динамику роста экстремизма в последние годы, он пока не воспринимается гражданами как реальная угроза и занимает последние строчки в рейтинге социальных опасений населения⁴. В общественном мнении до сих пор действует инерция отношения к экстремизму как к чему-то чуждому, нетипичному для российского общества, намеренно привнесенному извне с целью подрыва его существования и не имеющему особых шансов на успех.

В предыдущий, советский период российской истории действительно существовал целый ряд факторов, которые способствовали если не полному исключению, то значительной минимизации различного рода экстремистских проявлений, не допуская их эскалации и превращения в массовое явление. В числе таких факторов — единая государственная идеология, относительно однородная социальная структура общества с крайне низким уровнем поляризации доходов, всеохватывающая система государственного социального обеспечения и конечно жесткие ограничения на международные связи и контакты, так называемый «железный занавес».

Однако последующие события, связанные с распадом СССР и реформами 1990-х гг. сопровождались резким ослаблением и дисфункцией

всей системы государственного управления, которые дали мощный толчок названным выше процессам криминализации общества, маргинализации значительной части его населения и перманентной социальной аномии. Рост протестного потенциала и экстремистских настроений в обществе стал в этих условиях естественной реакцией населения на происходящие в стране перемены.

Со времен реформ 1990-х гг. прошло более полутора десятилетий, и современное российское государство вправе поставить себе в заслугу и борьбу с преступностью и рост благосостояния значительной части населения, которые видоизменили ситуацию в стране к лучшему, но не смогли устранить социальную почву для развития экстремистских настроений. Сложившийся в 1990-е гг. социально-культурный раскол общества постоянно воспроизводится⁵ и подпитывается продолжающейся поляризацией доходов между основной массой населения и коррумпированной государственно-олигархической элитой, что неизбежно приводит к различного рода экстремистским проявлениям. Сравнительно низкий уровень протестной активности российского населения объясняется всего лишь особенностями его политической культуры (традиционный тип легитимности); он не должен вводить в заблуждение и тем более выдаваться за признак его социального благополучия.

Главной питательной средой для развития экстремистских настроений в современном российском обществе является низкий уровень жизни основной массы граждан и широко распространенное в массовом сознании населения чувство социальной несправедливости существующего в обществе социального неравенства и возрастающего с каждым годом разрыва между *бедностью* и *богатством*. Именно эти два обстоятельства являются, по мнению специалистов ВНИИ МВД России, главной причиной существования широкой социальной базы для проявления протестных настроений в современном российском обществе⁶.

На протяжении всего постсоветского периода развития страны доля низшего класса в составе ее населения не опускается ниже 70%, что абсолютно нетипично для индустриального общества, к которому мы привыкли себя относить.

В развитых индустриальных странах уровень квалификации, как правило, совпадает с уровнем дохода, и поэтому основную массу

бедных составляют низкоквалифицированные работники. В России картина прямо противоположная — основная масса социально и экономически активного населения имеет низкие доходы и по критериям развитых индустриальных стран должна относиться к низшему классу. В низший класс российского общества входит основная масса квалифицированных рабочих и инженеров, многочисленные категории врачей, учителей, преподавателей вузов, работников культуры, науки. Вплоть до административной реформы МВД России 2010 года к этой категории населения принадлежала и основная масса сотрудников правоохранительных органов, которые в других индустриальных странах однозначно входят в состав среднего класса.

Реформы 1990-х гг. породили особую категорию бедности — «новых бедных» или «трудящихся-бедных», в которой оказались социально активные слои населения с предельно низкой заработной платой. В эту категорию попали те группы работающих граждан, которые по своему образовательному уровню, квалификации и общественному статусу никогда прежде не были малообеспеченными, например работники сферы образования, науки, культуры, здравоохранения⁷.

Если работник трудится полный рабочий день и при этом не может себе обеспечить минимум средств существования — это означает, что работник поставлен в условия, когда он, как рабочая сила, непременно начнет деградировать. Такой обесцененный труд неизбежно порождает социальную аномию и создает хроническое социальное напряжение. Для таких людей противоправное и экстремистское поведение может стать одним из способов выживания в неблагоприятной социальной среде.

На фоне общего роста доходов населения в 2000-е гг. доля «работающих бедных» значительно сократилась. Многие занятые в сфере образования, здравоохранения и культуры крупных городов перешли из разряда бедных в категорию так называемых средних слоев. И тем не менее вклад «работающих бедных» в криминогенную ситуацию российского общества остается весьма значительным. Согласно данным ВНИИ МВД России на 2016 г. практически половина всей уличной преступности (47,2%) приходится на лиц не имеющих постоянного источника дохода, либо получающих заработную плату, не позволяющую удовлетворять насущные потребности (35,7%)⁸.

Сегодня «работающие бедные» — это по большей части трудоспособные жители сельской местности и малых городов, для которых характерна временная или случайная занятость, постоянная угроза безработицы, семейная и жилищная неустроенность, низкий уровень жизни и широкий набор форм девиантного поведения.

Официально к «бедным» или «малоимущему населению» в современной России относят лиц, имеющих доход ниже «черты бедности», которая соответствует прожиточному минимуму. По данным на сентябрь 2017 года таких насчитывалось 20,3 млн. человек или 13,8% от общей численности населения⁹. К этим 13,8% *официально* бедных примыкают те группы населения, кто балансирует на грани бедности, — чей доход соответствует прожиточному минимуму или слегка его превышает, — так что *реальная* доля бедных оказывается в полтора-два раза выше официальной.

Бедность всегда в большей или меньшей степени располагает к противоправному поведению, а при определенных условиях и к протестным, экстремистским действиям. Именно это и произошло в 2013—2014 гг., когда кризисные явления в российской экономике совпали с кризисом на мировых рынках энергоносителей и кризисом во взаимоотношениях России с Западом в связи с украинскими событиями.

На протяжении всего первого десятилетия 2000-х гг. уровень жизни основной массы российских граждан постоянно повышался, а доля граждан с доходами ниже уровня прожиточного минимума неуклонно сокращалась. Однако с 2013 года ситуация изменилась: несмотря на продолжающийся рост номинальных среднедушевых денежных доходов, реальные располагаемые денежные доходы населения, включая реальный размер назначенных пенсий, начиная с 2013 г. начали снижаться. Одновременно стала возрастать доля лиц, с доходами ниже прожиточного минимума, которая по данным на сентябрь 2017 года увеличилась по сравнению с 2013 г. на 5 млн. чел.¹⁰ Все это не могло не отразиться на росте экстремистских настроений в обществе.

Показательно, что именно с 2013 г. темпы роста числа зарегистрированных преступлений экстремистской направленности также резко возросли. Данные ВНИИ МВД России, приведенные в аналитическом обзоре состояния преступности по итогам 2016 г., наглядно показывают, что темпы роста этого вида преступлений

возросли примерно в два раза в период 2012—2016 гг. по сравнению с предыдущим пятилетием 2008—2012 гг.¹¹.

Обращает на себя внимание и то, что в общем массиве зарегистрированных преступлений экстремистского характера лишь 4%¹² приходится на его организованные формы, а все остальное — на действия стихийного характера. Это обстоятельство прямо указывает в сторону приоритета внутренних, причем массовых, социальных факторов роста экстремистских настроений в российском обществе, и, прежде всего, усилившегося процесса маргинализации населения.

По результатам общероссийских исследований, проведенных ИСИ РАН в 2003 г. и 2013 г., и оценкам специалистов в России завершился свое формирование так называемый *андеркласс*, который живет на грани нищеты и составляет 14—15% экономически активного населения страны¹³. Сформировался класс людей, для которых годы реформ стали причиной не временного, а пожизненного ухудшения их социального положения. Представители этого класса отличаются от остального населения уже не только уровнем доходов, но и образом жизни, поведением. Для них характерны низкий уровень или отсутствие профессионального образования, длительная безработица, теньевая или временная занятость¹⁴, отсутствие полноценной семьи, отдельного жилья и традиционного набора коммунальных удобств. В их среде широко распространены пьянство, наркомания, конфликт с законом и своим социальным окружением, чувство страха за себя и своих близких, чувство несправедливости происходящего и озлобленность.

Упомянутые выше исследования показали, что формирование андеркласса уже прошло «точку невозврата» и его представители уже не могут самостоятельно изменить свое положение. Принадлежность к этому классу уже передается по наследству от поколения к поколению, а с нею весь сопутствующий набор девиантных, противоправных и экстремистских форм поведения. Зона формирования андеркласса — это прежде всего средние и малые города, а также села. Именно здесь, в небольших городах России с численностью населения от 50 до 250 тыс. человек, криминологи отмечают самую высокую вероятность стать жертвой самых разных криминальных посягательств¹⁵.

Показательно, что «...готовность принять участие в акциях протеста в малых городах с населением менее 50 тыс. человек оказалось в 2—3 раза больше (20%), чем в г. Москве (7%) и городах-миллионниках (9%)»¹⁶

Такова ситуация на сегодняшний день. Разумеется, говоря о причинах роста экстремизма в России нельзя сбрасывать со счетов и много-миллионные потоки трудовых мигрантов, и определенные просчеты в молодежной политике, и недружественные действия внешних сил, однако главный, наиболее глубинный источник экстремистских настроений, являющийся своеобразным катализатором всех прочих факторов, связан с бедностью и тем чувством социальной несправедливости, которое испытывает основная масса российского населения на протяжении всего пореформенного периода развития общества.

References

1. See. Complex analysis and tendencies of development of crime in the territory of the Russian Federation: Analytical review / A.L. Sitkovsky, M.M. Babaev, M. Yu. Voronin, N. And. Sazonova, O.V. Yakovlev, V.A. Shcherbakov, S.V. Malikov. (Library of criminology). M., FGKU, VNII MVD of Russia», 2014, P.10.

2. See. Complex analysis of the state of crime in the Russian Federation by the end of 2016 and the expected trends of its development. An analytical review. VNII MVD of the Russian Federation, P. 28, URL: https://vniimvd.pf/Izdatelskaja_dejatelnost/Nauchnie_trudi; The state of crime in Russia in January-December 2017. MVD of Russia, FKU «Main information-analytical center», Moscow, 2018, P. 3, 46.

3. See. Simonyan R.H. the Reforms of the 1990-ies and the modern social structure of Russian society \ of Sociological studies, 2012, No. 1; Levashov V.K. the crises and Reforms: thirty years later, \ Sociological studies, 2015, No. 10.

4. See. I.V. Dolgorukov, A. Kirilin, Yu.N. Mazaev, T.N. Yudina. Social anxiety and social fears of the Russian population: sociological dimension \ Sociological studies, 2017. No. 2.

5. See V.K. Levashov V.A. Afanasiev O.P. Novozenina I.C. Shushpanov. Express information «How to live Russia?» .M.: SCIENCE — ISPR, 2016. P. 36-37.

6. See. Complex analysis and tendencies of development of crime in the territory of the Russian Federation: Analytical review / A.L. Sitkovsky, M.M. Babaev, M. Yu. Voronin, N. And. Sazonova, O.V. Yakovlev, V.A. Shcherbakov, S.V. Malikov. (Library of

criminology). M., FGKU, VNII MVD of Russia», 2014, P. 38-39.

7. See. Where Russia is going. White paper reforms / Comp. Kara-Murza S., Batchikov S., Glazyev S.M., 2008.

8. See. Complex analysis of the state of crime in the Russian Federation by the end of 2016 and the expected trends of its development. An analytical review. VNII MVD of the Russian Federation, P. 37, URL: https://vniimvd.pf/Izdatelskaja_dejatelnost/Nauchnie_trudi;

9. See. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d03/252.htm

10. See. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d03/252.htm

11. See. Complex analysis of the state of crime in the Russian Federation by the end of 2016 and the expected trends of its development. An analytical review. VNII MVD of the Russian Federation, P. 28, URL: https://vniimvd.pf/Izdatelskaja_dejatelnost/Nauchnie_trudi;

12. See. *ibid.*, P. 29.

13. See. Tikhonova N. Ye. The lower class in the social structure of Russian society. Sociological studies, 2011. № 5; The phenomenon of poverty in modern Russia. Sociological studies, 2014, No. 1; Stratification Factors in modern Russia: dynamics of comparative importance. Sociological studies, 2014, No. 10.

14. It is significant that the proportion of persons with no permanent source of income in the total number of perpetrators of criminal acts in recent years is at the level of 65-66%. See. Complex analysis of the state of crime in the Russian Federation by the end of 2016 and the expected trends of its development. An analytical review. VNII MVD of the Russian Federation, P. 46-47, URL: https://vniimvd.pf/Izdatelskaja_dejatelnost/Nauchnie_trudi

15. See. Complex analysis and tendencies of development of crime in the territory of the Russian Federation: Analytical review / A.L. Sitkovsky, M.M. Babaev, M. Yu. Voronin, N. And. Sazonova, O.V. Yakovlev, V.A. Shcherbakov, S.V. Malikov. (Library of criminology). M., FGKU, VNII MVD of Russia», 2014, P. 22.

16. See. *ibid.*, P. 44.

¹ См. Комплексный анализ и тенденции развития преступности на территории Российской Федерации: Аналитический обзор / А.Л. Ситковский, М.М. Бабаев, М.Ю. Воронин, Н.И. Сазонова, О.В. Яковлев, В.А. Щербаков, С.В. Маликов. (Библиотека криминолога). М., ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2014. С. 10.

² См. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2016 года и ожидаемые тенденции ее развития. Аналитический обзор. ВНИИ МВД РФ, с. 28, URL: https://vniimvd.pf/Izdatelskaja_dejatelnost/Nauchnie_trudi; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017 года. Министерство внутренних дел Российской Федерации, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», М., 2018. С.3, 46.

³ См. Симонян Р.Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества \ Социоло-

гические исследования, 2012, № 1; Левашов В.К. Реформы и кризисы: тридцать лет спустя \ \ Социологические исследования, 2015. № 10.

⁴ См. И.В. Долгорукова, Т.Ю. Кирилина, Ю.Н. Мазаев, Т.Н. Юдина. Социальная тревожность и социальные опасения населения России: социологическое измерение \ \ Социологические исследования, 2017. № 2.

⁵ См. В.К. Левашов, В.А. Афанасьев, О.П. Новоженкина, И.С. Шушпанов. Экспресс-информация «Как живешь Россия?». М.: ФГБУН — ИСПИ РАН, 2016. С. 36-37.

⁶ См. Комплексный анализ и тенденции развития преступности на территории Российской Федерации: Аналитический обзор / А.Л. Ситковский, М.М. Бабаев, М.Ю. Воронин, Н.И. Сазонова, О.В. Яковлев, В.А. Щербаков, С.В. Маликов. (Библиотека криминолога) — М., ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2014. С. 38-39.

⁷ См. Куда идет Россия. Белая книга реформ / Сост. Карамурза С., Батчиков С., Глазьев С.М., 2008.

⁸ См. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2016 года и ожидаемые тенденции ее развития. Аналитический обзор. ВНИИ МВД РФ, с. 37, URL: https://внии.мвд.рф/Izdatelskaja_dejatelnost/Nauchnie_trudi

⁹ См. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d03/252.htm

¹⁰ См. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d03/252.htm

¹¹ См. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2016 года и ожидаемые тенденции ее развития. Аналитический обзор. ВНИИ МВД РФ, с. 28, URL: https://внии.мвд.рф/Izdatelskaja_dejatelnost/Nauchnie_trudi

¹² См. там же. С. 29.

¹³ См. Тихонова Н.Е. Низший класс в социальной структуре российского общества. Социологические исследования, 2011. № 5; ее же, Феномен бедности в современной России. Социологические исследования, 2014, № 1; ее же Факторы стратификации в современной России: динамика сравнительной значимости. Социологические исследования, 2014. № 10.

¹⁴ Показательно, что доля лиц не имеющих постоянного источника дохода в общем массиве совершивших преступные деяния на протяжении последних лет держится на уровне 65-66%, см. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2016 года и ожидаемые тенденции ее развития. Аналитический обзор. ВНИИ МВД РФ. С. 46-47, URL: https://внии.мвд.рф/Izdatelskaja_dejatelnost/Nauchnie_trudi

¹⁵ См. Комплексный анализ и тенденции развития преступности на территории Российской Федерации: Аналитический обзор / А.Л. Ситковский, М.М. Бабаев, М.Ю. Воронин, Н.И. Сазонова, О.В. Яковлев, В.А. Щербаков, С.В. Маликов. (Библиотека криминолога). М., ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2014. С.22.

¹⁶ Там же. С. 44.

**KARL MARX'S SCIENTIFIC RESEARCH:
THE PROBLEMS OF RATIONALITY**

**НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАРЛА МАРКСА:
ПРОБЛЕМЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ**

Sergei Fedorovich Martynovich,

doctor of philosophy, professor of the Saratov National
Research University named after N.G. Chernyshevsky
E-mail: ssmart@mail.ru

Mikhail Olegovich Orlov,

Ph.D. in Philosophy, assistant professor at the Saratov National
Research University named after N.G. Chernyshevsky
E-mail: orok-saratov@mail.ru

Сергей Федорович Мартынович,

доктор философских наук, профессор
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
E-mail: ssmart@mail.ru

Михаил Олегович Орлов,

доктор философских наук, доцент
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
E-mail: orok-saratov@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the analysis of the problems of rationality in the philosophy of Karl Marx. The analyzed list of problems of scientific rationality includes problems of logic, methodology and axiology of socio-economic research. The study of the dialectical method of idealistic philosophy and anthropological thinking precedes the historical novelty of the dialectical-materialist methodology of Marxism. This contributed to the creation of a holistic concept of the essence of man, the socio-historical process. The authors of the article solve the problem of interpreting the status of scientific research of Karl Marx. It is established which aspects of scientific creativity were basic for the philosopher. The constructiveness of the methodological requirement of comprehension of history, which must always be considered in interrelation with economic relations, is studied.

Key words: philosophy of science, theory of knowledge, history of philosophy, Marx's dialectics, materialistic understanding of history, social activity, social relations, scientific rationality

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблем рациональности в философии Карла Маркса. К анализируемому перечню проблем научной рациональности отнесены проблемы логики, методологии и аксиологии социально-экономических исследований. Исследование диалектического метода идеалистической философии и антропологического мышления предшествуют исторической новизне диалектико-материалистической методологии марксизма. Это способствовало созданию целостной концепции сущности человека, общественно-исторического процесса. Авторами статьи решается задача интерпретации статуса научности исследований Карла Маркса. Устанавливается, какие аспекты научного творчества явились для философа базовыми. Исследуется конструктивность методологического требования постижения истории, которую всегда необходимо рассматривать во взаимосвязи с экономическими отношениями.

Ключевые слова: философия науки, теория познания, история философии, диалектика Маркса, материалистическое понимание истории, социальная деятельность, общественные отношения, научная рациональность

Фундаментальные работы Карла Маркса оказали своими результатами значительное воздействие на общественную жизнь и культурную ситуацию XX века. Представленное исследование имеет своей целью анализ научных изысканий К. Маркса в контексте концептуальных возможностей исторически развивающейся традиции философии науки. Оппоненты наследия Маркса обращают свое внимание, как правило, на его философские и антропологические, социальные и социологические, экономические и политические идеи, или оппонировав им, лишая их научного статуса, сводя их к «пророчеству», или защищая и обосновывая их конструктивное значение для человека, культуры и цивилизации. Принимая во внимание содержание научных исследований Маркса, а также наличие как в XIX веке, так и в современной жизни соци-

альных классов (больших групп людей, существенно различающихся по их месту в способе производства жизни, по отношению собственности на средства производства жизни, а также по другим жизненно значимым признакам), такие оценки и отношения вполне естественны.

Систематизаторы аналитических исследований научного творчества Маркса отмечают три основания для отличия экономических исследований Маркса от работ других классиков экономической мысли. Во-первых, его работы оказали самое большое по сравнению с другими экономистами теоретическое и политической влияние. Во-вторых, фундаментальное значение имел подход Маркса, согласно которому организация производства есть ключ к анатомии гражданского общества. Споры о его онтологии и эпистемологии, методологии и аргументации

способствовали универсальной применимости его идей. В-третьих, коллапс социалистических государств, возникших под влиянием марксизма, не столько нанес удар по марксизму, сколько открыл «новое пространство борьбы за его интерпретацию, присвоение и применение» [32, XVII—XVIII].

При этом актуальной остается задача понять статус научности исследований Маркса. Важно знать, какие регулятивы его научного творчества были определяющими — истина или интерес. Или они были гармонично взаимосвязаны в его исследованиях? Философский анализ научного познания показал, что ученые, приступая к изучению нового предметного мира, решая новые познавательные задачи, вынуждены предположительно отвечать на два главных мировоззренческих вопроса научного поиска — что познается как нечто новое и как «это новое» следует познавать.

Если метафизику понимать как совокупность всеобщих определений мышления, то приходится признать, что человек, размышляя, необходимо следует метафизике. Г. Башляр уточняет: «... более справедливо иное: всякий человек, стремящийся к культуре научного мышления, опирается не на одну, а на две метафизики, причем обе они естественны, в равной степени убедительны, глубоко укоренены и по-своему последовательны, хотя одновременно и противоречат друг другу» [1, 28]. Эти две метафизики в предварительном смысле отвечают как на вопрос о специфике реальности, познаваемой наукой, так и на вопрос о специфике рациональности ее познания. Проблемы реальности предметного мира науки и проблемы рациональности научного исследования этого мира являются базисными темами философского осмысления научного познания, специфики научного исследования той или иной эпохи. Эти проблемы преодолеваются и обусловленные ими задачи решаются учеными, научными сообществами либо предварительно, либо в ходе исследования. Необходимость преодоления этих проблем посредством решения соответствующих задач не могла обойти стороной и творчество Маркса. Как ученый европейской цивилизации XIX века, Маркс формировал свои новаторские ответы как на вопросы о природе человека, о специфике социальной реальности, познаваемой им посредством истории, социологии и экономической науки, так и на вопросы о специфике рациональности ее познания. Осмысляя возможные ответы на эти вопросы, Маркс действовал в контексте традиции европейской философии и европейской науки.

Научные концепции Маркса признаны как актуальные в истории философии, исторической науки, экономической науки, социологии и политологии. В антологии по социологии включается ряд текстов Маркса. Это относится, например, к концепции классовой борьбы Маркса [36, 529—535]. Справедливо отмечается, что в «классических Марксовых текстах» «предложен анализ классовой силы или классового доминирования» [26, 261]. Ф. Гидденс тщательно исследует соотношение идей Маркса и Гегеля в понимании природы труда, отношения Э. Дюркгейма, Ю. Хабермаса, Г. Маркузе, М. Вебера к социологическим концепциям Маркса [26, 13, 57, 85, 247, 217, 222, 261]. Социолог Б. Кеннон исследует нормативное содержание критической теории, анализируя в основном идеи Маркса. Особое внимание уделено критике Марксом идеализма Гегеля, капитализма и политической экономии, критике морали и практики эксплуатации [22, 22, 27—47, 67—87]. Кеннон критикует трудовую теорию стоимости Маркса, положение о том, что капитал есть отчужденное выражение труда. Аргументация строится посредством обоснования ее неуниверсальности. Утверждается, например, что в труде «Капитал» Маркс колеблется между трансгисторическим и историческим исследованием труда, не делая решающего выбора [Cannon, 3]. Б.С. Тернер, исследуя концепции классической социологии, отмечает, что Маркс, Ницше и Вебер поразному осмысливали проблему существования человека в промышленном обществе, где разрушался традиционный мир церковных институтов и моральных ценностей, мир политики и сельскохозяйственной экономики. Что касается Маркса, то он создал теорию отчуждения людей от самих себя и от общества, которая анализируется Тернером в аспектах функционирования денег, рационализации общественных отношений [42, X, 59, 81, 156, 158].

Дж. МакМертри отмечает, что высказываются радикально различные оценки позиций Маркса по разнообразным вопросам философии и социальной мысли. В сфере онтологии обсуждается вопрос о том, является ли Маркс в действительности философским материалистом, и если да, то в чем специфика его материализма. В области эпистемологии выясняется, корректно ли характеризовать его позицию как наивный реализм или прагматизм. Осмысляется, какова, по Марксу, природа и место этики в философской и социальной мысли. В методологии оказалось проблемой выяснение того, является ли методология Маркса нормативной. Проблемный

статус приобрело понимание своеобразия диалектики Маркса, является ли она метафизической или эвристической. Относительно политической теории Маркса важно понять, есть ли основания соотносить ее принципы с анархистской, демократической или тоталитарной теориями политики [34, 5].

Принимая во внимание наличие в современной науке и философии острых дискуссий о творчестве Маркса, проясним специфику рациональности его научных исследований. Понятие рациональности научного исследования включает в свое содержание такие виды его регулирования, как логичность и методологичность, аксиологичность и телеономичность. Требования логических законов тождества и противоречия (закона исключения логических противоречий) неукоснительно выполняются в текстах Маркса. Исключения логических противоречий, возникающих между дедуктивными сингулярными следствиями экономической теории и эмпирическими фактами накопления капитала и обмена товарами, заботили автора «Капитала» в течение всего времени его творчества.

Осмысляя специфику научной рациональности физики своего времени (рубеж XIX–XX веков), А. Пуанкаре, например, отмечал, что для поверхностного наблюдателя научная истина несомненна. Источником ошибок полагалось нарушение логических правил. Представлялось, что научные истины выводятся из очевидных предложений посредством непогрешимых рассуждений, позволяя делать выбор между возможными решениями с помощью опыта. Так понимали роль опыта и математики в происхождении научной достоверности не только учащиеся рубежа XIX–XX веков, но сто лет тому назад и многие ученые. В действительности, и математик, и экспериментатор не могут обойтись без гипотезы. Осмысление роли гипотезы в научном исследовании привело французского ученого к выводу: «... она не только необходима, но чаще всего и законна» [17, 7]. Это методологическое наблюдение Пуанкаре показывает, что нормы логики не составляют всего содержания рациональности научного исследования.

Нормы методологии науки — другая существенная система организации научного исследования, его рациональности. Например, рациональность геометрии Евклида не сводится к реализации требований законов логики. Новизна теории состояла в том, что был изобретен аксиоматический метод организации геометрических знаний. Нормы этого метода не сводятся к законам логики, его содержание составляют

методологические требования изобретения языка, необходимого и достаточного для формулировки системы аксиом, требования автономности каждой аксиомы в системе, полноты системы аксиом. Методологичность научных исследований Маркса целесообразно осмыслить в процессе развития методологии. Ее формирование исторически связано с критическим освоением философских идей. Методология научных исследований Маркса вырабатывалась в ходе критики идеалистической диалектики Г. Гегеля и антропологического мышления Л. Фейербаха.

Логическая идея всеобщей сущности вещей постулируется Гегелем как единственная субстанция-субъект самопознания. Системность, историзм, идея развития и идея конкретного, понятия в-себе-бытия и для-себя-бытия последовательно применяются для построения системы спекулятивного знания. Различие, утверждение, отрицание, отрицание отрицания — принципы диалектического метода мыслительного восхождения от чистого бытия к абсолютному знанию. Различие выявляется при рассмотрении предмета во времени. Пространственные отношения сосуществования исключаются из рассмотрения. Возникающее в результате развития определенное целостное явление есть то особенное, которое понимается как синтез двух предшествовавших во времени ступеней развития. Время избрано как форма осмысления явлений, которые самостоятельны только как нечто преходящее. По отношению к абсолюту они есть только его моменты.

В спекулятивной философии Гегеля все специфически доказывается. Оправдание утверждения можно понять как опровержение его противоположности. Диалектическое мышление предполагает опровержение своих утверждений. Диалектическое оправдание концепции предполагает опровержение ее противоположности. Для «Логики» Гегеля абсолют положен как нечто истинное. Абсолютная логическая идея всеобщей сущности вещей формально доказывается, но имплицитно полагается как абсолютная достоверность. Бытие как логическое есть непосредственность идеи. Философия, по Гегелю, «хочет познать неизменное, вечное, сущее само по себе; ее цель — истина» [3, 74]. Философия осмысляется как объективная наука об истине, наука необходимости истины. Но отношение философа к пониманию истины своеобразное. Убеждение, что «в знании заключается истина» оценивается им как «издавна укоренившийся предрассудок» [3, 81]. Истина познается лишь в процессе размышления, только

посредством работы мысли. Цель философии — постигать истину в мысли, посредством понятий. Философ убежден, что «в движении мыслящего духа есть существенная связь, и в нем все совершается разумно» [3, 81]. Демаркационная функция понятия ноумена, как ее понимал И. Кант, этим сведением познания к мышлению устраняется. Исходный пункт и конечная цель так понятой философии есть убеждение, что единая истина есть источник, только из которого истекает все другое (законы и явления природы, жизни, сознания), являющееся отражением этого источника. Философия должна свести это все другое к единому источнику, чтобы понять, как это все другое выводится из него. Следовательно, эта единая истина есть мысль, определенная в себе. Понятия развития и понятия конкретного необходимы для понимания данной концепции.

Осмысляя философию как познание развития конкретного, Гегель концептуально воспроизводит восхождение духа от состояния единичного, конечного сознания к состоянию внутри себя всеобщего конкретного духа. Поступательное развитие духа происходит становлением для себя предметом, воплощается в богатстве своих форм во всемирной истории. «В этом процессе развития случается поэтому, что одна форма, одна ступень идеи осознается одним народом, так что данный народ и в данное время выражает лишь данную форму, в пределах которой этот народ строит свой мир и совершенствует свое состояние; более же высокая ступень появляется, напротив того, спустя много веков у другого народа» [3, 95]. Мысль, определенная в себе, представляется единым источником, из которого выводятся все законы и явления. Целью философии как познания развития конкретного определяется сведение всех законов и явлений к этому единому источнику, чтобы осмыслить их из него. Понятие развития оказывается важнейшим: когда оно «сделается для нас ясным, то все остальное будет вытекать само собою» [3, 85].

Развивая философию абсолютной субъективности, Гегель соотносит термины: мысль — понятие — идея, располагая их в поступательном процессе конкретизации. Мысль есть формальный продукт мышления. Понятие — определенная мысль. Идея понимается как мысль в ее целостности, в ее в себе и для себя определенности. Идея (логическая идея всеобщей сущности вещей) и есть истина. Идея посредством развития постигает себя, становится тем, что она есть в себе.

Развиваясь, постигая себя, Идея становится тем, что она есть. В-себе-бытие (потенция, возможность, способность) и для-себя-бытие (действительность) — состояния изменения саморазвивающегося процесса. Онтогенез разумности человека означает этими состояниями. Разумность младенца, например, есть в-себе-бытие разума. Разумность человека определенной практической деятельности есть для-себя-бытие разума. Поскольку в-себе-бытие разума становится предметным, человек становится для себя самого.

Посредством различения в-себе-бытия и для-себя-бытия философ реконструирует различия ступеней развития всемирной истории. Из определения, что формальная разумность человека состоит в том, чтобы быть свободным, следует, что различия в сознании и бытии народов в истории состоят в различии сознания свободы. Одни знают, что они свободны — свободны для себя. Другие свободны только в себе, не сознают своей свободы и поэтому не существуют как свободные. Научное познание развивающегося процесса осмысляется как изменение состояния в-себе-бытия в процессе перехода к состоянию для-себя-бытия. В этом суть становления для себя предметом. В растительном мире семя и плод, в животной жизни родители и дети являются особыми индивидуумами, которые по содержанию есть одно и то же.

Дух как сознание свободен, в нем начало и конец совпадают. Сущность духа состоит в том, что его бытие есть его деяние, которое состоит в познании себя. Дух, делая себя иным, возвращается в единство. То, что существует в себе, становится для духа. Так он становится для самого себя. Бытие друг для друга определяет для-себя-бытие. Развитие духа состоит в том, что «его выход из себя и самораскрытие есть вместе с тем его возврат к себе» [3, 88]. Нахождение у себя, возврат к себе определяется как высшая цель духа. Становление духа для себя предметом приводит к его удвоению, отчуждению, возвращению к самому себе, к обретению свободы в мышлении, где дух абсолютно свободен.

В-себе-бытие и для-себя-бытие есть моменты единой деятельности. Это единство различного осмысляется как конкретное, как единство различных определений. В процессе становления для себя предметом одно отличается от другого, но оба есть одно как нечто третье, поскольку одно есть в другом, оставаясь у себя. Идея (как «истинное») есть такое всеобщее,

которое в себе есть особенное. «Сочетая понятие конкретного с понятием развития, мы получаем движение конкретного» [3, 89]. Существующее в себе конкретно в себе, заключено в первоначальном едином, содержащем различия в себе. Это осмысливается как внутреннее противоречие, как движущая сила развития, производящая различия, которые упраздняются, чтобы быть в едином.

В новой форме различается то, что было единым. Так конкретное становится для себя, полагается жизнь природы, идеи, духа внутри себя. В процессе движения различия есть нечто исчезающее, производящее конкретное единство. Различия не исключают друг друга, а образуют конкретное. Материя, например, дискретна и непрерывна. Дух в своей необходимости обретает свободу. Свобода без необходимости абстрактна, противоположна себе. Результат развития одной ступени есть начало другой ступени. Оформленное состояние есть содержание для новой формы.

Понятие, в котором дух осознал себя, есть достигнутое оформленное бытие духа. Оно на новой ступени снова становится предметом духа, принимает новую форму, новое определение мысли. Так деятельность мысли по-новому формирует то, что было сформировано, делает его определеннее, развитее. Этот ряд процессов развития Гегель представляет как «возвращающийся в себя круг, который имеет своей периферией значительное количество кругов, совокупность которых составляет большой, возвращающийся в себя ряд процессов развития» [3, 91]. Логическая идея всеобщей сущности вещей осмыслена философом как конкретная в себе, развивающаяся органическая система, целостность. Она содержит в себе множество ступеней и моментов. Философия, развивающееся мышление посредством понятий познает это развитие идеи в своей истории. Логическая идея понимается как центр, который является периферией. Она имманентна внутри себя, есть система необходимости и свободы. Возникновение ступеней в развитии философской мысли происходит либо с сознанием необходимости определения новой формы на основе предшествующей, либо без такого сознания.

Философ исходит из того, что «последовательность систем философии в истории та же самая, что и последовательность в выведении логических определений идеи» [3, 91]. Системы философии в чистом виде есть различные ступени определения идеи в ее логическом понятии. Нужно уметь распознать чистые понятия

в содержании исторической формы. Я существую как дух, поскольку я знаю себя, поскольку я есть для себя предмет. Я отличаю себя от самого себя. Дух движется опосредованиями. но-образом понимается как развивающееся, как преходящий момент. Конкретная идея философии есть раскрытие различий, содержащихся скрыто в ней. Она должна содержать в себе целостность идеи, в своей полноте становится системой философии. История философии как наука есть система развития идеи, внутренне необходимое разумное поступательное движение. Она определена своей идеей *a priori*. Диалектика форм есть источник ее движения.

Содержанием философии служит невыводимая, первоначальная мысль: «абсолютное в философии должно существовать как мысль» [3, 139]. Философия есть единство формального субъективного момента мышления и объективного момента мышления. Она определяется как мысль, определяющая все сущее. Философия начинается там, где сущее постигается как всеобщее, где осуществляется мышление мышления, где свободное мышление мыслит идею абсолютного, где мысль мыслит бытие как всеобщую имманентную сущность всего. Например, в положениях о первоначале вещей (вода, апейрон, воздух, огонь, мысль) дано начало философии. Для формирования такой стратегии мышления требуется сознание свободы, которое является принципом существования народа.

Мысль определяет единичное как всеобщее, которое определяется как предметность философии. В греческой философии не осознана противоположность мышления и бытия, напротив, принята предпосылка, согласно которой мышление есть бытие. Фейербах характеризует метод Гегеля как внеисторический, превращающий историю в непрерывный интеллектуальный акт, который на самом деле прерывается практическими интересами. Это приводит к внеисторическим интерпретациям философских учений. Этот метод не принимает во внимание исторический дух времени. Диалектика Гегеля не имеет связи с объективностью телесной природы, с естественным возникновением и развитием. Она замкнута в субъективность и видит в ней абсолютную истину, конечную цель философии. В философии Гегеля Я не противоположно вещи в себе, но полагает в ней само себя.

Концепция саморазвивающегося процесса мышления, развитая Гегелем, была радикально переосмыслена Марксом и в контексте идеи социальной материи была применена к познанию всемирной истории, общества, а также капита-

листического производства. Для исследований Марксом человека и общества характерны историзм, идея развития. В качестве осмысляемых и критикуемых им предпосылок своего творчества оказывается не механицизм Декарта, не дуализм Канта, а диалектический взгляд на мир Г. Гегеля, для которого «...человек есть дух» [3, 65], конечный дух. Бытие духа есть его деяние, которое состоит в познании себя, в определении себя своим собственным предметом. Фейербах, отличая форму от сущности концепции автора «Науки логики», отбросил форму, сохранил сущность. Будучи изначально сторонником спекулятивной философии, он исходил из гегелевской философии, потому что она оценивалась как последнее всеохватывающее ее выражение [19, 375]. «Философия Гегеля есть наиболее завершенная система из всех ранее существовавших» [20, 29]. Язык осмыслен Фейербахом как опосредствование Я и Ты, реализующее сущность рода. Мысль отчуждается в слове. Систематическая философия формирует стандарты (разумности, истинности, оправданности), по которым требуется мыслить. Поэтому она скорее смиряет разум, а не стимулирует мышление.

По Фейербаху «Вопрос о бытии есть как раз вопрос практический, вопрос, в котором заинтересовано наше бытие, вопрос жизни и смерти. И если мы в области права держимся за наше бытие, то мы не поступимся им и в логике» [20, 121]. Задача философии, науки не в том, чтобы преобразовывать вещи в мысли, а в том, «чтобы невидимое для простого глаза сделать видимым, т.е. предметным» [20, 134]. Человек (и природа как его базис) есть «единственный, универсальный и высший предмет философии» [20, 142]. Отдельный человек не содержит в себе человеческой сущности — ни моральной, ни мыслящей. «Человеческая сущность налицо только в общности, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между Я и Ты» [20, 143]. «Действительное мышление есть мышление в пространстве и времени» [20, 136]. Субъектом философии является человеческое существо. Субъектом единства бытия и мышления является человек. Категорический метафилософский императив Фейербаха — «не стремись быть философом вразрез с человеком, будь только мыслящим человеком» [20, 140].

«Истинная диалектика не есть монолог одинокого мыслителя с самим собой, это диалог между Я и Ты» [20, 144]. Исследуя отношение разума к человеку, общего к частному, мышления

к индивиду, души к телу, Фейербах осмысляет разум как «связь человека с человеком, тождество Я и Ты» [19, 377]. Мышлению, ощущению, жизни свойственна непрерывность. Для человека нет как ощущения без мышления, сознания, так и нет сознания без ощущения. Сознание понимается как осознанное ощущение. В концепции Гегеля абстрактная единичность совпадает с логической всеобщностью, но не с единичностью, определенной достоверностью чувств. Для Фейербаха мышление есть деятельность единичного чувствующего существа. «Как я сам по существу нахожусь здесь и сейчас, так и мышление есть деятельность, данная здесь и теперь, деятельность в пространстве и во времени» [19, 379]. Где человека нет с его чувствами, там его нет и с его мыслями. Пространство ограничивает мое тело и мой дух. Мысль понимается как временной по природе акт, имеющий временную определенность. Люди одинаково мыслят, поскольку они одинаково чувствуют, поэтому и понимают друг друга. Человек есть единство «органическое, материальное» [19, 386].

Критикуя определение природы Гегелем как инобытия идеи, Фейербах характеризует навязывание природе понятие пустой внеположности в качестве ее основного определения как произвольную абстракцию. Своей критикой концепции Гегеля Фейербах отвергает сведение познания к мышлению, акцентирует неустранимую роль чувственности в процессе познания мира человеком. Фейербах, размышляя о человеке, не имеет в виду действительного, исторического человека, не замечает, что чувственный мир, окружающий человека, есть исторический продукт промышленности и общественных отношений. Человек всегда имеет перед собой «историческую природу и природную историю» [9, 43].

Если в философии Гегеля логическая саморазвивающаяся идея всеобщей сущности вещей осмыслена как единственная субстанция-субъект изменений, то в исследованиях Маркса роль единственной саморазвивающейся субстанции-субъекта изменений играет исторический саморазвивающийся процесс производства и воспроизводства жизни человека и общества. Материалистический монизм, саморазвитие, органическая целостность — вот принципы, позволяющие Марксу давать систематизированные ответы как на вопросы о природе реальности, познаваемой историей, социологией, экономической наукой, так и на вопросы о природе методов ее познания.

Маркс «...всегда стремился проводить научную точку зрения... всегда стремился апеллировать к фактам и никогда не полагался на

какую-либо венаучную интуицию» [18, 912]. Как ученый европейской цивилизации XIX века, Маркс осмыслил необходимость соотношения научного творчества и философского мышления для предварительного прояснения вопросов о специфике познаваемой реальности и способа ее познания. Выработывая формулировку ответа на вопрос о специфике реальности, познаваемой социальными науками, Маркс переосмысливает установки и методологию философии. Предшествующий материализм осмыслил действительность только в форме созерцания, а не как человеческую практику, являющуюся единством объективных и субъективных процессов. Фейербах в его «Сущности христианства» понимает человеческую деятельность только как деятельность теоретическую. Он не осмыслил практику как своего рода субстанцию всех социальных изменений. Промышленное производство, торговля, обмен средств жизни определяют функционирование общественных классов. Естественные получают цели и материал исследования под влиянием промышленного производства, торговли и обмена. Производство является основой всего чувственного мира человека.

Для Фейербаха человек есть чувственный предмет, а не чувственная деятельность. Он не осмысливает людей в их исторических общественных отношениях и в окружающих их исторических условиях жизни, которые делают людей тем, чем они на самом деле являются. Люди, действующие в реальных исторических отношениях, в реальных исторических условиях их жизни, не оказываются предметом исследования Фейербаха. Он осмысливает человека как индивидуального и телесного человека, относящегося к другому человеку посредством идеализированных отношений любви и дружбы. Реальные жизненные отношения исключаются из сферы его критики. В результате он вынужден, увидев «вместо здоровых людей толпу золотушных, надорванных работой и чахоточных бедняков, прибегать к «высшему созерцанию» и к идеальному «выравниванию в роде», т.е. снова впадать в идеализм как раз там, где коммунистический материалист видит необходимость и вместе с тем условие преобразования как промышленности, так и общественного строя» [9, 44].

Фейербах, объясняя виды общественного сознания, исходит из антропологического дискурса относительно сущности человека, апеллируя к чувственному созерцанию. «Но человек — не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек — это мир человека, государство, общество» [7, 414]. Тезисы Маркса о Фейербахе

характеризуют интеллектуальный процесс формирования ответов автора «Капитала» на вопросы, способствующие осмыслению тем реальности и рациональности научного исследования. Маркс подчеркивает, что «... сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [8, 3].

Фейербах, не исследуя социальной сущности человека, абстрагировался от реального исторического процесса, свел сущность человека к его родовой сущности, соединяющей индивидов только как индивидов природы, которые в действительности включены в системы общественных связей, принадлежат к определенной исторически возникшей форме общественных отношений. Маркс преобразовал традицию материализма посредством применения идеи саморазвития к пониманию природы, общества, человека, мировой истории. Материалистическое понимание практики как процесса производства и воспроизводства жизни человека и общества явилось основой материалистического понимания истории. Отвергая иррационализм как мировоззрение, он искал возможности понимания природы, общества, человека, мировой истории на рациональных основаниях, средствами научного рационально-эмпирического исследования. Идея прогрессивности развития была осмыслена им как конструктивный принцип мировоззрения.

Предметная истинность мышления с необходимостью соотнесена с практикой человека, которая и выражает его действительность. Практика как исторический процесс производства и воспроизводства жизни человека и общества осмыслена как единственная социальная субстанция-субъект всех социальных изменений. В этом состоит ее революционная природа, определяющая процесс саморазвития человека и общества. Наличное состояние практики («обстоятельства») изменяется посредством активной деятельности людей.

Материалистическое понимание практики осмыслено универсально. Оно является принципом объяснения изменений всего множества общественных отношений, всех изменений сознания людей. Противоречивость практики как процесса производства и воспроизводства жизни человека и общества определяет противоречивость общественных отношений, состояния и смену состояний сознания общества, его различных видов. Маркс посредством исторических, социологических и экономических исследований осмысливает деятельный процесс жизни, поэтому он не является сторонником того эмпиризма,

в контексте которого история представляется собранием мертвых фактов. Он ясно понимает, что действительная положительная наука начинается там, где прекращается спекулятивное мышление. Ни догматический эмпиризм, ни спекулятивное мышление не являются методологическими выборами автор «Капитала».

Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых — докторов наук (МД-190.2017.6) по теме «Национальная система экспертных сообществ и процесс социализации научной молодежи в условиях обострения цивилизационного противостояния»

Список литературы

1. Башиляр Г. Новый рационализм. М.: Прогресс, 1987. 376 с.
2. Вин Ф. Карл Маркс: Капитал. М.: АСТ, 2009. 182 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб.: Наука, 1993. 349 с.
4. Декарт Р. Страсти души // Декарт Р. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 481-572.
5. Кант И. Метафизические начала естествознания // Кант И. Сочинения. В 8-ми томах. Т. 4. М., 1994. С. 247-372.
6. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Сочинения. В 8-ми томах. Т. 4. М., 1994. С. 153-246.
7. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. М., 1955. Т. 1. С. 414-429.
8. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. М., 1955. Т. 3. С. 1—4.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. М., 1955. Т. 3. С. 7—544.
10. Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. М., 1955. Т. 4. С. 65—185.
11. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. М., 1959. Т. 13. С. 1—167.
12. Маркс К. Анкета для рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. М., 1961. Т. 19. С. 233—240.
13. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. М., 1957. Т. 8. С. 115—217.
14. Маркс К., Энгельс Ф. в Манчестер 11 января 1858 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. М., 1962. Т. 29. С. 210.
15. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. М., 1960. Т. 23. 907 с.
16. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М.: NOTA BENE, 2001. 264 с.
17. Пуанкаре А. Наука и гипотеза // Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1983. С. 7—152.
18. Рассел Б. История западной философии. Новосибирск, 2007. 991 с.
19. Фейербах Л. История философии. Собр. соч. трех томах. Т. 3. М.: Мысль, 1974. 486 с.
20. Фейербах-2 Л. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1995. 502 с.
21. Allen K. Marx and the alternative to capitalism. New York, 2011. 233 p.
22. Cannon B. Rethinking the normative content of critical theory: Marx, Habermas and beyond. New York, 2001. 211 p.
23. Cat J. Otto Neurath // Sarkar S., Pfeifer J. (eds.) Philosophy of science. An Encyclopedia. New York, 2006. 965 p. p. 510—514.
24. Cohen G.A. Karl Marx's Theory of History. A Defence. New Jersey, 2000. 442 p.
25. Dillon M. Introduction to sociological theory: theorists, concepts, and their applicability to the twenty-first century. Oxford, 2014. — 565 p.
26. Giddens A. Politics, sociology and social theory. Encounters with classical and contemporary social thought. Stanford, 1995. 304 p.
27. Gordon Scott. The history and philosophy of social science. London and New York. 2003. 690 p.
28. Harvey D. The Enigma of Capital and the crises of capitalism. Oxford, 2010 296 p.
29. Haskel J., Westlake S. Capitalism without Capital. The Rise of the Intangible economy. Princeton, Oxford. 2018. 278 p.
30. Hollander S. The economics of Karl Marx. Analysis and application. New York, 2008. 532 p.
31. Hunt E.K., Lautzenheiser M. History of Economic Thought. A critical perspective. New York, 2011. 577 p.
32. Jessop B., Wheatley R. (eds.) Karl Marx's Social and Political Thought: Critical Assessment. Vol. V. Marx's Life and Theoretical Development. London and New York, 1999. 695 p.
33. Marcel van der Linden. Western Marxism and the Soviet Union. Leiden, Boston, 2007. 380 p.
34. McMurtry J. The Structure of Marx's World-View. New Jersey, 1978. 284 p.
35. Mills C.W. The Sociological Imagination. New York, 2000. 248 p.
36. Parsons T., etc. (eds.) Theory of society: Foundations of modern sociological theory. Vol. I. New York, 1961. 682 p.
37. Sheehan H. Marxism and the philosophy of science: a critical history: the first hundred years. New Jersey, 1993. 438 p.
38. Spenser J. Pack. Aristotle, Adam Smith and Karl Marx. On some fundamental issues in 21 st century political economy. Northampton, 2010. 260 p.
39. Smith T. Dialectical social theory and its critics: from Hegel to analytical Marxism and postmodernism. New York, 1993. 173 p.
40. Russell B. A History of Western Philosophy. London, 1961. 963 p.

41. Thornton S.P. Karl Raimund Popper // Sarkar S., Pfeifer J. (eds.) *Philosophy of science. An Encyclopedia*. New York, 2006. 965 p. P. 571-578.

42. Turner B.S. *Classical sociology*. London, 1999. 291 p.

43. Turner B.S. (Gen. ed.) *The Cambridge dictionary of sociology*. Cambridge, 2006. 688 p.

44. Wheen F. Karl Marx. London, 1999. 441 p.

Referenses

1. Allen K. *Marx and the alternative to capitalism*. New York, 2011. 233 p.

2. Bachelard G. *Le Nouvel esprit scientifique*, Paris, 2013. 183 p.

3. Cannon B. *Rethinking the normative content of critical theory: Marx, Habermas and beyond*. New York, 2001. 211 p.

4. Cat J. Otto Neurath // Sarkar S., Pfeifer J. (eds.) *Philosophy of science. An Encyclopedia*. New York, 2006. 965 p. p. 510-514.

5. Cohen G.A. *Karl Marx's Theory of History. A Defence*. New Jersey, 2000. 442 p.

6. Descartes R. *Les Passions de L'ame* // Oeuvres de Descartes R. Tome quatrieme. Paris, 1826. 532 p.

7. Dillon M. *Introduction to sociological theory: theorists, concepts, and their applicability to the twenty-first century*. Oxford, 2014. 565 p.

8. Feuerbach L. *Gesammelte Werke. Band 2. Geschichte der neuern Philosophie von Bacon von Verluam bis Benedict Spinoza*. 1984: AKADEMIE VERLAG, Volume VII. 523 p.

9. Feuerbach L. *Gesammelte Werke. Band 3. Geschichte der neuern Philosophie. Darstellung, Entwicklung und Kritik der Leibnizschen Philosophie*. 1984: AKADEMIE VERLAG. Volume VIII. 356 p.

10. Giddens A. *Politics, sociology and social theory. Encounters with classical and contemporary social thought*. Stanford, 1995. 304 p.

11. Gordon Scott. *The history and philosophy of social science*. London and New York. 2003. 690 p.

12. Harvey D. *The Enigma of Capital and the crises of capitalism*. Oxford, 2010. 296 p.

13. Haskel J., Westlake S. *Capitalism without Capital. The Rise of the Intangible economy*. Princeton, Oxford. 2018. 278 p.

14. Hegel G.W.F. *Vorlesungen uber die Geschichte der Philosophie I* // Hegel G.W.F. *Werke*. Band 18. Frankfurt am Main, 1986. 560 p.

15. Hollander S. *The economics of Karl Marx. Analysis and application*. New York, 2008. 532 p.

16. Hunt E.K., Lautzenheiser M. *History of Economic Thought. A critical perspective*. New York, 2011. 577 p.

17. Kant I. *Metaphysische Anfangsgrunde der Naturwissenschaft*. Riga, 1787. — 158 p.

18. Kant I. *Die Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*. Hamburg, 1999. — 115 p.

19. Marcel van der Linden. *Western Marxism and the Soviet Union*. Leiden, Boston, 2007. 380 p.

20. Marx K. *Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie. Einleitung* // Karl Marx und Friedrich Engels. *Werke*. Band 1. Berlin, 1981. P. 378—391.

21. Marx K. *Thesen uber Feuerbach* // Karl Marx und Friedrich Engels. *Werke*. Band 3. Berlin, 1978. P. 3—7.

22. Marx K., Engels F. *Die deutsche Ideologie* // Karl Marx und Friedrich Engels. *Werke*. Band 3. Berlin, 1978. P. 9—530.

23. Marx K. *Das Elend der Philosophie. Antwort auf Proudhons «Philosophie des Elends»* // Karl Marx und Friedrich Engels. *Werke*. Band 4. Berlin, 1977. P. 63—182.

24. Marx K. *Zur Kritik der Politischen Okonomie* // Karl Marx und Friedrich Engels. *Werke*. Band 13. Berlin, 1961. P. 3—160.

25. Marx K. *Fragebogen fur Arbeiter* // Karl Marx und Friedrich Engels. *Werke*. Band 19. Berlin, 1987. P. 230—237.

26. Marx K. *Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte* // Karl Marx und Friedrich Engels. *Werke*. Band 8. Berlin, 1960. P. 111—207.

27. Marx K. an Engles F. 11 Januar 1858 // Karl Marx und Friedrich Engels. *Werke*. Band 29. Berlin, 1978. P. 256.

28. Marx K. *Das Kapital. Kritik der Politischen Okonomie. Erster Band. Buch I. Der Produktionsprozeß des Kapitals* // Karl Marx und Friedrich Engels. *Werke*. Band 23. Berlin, 1962. P. 1—955.

29. McMurtry J. *The Structure of Marx's World-View*. New Jersey, 1978. 284 p.

30. Mills C.W. *The Sociological Imagination*. New York, 2000. 248 p.

31. Jessop B., Wheatley R. (eds.) *Karl Marx's Social and Political Thought: Critical Assessment. Vol. V. Marx's Life and Theoretical Development*. London and New York, 1999. — 695 p.

32. Poincare H. *Science and Hypothesis*. London, New York, 1905. 244 p.

33. Parsons T., etc. (eds.) *Theory of society: Foundations of modern sociological theory. Vol. I*. New York, 1961. 682 p.

34. Russell B. *A History of Western Philosophy*. London, 1961. 963 p.

35. Sheehan H. *Marxism and the philosophy of science: a critical history: the first hundred years*. New Jersey, 1993. 438 p.

36. Spenser J. *Pack. Aristotle, Adam Smith and Karl Marx. On some fundamental issues in 21 st century political economy*. Northampton, 2010. 260 p.

37. Smith T. *Dialectical social theory and its critics: from Hegel to analytical Marxism and postmodernism*. New York, 1993. 173 p.

38. Thornton S.P. Karl Raimund Popper // Sarkar S., Pfeifer J. (eds.) *Philosophy of science. An Encyclopedia*. New York, 2006. 965 p. P. 571-578.

39. Turner B.S. *Classical sociology*. London, 1999. 291 p.

40. Turner B.S. (Gen. ed.) *The Cambridge dictionary of sociology*. Cambridge, 2006. 688 p.

41. Wheen F. Karl Marx. London, 1999. 441 p.

DEVELOPMENT BY K. MARX CATEGORY OF THE SOCIAL SPACES AND SOCIAL TIME

РАЗРАБОТКА К. МАРКСОМ КАТЕГОРИЙ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

Tahir Mahamatovich Makhamatov,
doctor of philosophy, professor of the
Financial University under the Government
of the Russian Federation
E-mail: makhamatov.tair@mail.ru

Saida Tairovna Makhamatova,
candidate of economics, lecturer of Financial University
under the Government of the Russian Federation
E-mail: mahamatova@mail.ru

Таир Махаматович Махаматов,
доктор философских наук, профессор
Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: makhamatov.tair@mail.ru

Саида Таировна Махаматова,
кандидат экономических наук,
преподаватель Финансового университета
при Правительстве РФ
E-mail: mahamatova@mail.ru

Annotation. The article reveals the contribution of Marx to the development of the dialectical concept of space and time. The author substantiates the idea of the possibility of regulating space and time on the basis of knowledge of the objective laws of material systems. The authors consider that the consideration of philosophical problems through the prism of Marx's philosophical and economic works has a fruitful effect on the development of modern dialectical materialist philosophy.

Key words: practice, activity, space, time, material system, dialectics, objectivity, modern philosophy

Аннотация. В статье раскрывается вклад Маркса в развитие диалектической концепции пространства и времени. Обосновывается мысль о возможности регулирования пространства и времени на основе познания объективных закономерностей материальных систем. Авторы считают, что рассмотрение философских проблем через призму философско-экономических трудов К. Маркса плодотворно влияет на развитие современной диалектико-материалистической философии.

Ключевые слова: практика, деятельность, пространство, время, материальная система, диалектика, объективность, современная философия

После мирового финансово-экономического кризиса современная западная экономическая теория возвратилась к «Капиталу» К. Маркса. Однако большинство отечественных философов необоснованно критически относятся к философии основоположника марксизма, считая ее устаревшей. Многие современные философы, по словам И.А. Гобозова, «очень пренебрежительно относятся к классической философии, к духовному наследию великих философов Платона, Аристотеля, Декарта, Канта, Гегеля, Маркса и других корифеев мировой философии»¹. В этом ряду больше всего пока не везет философскому наследию К. Маркса.

Возрождение действительно марксистской философии, на наш взгляд, может начаться с нового осмысления фундаментальных категорий философии. Создание К. Марксом материалистической концепции истории начинается, как известно, с введения им в философию категории «практика», которая в диалектическом синтезе с материалистически переосмысленной диалектикой Гегеля стала основанием всей марксистской философии. Маркс рассматривал

практику как материально-преобразующую деятельность людей по производству материальных ценностей.

Понимание К. Марксом пространства и времени отталкивается от гегелевской диалектики категорий движения, пространства и времени. По Гегелю, «не во времени все возникает и переходит, а само время есть это становление, есть возникновение и прехождение, *сущее абстрагирование*, всепорождающий и уничтожающий свои порождения *Кронос*... Сущностью движения является то, что оно есть непосредственное единство пространства и времени; оно есть существующее благодаря пространству реальное время, или, иначе говоря, только благодаря времени подлинно различное пространство...»².

В общественной практике и в предметной деятельности человека особенно конкретно проявляется органическая связь времени и пространства материально-преобразующей деятельности человека. К. Маркс писал, что «само рабочее время существует, как таковое, лишь субъективно, лишь в форме деятельности»³, что

меновая стоимость товара «определяется овеществленным в товаре рабочим временем. Как осуществление *определенного* рабочего времени, товар есть меновая стоимость...»⁴. Сущностную особенность социального времени и его диалектическую связь с деятельностью, раскрытую К. Марксом, подробно исследует и Л. фон Мизес. Он подчеркивает, что «деятельность направлена на изменение и поэтому находится в потоке времени»⁵.

В сфере экономики единица или мера времени определяется завершенностью оборота капитала, т.е. время обращения: Д — Т — Т — Д (деньги — товар — товар — деньги). По К. Марксу, новый цикл процесса производства, включающий в себя уже и прибавочную стоимость, определяется временем обращения. «Следовательно, сумма стоимостей (стало быть, и прибавочных стоимостей...), созданных за определенный цикл оборотов капитала, *прямо пропорциональна рабочему времени и обратно пропорциональна времени обращения*»⁶. Если исходить из понимания К. Марксом времени капитала, то *время — это завершённый цикл объективной и закономерной последовательности процесса возникновения, становления, развития материальной системы*. Следующий цикл определяется результатами процесса предыдущего цикла. *Объективная последовательность воспроизводства предметной области, внутренних количественных накоплений в структуре предмета суть его внутреннее время, диалектически связанное со временем других материальных систем и отражающее преходящий характер данного объекта*.

Результатом, основанием начала нового цикла времени-деятельности является социально-экономическое пространство, которое выступает, во-первых, как система общественных отношений и как материализованный результат деятельности. В этом смысле товар есть застывшее, материализованное в пространственной форме время, форма покоя. Как писал Ф. Энгельс, «Возможность относительного покоя тел, возможность временных состояний равновесия является существенным условием дифференциации материи и тем самым существенным условием жизни»⁷.

Главная особенность философского понимания времени и пространства — признание их объективности и изменчивости. Но, как показывает К. Маркс в своих экономических трудах, объективность не означает нерегулируемость пространственно-временными характеристиками объекта. Например, возможность регулиро-

вания времени и пространства особенно явно выражена в экономической сфере в денежно-кредитных отношениях.

Кредит является объективно-историческим необходимым и специфическим финансово-экономическим отношением. Его формирование обусловлено теми же предпосылками, что определили появление денег: опосредствование обмена потребительных стоимостей. Но имеется существенное различие в их роли, которые они играют в системе экономических отношений. К. Маркс впервые показал, что *деньги как всеобщий эквивалент способствуют расширению пространства и сокращению времени обмена, т.е. его ускорению*. Кредитное же отношение, благодаря тому, что имеет денежную и товарную форму, т.е. как товарный кредит, способствует не только 1) ускорению обмена, но и 2) смягчает пространственно-временные несовпадения цикла производства различных потребительных стоимостей, 3) способствует сохранению производственного ритма.

Так, К. Маркс писал: «...Необходимой тенденцией капитала является *обращение без времени обращения*, и эта тенденция представляет собой основное определение кредита и кредитных операций капитала»⁸. Развитие форм кредита как одно из проявлений развития экономических отношений позволяет капиталу *искусственно сокращать время обращения (сюда относятся все формы кредита)*»⁹.

Кредит также способствует расширению или же сужению *экономического пространства* субъекта рыночных отношений. «Все *кредитное дело*, — писал К. Маркс, — а также связанное с ним разбухание торговли, спекуляции и т.д., покоится на необходимости расширить пределы обращения и сферы обмена и перепрыгнуть через них»¹⁰. Таким образом, исходя из концепции влияния кредита (ссудного капитала) на экономическое время и пространства К. Маркса, можно сказать, что человек, вводя в структуру материальной системы определенные элементы, может замедлять или ускорять время бытия явления, расширяя или сужая его пространственное бытие. Для этого человек использует все свое знание о пространственно-временных особенностях материальной действительности, имеющих объективный и диалектический характер.

В наше время нам, философам, необходимо возвращаться к трудам К. Маркса, перечитывать их в новых социально-экономических и общественно-политических условиях переосмысливать его философские мысли и вновь и вновь творче-

ски защищать диалектический материализм. Ведь некоторые наши авторы пишут «о принципиальной неполноте материализма, традиционно-стихийной основы естественных наук за последнее столетие, — во всех его вариантах (стихийный, вульгарный, воинственный, экономический и даже диалектический)»¹¹.

Одним из философских проблем, требующих своих переосмыслений на основе концепции К. Маркса, являются категории пространства и времени¹². В философской литературе до сих пор господствует *естественнонаучное понимание* пространства и времени, что свидетельствует о некотором игнорировании или недопонимании Марксом материалистически переработанную гегелевскую концепцию этих форм существования материи. Справедливости ради отметим, что имеются очень интересные исследования онтологических, гносеологических и социально-экономических аспектов пространства и времени¹³.

В последние годы появились публикации, в которых категория времени (пространство пока не «заслужило» должного внимания) перестает быть трактованным как чисто естественнонаучная и становится более философской. Так, Н.А. Попов пишет: «Время — это *природное явление*... представляющее собой объективную *очередность появления* событий и состояний. Это качественно особый *тип отношений* материального мира, своим появлением обязанный его изменчивости. Временные отношения — это и есть отношения *очередности появления*»¹⁴. Здесь имеются некоторые не совсем удачные выражения, которые несколько затушевывают интересные мысли автора. Если заменить термин «очередность», который не является философским, на «*последовательность*» и рассматривать время не как природное явление и не как отношение, но как *форму существования материи*, позиция Н.А. Попова в понимании категории времени проявилась бы более ярко. Несмотря на указанные неточности, анализ времени Н.А. Попова неразрывно связан с изменчивостью, процессом становления и исчезновения и вносит определенный вклад в развитие *марксистского понимания* категорий пространства и времени.

Т.П. Лолаев, А.Л. Моуравов в духе гегелевской и марксистской философии категорию времени рассматривают вместе с *развитием* и подчеркивают, что «объективно-реальное время связано только с движением как качественным изменением... которое образуется в результате последовательной смены качественно новых

состояний конкретного процесса». Авторы считают, что «процесс и время неразрывно связаны. Они вместе возникают, существуют и заканчиваются»¹⁵. Это соответствует *диалектическому понятию философской категории времени*.

Однако в концепции времени данных авторов имеются некоторые неточности. Например, недоказательно звучит заявление Т.П. Лолаева и А.Л. Моуравова о том, что «механическое движение не образует объективно-реальное время»¹⁶. Не следует ли рассматривать механическое движение как малую, доступную человеку часть астрофизического движения с космическим масштабом качественного изменения? И. Ньютон рассматривал вращение Земли вокруг Солнца как механическое движение, которое определяет времена года, последовательность хозяйственной деятельности, биологический ритм и многое другое. Механическое движение является проявлением взаимосвязи и взаимодействия качественно определенных (физических, химических, биологических и социальных) форм движения материи.

Несколько метафизично (в марксистском смысле) звучат слова авторов том, что «*процесс образует время*» (курсив авт. — Т.М.), поскольку процесс имеет субстанциальное содержание и в этой связи является первичным понятием, а время — несубстанционально, а потому оно понятие вторичное и производное»¹⁷. Дальнейшее рассуждение вносит некоторую путаницу в понимание взаимосвязи субстанциального процесса и несубстанциального времени: «Объективно-реальное, функциональное *время образует* физические, биологические, химические, геологические, социальные и любые другие *реальные процессы*»¹⁸. Получается, что в каких-то случаях процесс образует время, а в каких-то время — процесс?

В.В. Афанасьева и Е.А. Пилипенко, анализируя онтологическую природу времени, обнаружили «как минимум два онтологически разных класса времени: первый включает единственный объект — материальное, объективное, природное время со свойствами, определенными физическими законами; второй содержит множество различных *нематериальных, субъективных* или *интерсубъективных* времен, свойства которых зависят от связанных с ними субъектов или сообществ. Именно к этому классу относятся личные, психологические, экзистенциальные, социальные, исторические, политические и другие времена. Возможно, имеет смысл говорить и о трех онтологических формах существования времени: *материальной*

(физическое время), идеальной (времена-эпистемы), виртуальной (времена-переживания)»¹⁹. Здесь можно согласиться только с выделением авторами психологического и экзистенциального времени как времени-переживания, которое требует отдельного исследования.

Однако следующим выводом В.В. Афанасьева и Е.А. Пилипенко вносят некоторую путаницу в понимание философской категории объективности: «времена, связанные с развитием социальных сообществ, intersубъективны, а не объективны, как это нередко принято считать. Intersубъективными, на наш взгляд, являются социальные, политические, культурные и даже исторические времена»²⁰. Вывод авторов противоречит положениям философии об объективности времени как одной из основных форм существования любых материальных систем, в том числе и социальных. Также некорректно говорить о материальности и нематериальности времени. Пытаясь вырваться из господствующего в философии физико-механистического понимания времени и пространства, В.В. Афанасьев и Е.А. Пилипенко попадают под влияние кантовской трактовки этих понятий.

Элементы механицизма, господство естественнонаучного понимания природы пространства и времени объясняются тем, что исторически первоначально складывалось механистическое понятие пространства и времени. Долгий период в философии время рассматривали по существу как «геометрический параметр, позволяющий описывать последовательность динамических состояний»²¹ или же событий. Поэтому оно сводилось к механическому измерению движения явлений, к хронометрии. Предполагались симметрия между прошлым и будущим и возможность обратимости. Как утверждал И. Пригожин, адекватное понимание времени как стрелы (т.е. однонаправленность и необратимость) сформировалось только благодаря понятию становления. Лишь с XIX в. в результате социальных революций, развития естествознания и немецкой классической философии начинается формирование диалектического понятия пространства и времени.

Содержание категорий пространства и времени в нашей философской литературе и учебниках раскрывается в основном на основе «Анти-Дюринга» и «Диалектики природы» Ф. Энгельса. В этих работах Ф. Энгельс исследует проблемы понимания объективности и диалектики рассматриваемых форм существования материи в естествознании. Поэтому в них господствует естественнонаучное содержание и почти отсут-

ствует социальная природа пространства и времени. Неполноте содержания этих категорий в нашей философии сможем преодолеть только вновь и вновь обратившись к трудам основоположника диалектического материализма, так как завершение становления диалектической концепции пространства и времени в единстве с движением и деятельностью происходит, как мы пытались показать, в экономических трудах К. Маркса. К. Маркс, наряду с Платоном, Аристотелем, Декартом, Локком, Кантом и Гегелем, как верно отмечает И.А. Гобозов, был и остается интеллектуалом «планетарного масштаба», духовное наследие которого «служило и служит до сих пор для многих поколений своего рода парадигмой для дальнейших философских исследований»²². Для практической реализации парадигмальности философии К. Маркса необходимо ее систематически изучать и творчески опираться на ее диалектическую методологию при разработке актуальных философских проблем.

Список литературы

1. Афанасьева В.В., Пилипенко Е.А. Онтология времени. Вестник Волгогр. гос. ун-та. Серия 7, Философия, 2014. № 4. С. 6–14.
2. Богомолов А.И., Невежин В.П. Хроноэкономика — наука, которую предстоит создать. Международный журнал экспериментального образования, 2015. № 11. С. 85–92.
3. Гегель. Энциклопедия философских наук. В 3-х т. / Т. 2. Философия природы / Отв. ред. Е.П. Ситковский. М., «Мысль», 1975.
4. Гобозов И.А. Постмодернизм — эпоха медиократов // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 41–53.
5. Гобозов И.А. Неoliberalизм и глобализация. // Век глобализации. 2017. № 2. С. 66–76.
6. Кацура А.В., Мазур И.И., Чумаков А.Н. Планетарное человечество: на краю пропасти. М.: Проспект, 2016. 208 с.
7. Лолаев Т.П., Моуравов А.Л. Проблема времени в философии науки. Философия и общество, 2013. № 3. С. 131–140.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е издание. Соч. М.: Политиздат, 1965. Т. 20. С. 561.
9. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»). Часть первая / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, 2-изд. М.: Политиздат, 1967. Т. 46, часть I.
10. Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»). Часть вторая. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, 2-изд.-М.: Политиздат, 1968. Т. 46, часть II.
11. Махаматов Т.М. О природе пространства и времени. Гуманитарный вестник МВТУ им. Э. Баумана. 2016, вып. 12. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2016-12-407>.

12. Мизес фон Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / пер с англ. Челябинск; Социум, 2012.

13. Молчанов В.И. Феномен пространства и происхождения времени. М.: Академический проект, 2015, 277 с.

14. Попов Н.А. К осознанию неявно отраженной природы времени. Вестник РФО, 2013, № 1, с. 54–60.

15. Попов Н.А. Сущность времени и относительности. Рига, URSS, 2008, 320 с.

16. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. Москва, Едиториал УРСС, 2003, 312 с.

References (transliterated)

1. Afanas'yeva V.V., PilipenkoYe.A. Ontologiyavremeni. VestnikVolgogr.gos. un-ta. Seriya 7, Filosofiya, 2014, № 4, s. 6–14.

2. Bogomolov A.I., Nevezhin V.P. Khronoekonomika — nauka, kotoru yupredstoitsozdat». Mezhdunarodny zhurnaleksperimental'nogoobrazovaniya, 2015, № 11, s. 85–92.

3. Gegel». Entsiklopediyafilosofskikh nauk. V 3-kh t. / T. 2. Filosofiyaprirody. /Otv.red.Ye. P. Sitkovskiy. M., «Mysl'», 1975.

4. Gobozov I.A. Postmodernizm — epokhamediokratov. // Voprosyfilosofii. 2015. № 12. s. 41–53.

5. Gobozov I.A. Neoliberalizmiglobalizatsiya. // Vekglobalizatsii. 2017. № 2.s. 66–76.

6. Katsura A.V., Mazur I.I., Chumakov A.N. Planetarnoyechelovechestvo: nakrayupropasti. — M.: Prospekt, 2016. — 208 s.

7. Lolayev T.P., Mouravov A.L. Problemavremeni v filosofii nauki. Filosofiyaiobshchestvo, 2013, № 3, s. 131–140.

8. Marks K., Engel's F. Sochineniya, 2-ye izdaniyeSoch. — M.: Politizdat, 1965. T. 20. S. 561.

9. Marks K. Ekonomicheskiyerukopisi 1857-1859 godov (pervonachal'nyy variant «Kapitala»). Chast' pervaya / K. Marks, F. Engel's. Sochineniya, 2-izd. M.: Politizdat, 1967. T. 46, chast' I.

10. Marks K. Ekonomicheskiyerukopisi 1857-1859 godov (pervonachal'nyy variant «Kapitala»). Chast' vtoraya. / K. Marks, F. Engel's. Sochineniya, 2-izd. M.: Politizdat, 1968. T. 46, chast' II.

11. Makhamatov T.M. O prirodeprostranstvaivremeni. Gumanitarnyyvestnik MVTU im. E. Baumana. 2016, vyp. 12. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2016-12-407>.

12. Mizesfon L. Chelovecheskayadeyatelnost': traktatpoekonomicheskoyteorii/ per s angl. Chelyabinsk; Sotsium, 2012.

13. Molchanov V.I. Fenomenprostranstvaiproiskhozheniyevremeni. Moskva, Akademicheskiyproyekt, 2015, 277 s.

14. Popov N.A. K osoznaniyuneyavnootrazhennoyprirodyvremeni. Vestnik RFO, 2013, № 1, s. 54–60.

15. Popov N.A. Sushchnost' vremeni i otносител'nosti. Riga, URSS, 2008, 320 s.

16. Prigozhin I., Stengers I. Poryadokizkhosa. Novyy dialogcheloveka s prirodoy. Moskva, Yeditorial URSS, 2003, 312 s.

¹ Gobozov I.A. Postmodernizm — эпоха медиократов // Вопросы философии. 2015. №12. с. 49.

² Гегель. Энциклопедия философских наук. В 3-х т. / Т. 2. Философия природы / Отв.ред.Е. П. Ситковский. М., «Мысль», 1975. С. 53, 64.

³ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»). Часть первая / К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения, 2-изд. М.: Политиздат, 1967. Т. 46, часть I. С. 114.

⁴ Там же, с.111.

⁵ Мизес фон Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории/ пер с англ. Челябинск; Социум, 2012. С. 95.

⁶ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»). Часть первая / К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения, 2-изд. М.: Политиздат, 1967. Т. 46, часть I. С. 127.

⁷ Энгельс Ф. Диалектика природы. // К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения, 2-изд. М.: Политиздат, 1965. Т. 20, с. 561.

⁸ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»). Часть первая / К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения, 2-изд. М.: Политиздат, 1967. Т. 46, часть II. С. 164.

⁹ Там же, с. 35.

¹⁰ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»). Часть первая / К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения, 2-изд. М.: Политиздат, 1967. Т. 46, часть I. С. 394.

¹¹ Кацура А.В., Мазур И.И., Чумаков А.Н. Планетарное человечество: на краю пропасти. М.: Проспект, 2016. С. 41.

¹² См.: Махаматов Т.М. О природе пространства и времени. Гуманитарный вестник МВТУ им. Э.Баумана. 2016, вып. 12.

¹³ См.: Богомолов А.И., Неужин В.П. Хроноэкономика — наука, которую предстоит создать // Международный журнал экспериментального образования, 2015, № 11; Лолаев Т.П., Моуравов А.Л. Проблема времени в философии науки // Философия и общество, 2013, № 3; Попов Н.А. Сущность времени и относительности. Рига, URSS, 2008.

¹⁴ Попов Н.А. К осознанию неявно отраженной природы времени. Вестник РФО, 2013, № 1, с.55.

¹⁵ Лолаев Т.П., Моуравов А.Л. Проблема времени в философии науки // Философия и общество. 2013. № 3.С. 135.

¹⁶ Там же, с. 137.

¹⁷ Там же, с.138.

¹⁸ Лолаев Т.П., Моуравов А.Л. Проблема времени в философии науки // Философия и общество. 2013. № 3.С. 138.

¹⁹ Афанасьева В.В., Пилипенко Е.А. Онтология времени // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Серия 7, Философия, 2014, № 4, с. 12.

²⁰ Там же, с. 10

²¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. Москва: Едиториал УРСС, 2003. С. 258

²² Gobozov I.A. Neoliberalizm i globalizatsiya. // Vek globalizatsii. 2017. № 2.с. 74.

MATERIALISM, PRACTICE, DIALECTICS

МАТЕРИАЛИЗМ, ПРАКТИКА, ДИАЛЕКТИКА

Vladimir Ivanovich Metlov,
professor of the Department of Ontology and
Theory of Knowledge Faculty of Philosophy
of Lomonosov Moscow State University
E-mail: vimetlov@gmail.com

Владимир Иванович Метлов,
профессор кафедры онтологии и теории познания
философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: vimetlov@gmail.com

Annotation. The paper deals with the problem of significance of the Marxian materialism as method. Are discussing the basic consequences of such vision. The conditions are described which give rise to the idea of the dialectic. The value of the materialistic method for the contemporary science is showed. The dialectical contradiction is characterized in the context of method. The place of the philosophical element in the materialistic dialectic and in the contemporary scientific knowledge is displayed.

Key words: materialism, praxis, antinomy, dialectic, contradiction, object, subject, theory of knowledge, ontology, historicism

Аннотация. Статья посвящена проблеме значения материализма Маркса как метода. Рассматриваются основные следствия такой позиции. Характеризуются условия, порождающие идею диалектики. Показывается значение материалистического метода для современного научного познания. Дается описание диалектической противоречивости в связи с общей методической установкой. Характеризуется собственное место философского элемента в материалистической диалектике и современном научном познании.

Ключевые слова: материализм, практика, антиномия, диалектика, противоречие, субъект, объект, гносеология, онтология, историзм

«Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно»¹, — подчеркнул К. Маркс в знаменитых «Тезисах о Фейербахе».

Шаг в направлении к практике был не только шагом в направлении нового типа материализма, материализма исторического, но и, что фактически одно и то же, в направлении материалистической диалектики, т.е. учения о развитии. Именно здесь формируется базисное противоречие, противоречие «субъект — объект», «материальное — идеальное», которое определяет развитие, являясь ядром диалектики.

Первый тезис К. Маркса о Фейербахе подчеркивает важность рассмотрения действительности, внешнего мира как практической деятельности, в субъект-объектном контексте, в неразрывной связи бытийного и познавательного, онтологического и гносеологического. Но это сразу же сообщает действительности, включая действующего субъекта, процессуальность, историческую, временную размерность. В этом контексте, контексте, заданном практикой, мы видим органически соединенными онтологиче-

ский и гносеологический аспекты на фоне определенного понимания и определенного отношения субъективного и объективного моментов. Неразрывность связи бытийного и познавательного, онтологического и гносеологического, бытия и рефлексии осязаемо демонстрируют авторы с мистическими тенденциями (Я. Бёме, высоко ценимый Гегелем и Марксом).

Шаг этот, сделанный К. Марксом, оказался в русле движения, начатого классической немецкой философией и ее родоначальником И. Кантом. Важно обратить внимание на то обстоятельство, что обращение к практике имеет целый ряд импликаций фундаментального значения, помимо приведенных выше.

Оно означает выведение идеи диалектики из единого принципа, а следовательно, неприятие такого ее понимания, которое сводит диалектику к сумме примеров, взятых из различных отраслей научного познания и общественной жизни. Только таким образом решив задачу выведения диалектики из единого принципа, возможным становится говорить о теоретической значимости того метода, который станет методом Маркса, методом исторического материализма, или материалистической диалектики, о том необходимом уровне универсальности, который позволяет отводить такую критику

марксизма, метода Маркса, которая идет от единичных примеров или от некорректных представлений о марксовской теории, которые могут иметь место в отдельных марксистских работах.

Названный демарш позволяет подойти к пониманию того обстоятельства, что, рождаясь из осмысления практики, диалектика у Маркса не является просто теорией, но оказывается указанием пути преодоления, снятия противоречия теоретического и практического; в этом качестве формирование диалектики является в то же самое время процедурой снятия философии в качестве автономной дисциплины. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс отмечали: «Изображение действительности лишает самостоятельную философию ее жизненной среды. В лучшем случае ее может заменить сведение воедино наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей. Абстракции эти сами по себе, в отрыве от действительной истории, не имеют ровно никакой ценности»².

В.И. Ленин, критикуя П.Б. Струве, писал: «С точки зрения Маркса и Энгельса философия не имеет никакого права на самостоятельное существование и ее материал распадается между разными отраслями положительной науки»³. Заметим, что это писалось автором, не знавшим ни «Немецкой идеологии», ни, тем более, «Экономическо-философских рукописей 1844 года» Маркса.

Сказанное Марксом и Лениным вовсе не является свидетельством нигилистического отношения к философии, к философскому знанию. Оно говорит — об этом свидетельствует их исследовательская практика — лишь о необходимости придать всему ценному в философии иную форму существования, связав ее с социальной и теоретической действительностью, осуществив снятие абстрактно философского в определенного рода социальной и научной деятельности, сформировав тем самым диалектическое единство теоретического и практического. Короче говоря, обращение к практике в деле происхождения идеи диалектики означало, по существу, снятие философии в материале науки и общественной жизни. Это радикально отличает позицию Маркса от позиций логико-аналитических авторов и их оппонентов, представителей феноменолого-герменевтической традиции. Их антиметафизическая, антифилософская направленность характеризуется игнорированием классической философской проблематики (не ставим сейчас вопроса о том, насколько это им удастся).

Обращение к практике в деле объяснения становления идеи диалектики означало устранение существовавшего различия исторического и диалектического материализмов; названия «исторический материализм», или «материалистическая диалектика» покрывают содержание того теоретически нового, что было внесено Марксом. Кстати, термин «диалектический материализм» не встречается у Маркса. Разделение на исторический и диалектический материализм отдает типичным неокантианством, тем более, что за диалектическим материализмом утверждалась иногда репутация учения о природе. Этим соединением вещи и истории, как истории природы, так и истории общества, предметного и движения до настоящего времени озабочена теоретическая мысль. Упомянем лишь наиболее фундаментальные работы XX столетия в этом отношении, такие, как «Бытие и время» М. Хайдеггера, «Процесс и реальность» А. Уайтхеда, и следует сказать, что приближение к успеху в решении поставленных задач такого рода авторами определяется степенью их близости — вольной или невольной — к диалектической традиции.

Понимание определяющей роли активности субъекта, практики в деле формирования диалектической ситуации непосредственно ведет к уяснению структуры и динамики ключевого понятия диалектики, понятия «диалектическое противоречие»: структура и динамика диалектического противоречия в точности воспроизводит структуру и динамику отношения «субъект-объект». Достаточно сопоставить в этом отношении И. Канта и И.Г. Фихте: кантовское понимание отношения субъективного и объективного находит свое выражение в формировании антиномии, четыре столкновения которой представляют собой отношение теоретического (априорного) и эмпирического, тогда как у Фихте, преодолевшего половинчатость коперниканского шага Канта, имеем дело с полноценной — пусть и достаточно абстрактной — диалектикой.

Аутентичная диалектика представляет в качестве социального итога своего развертывания устранение отчуждения (человека от мира вещей и от общества других людей). Гегелевское «я есть вещь» в «Феноменологии духа» — результат диалектического движения, представленного динамикой отношения предмета и понятия. Эту связь диалектического движения и социальных последствий его можно усмотреть уже в платоновском «Государстве». Поэтому

отвергающих диалектику, обосновывающую необходимость качественных изменений, ведет, по существу, очень верный социальный инстинкт: подсознательная боязнь революционного переворота в общественной жизни, в научном развитии, желание сохранить существующее положение вещей, боязнь устранения отчуждения, в частности, отчуждения философии от жизни.

Видение диалектики в субъект-объектной перспективе, в перспективе отношения «материальное-идеальное» оказывается той оптикой, которая позволяет усмотреть диалектические ситуации в еще недостаточно развитой форме. Так, диалектическая ситуация не всегда узнается в отношении концепций Д. Гильберта и Л. Брауэра: между тем первый представляет пространственные параметры обоснования, тогда как второй — временные. Гильберт выступает как постмодернист до постмодернизма, когда сводит обосновательную процедуру к языковым, символическим операциям. Задача же состоит в том, чтобы дать основание, т.е. предмет математики, показать, что он такое, объединив пространственное и временное в целостном. Отсюда, по-видимому, и рождается идея *переменного* множества: целостное изначально является динамическим, историческим. Понимание диалектики как формирующейся в поле взаимоотношения материального и идеального, в поле действия субъективного фактора, в поле тем или иным образом понятой практики позволяет усмотреть диалектические движения там, где они принимают, как уже было сказано, еще недостаточно развитые формы. Так, за отождествлением диалектики Канта с учением об антиномии, представляющим негативную диалектику, упускается обычно из виду трансцендентальная логика как представляющая собой логику отношения двух уровней — теоретического (априорного, трансцендентального) и эмпирического, причем теоретическим представлено активное начало, которое может быть квалифицировано как форма существования активности субъекта, определенной формы практики.

Подход к проблеме диалектики с точки зрения практики, отношения «субъект-объект» позволяет, следовательно, ввести в сферу диалектического анализа ситуации, которые или игнорировались в работах посвященных диалектике, или провозглашались состоявшимися завершёнными диалектическими ситуациями, разрешением диалектической противоречивости. Так обстояло дело с принципом дополнительности

Н. Бора, провозглашенного завершением-синтезом представлений о физической реальности, хотя рассмотренный в контексте отношения субъекта и объекта он представлял лишь кантовский, антиномический уровень диалектической противоречивости, подлежащий, следовательно, преодолению в последующем синтезе, снятии, подобно тому, как это произошло с кантовскими антиномиями в послекантовской классической немецкой философии.

Заметим, кстати, что если диалектику, как правило, характеризуют как учение о противоречии, противоположностях, то с полным правом ее можно определить как учение о целостном. Истина в целостности (*Das Wahre ist das Ganze*), подчеркивал Гегель. Целостность и реализуется как единство противоположностей, как диалектическое противоречие.

То, что в истории философии обозначалось как основной вопрос философии, вопрос об отношении бытия и мышления является и основным вопросом диалектики: собственным полем диалектики, как выражаются некоторые авторы, вовсе не обязательно принимающие диалектику, оказывается поэтому отношение материального и идеального; критика, точнее, отторжение диалектики сводилось, по существу, к отторжению основного вопроса философии: достаточно отказа от этого вопроса, чтобы иметь в качестве непосредственного следствия этого акта, точнее сказать, другого выражения того же самого, исключение диалектики. Это и демонстрируется состоянием основных тенденций современной философии, логико-аналитической и феноменолого-герменевтической, органически связанных с идеей необходимости непосредственного знания, вообще, постметафизические движения: утверждение непосредственного, прямого (Гуссерль) выхода к бытию, отвергающего опосредованность, заключенную в отношении «объект-субъект», определяло антидиалектический, может быть лучше сказать, недиалектический характер господствующих направлений современной философии.

Диалектика — основа историзма, то есть видения людей (и вещей) во времени (М. Блок). Мы знаем одну науку, науку истории, историю природы и историю общества, отмечали молодые Маркс и Энгельс. Но чтобы выстроить историческую картину, чтобы история не оказалась разлученной со временем, абсолютно необходимым представляется вполне определенная характеристика предмета исторического движения. Именно отсутствие характеристики такого рода было до некоторого времени пре-

пятствием для построения аутентичной эволюционной теории в биологии. Выдающийся биолог-эволюционист Э. Майр подчеркивал, что Дарвину не удалось решить проблему, вынесенную в название его главного труда, т.е. проблему происхождения видов: «Рассмотрев причину его неудачи ... я пришел к выводу, что основной среди них была неопределенность представлений Дарвина о природе видов. ... Понимание природы видов, таким образом, является необходимой предпосылкой понимания эволюционного процесса»⁴.

Самое интересное в этом понимании естествоиспытателем природы интересующего его предмета состоит в том, что оно рождается на пути преодоления, разрешения противоречия, парадокса антиномического типа. «Биологическая концепция вида разрешает ... парадокс, порожденный конфликтом между стабильностью видов в понимании натуралиста и пластичностью видов в понимании эволюциониста. Именно этот конфликт заставил Линнея отрицать эволюцию, а Дарвина — отрицать реальность видов. ... Биологический вид соединяет в себе дискретность вида в данной местности и в данное время с эволюционной потенциальностью к постоянным изменениям»⁵.

О подобном же говорит и другой крупный биолог. «Предмет науки, которую мы называем генетикой, состоит в том, чтобы объяснить два, казалось бы, противоречивых наблюдения: организмы похожи на своих родителей и вместе с тем отличаются от них. Иными словами, генетика имеет дело как с проблемой наследственности, так и с проблемой изменчивости. Триумф генетики в том и состоит, что она создала теорию, которая объясняет на единой основе и постоянство наследственности, и ее изменчивость на всех уровнях, вплоть до молекулярного. О такой теории мечтали гегельянцы»⁶.

Этого же рода положение дел обращает на себя внимание и в области исследований истории общества. Быть может, самым интересным моментом в этой ситуации оказывается синтез, соединение в целостном предмете некогда разделенных и казавшихся несовместимыми характеристик. Это и составляет, по существу, ответ на вопрос о тех условиях, без которых, как выражается Р. Дж. Коллингвуд, вещь не может стать объектом исторического знания: «... индивидуальные акты и персонажи входят в историю не в силу их индивидуальности как таковой, но потому, что эта индивидуальность оказывается носителем некой мысли, ...»⁷. Это еще Гегель, но суть проблемы выражена

вполне корректно: объектом исторического знания является противоречивое единство индивидуального и общего.

Практика в качестве фактора формирования предметной реальности открывает эту возможность: в понятии общественно-экономической формации мы имеем отвечающую критериям историчности понимание предмета исторического движения. Это понимание важности характеристики предметной, вещной в самом широком смысле слова реальности, способной быть включенной в исторический процесс — а это характеристика ее как живого противоречия — с некоторых пор, как видим, встречается в работах и ученых-обществоведов, и представителей естествознания.

Подход к диалектике с точки зрения практики, с точки зрения отношения субъект-объект, с позиции предметной деятельности общественного человека позволяет обратить внимание на степень развитости противоречия, определяемую уровнем и характером развития отношения «субъект-объект», этапы этого процесса, начиная с антиномичности и завершая разрешением (снятием) противоречия.

Помимо этого, такого рода подход создает тот общий контекст, в границах которого определяется идентичность направлений, не испытывающих особых симпатий к диалектике: все эти направления, как справедливо отметил М. Хайдеггер, развиваются, тем или иным образом соотносясь с категориями субъекта и объекта.

В границах этого отношения движется и мысль К. Маркса, характеризовавшего исходную клеточку своего анализа капиталистического общества, товар как единство материального и идеального.

Но в настоящее время мы можем обратить внимание на противоречия различных отраслей научного познания как на противоречия материального и идеального: медицина, биология, история, химия, физика, математика. Но и наиболее представительные направления современной философии, такие как логико-аналитическое и феноменолого-герменевтическое также оказываются конституирующимися по линии отношения «субъект-объект», «материальное-идеальное».

Подход с точки зрения практики обеспечивает целостность видения объекта, точнее, вещи. По существу, другое название диалектики, органически связанное с распространенным ее пониманием как учения о противоречии, это понимание диалектики как учения о целостности, впрочем, органически связанное с первым:

целостность реализуется как динамическая целостность.

Утверждение основополагающей роли практики, отношения «объект-субъект» в деле становления идеи диалектики ставит нас перед вопросом о диалектике там, где отсутствуют названные условия, то есть о диалектике в природе. Эта проблема озадачила когда-то авторов, группировавшихся вокруг журнала «*Praxis*».

То что существенно для становления диалектики в отношении «субъект-объект», в практике — а существенным здесь оказывается целенаправленная деятельность субъекта в мире законов природы — имеет место во внечеловеческой, дочеловеческой реальности и представлено целевым, телеологическим моментом. Вместе с законами природы целевой момент образует то противоречие, которое является движущей силой развития во всех сферах реального мира. Целевую причинность в природе признавал Аристотель. И. Кант представил ситуацию в третьем столкновении антиномии чистого разума: «*Тезис*. Причинность согласно законам природы есть не единственная причинность, из которой могут быть выведены все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность. *Антитезис*. Не существует никакой свободы, но все совершается в мире только согласно законам природы»⁸. Развивая высказанное в тезисе столкновения Канта, Гегель подчеркнет: «...отношение цели оказалось истиной механизма»⁹, снимая тем самым сформулированный Кантом конфликт в диалектическом синтезе.

Крупный физик копенгагенской школы В. Эльзассер, плодотворно работавший и по программе создания теоретической биологии писал: «Мы будем понимать под биологическим процессом неустранимое смешение механизмов с индивидуальностями. Мы стремимся применить эту идею ко всем уровням биологии, начиная с высших и кончая низшими, где под низшим уровнем понимается уровень биохимической динамики»¹⁰. Телеологическое как элемент детерминизма (и рефлексия в себя) представлено в виде индивидуальности. Но такое его понимание естественно ведет и к пониманию источника развития (движения) как единства материального и идеального. Это вместе с тем достаточное, в смысле Лейбница, основание для появления чего-либо.

Не менее определено высказывается о целевой причинности другой крупный естествоиспытатель Нобелевский лауреат Ф. Жакоб, неоднократно цитированный нами: «... невозможно больше делать биологию, не соотносясь

постоянно с «проектом» организмов, со «смыслом» («sens»), который само их существование сообщает их структурам и их функциям. ... нельзя больше отделять структуру от ее значения не только в организме, но и в последовательности событий, которые привели организм к тому, чем он стал»¹¹.

Современное естествознание, область исследований, обозначаемая как синергетика, в состоянии пояснить многое, относящееся к современному пониманию детерминизма и целевой его составляющей, формирующей вкупе с механической диалектическое противоречие.

В одном из писем К. Маркс говорит о том, что Дарвин не только разгромил телеологию, но и дал ее рациональный смысл¹².

Положение: шаг к практике — шаг в направлении учения о развитии усматривается, в сущности, уже в «Тезисах о Фейербахе»: включение вещи в контекст взаимоотношения субъекта и объекта, в контекст материальной практики общественного человека естественно приводит к диалектически противоречивой характеристике вещи как единства объектного и субъектного, материального и идеального, следовательно, к пониманию ее как развивающейся. Но это столь же естественно ведет к пониманию того положения дел, что собственно философское, то есть отношение материальное — идеальное оказывается теперь содержанием характеристики вещной реальности, не являясь тем самым чем-то автономным по отношению к этой последней. Философское снимается в практической деятельности, становясь моментом изучаемой вещной реальности, преодолевается отчуждение философии от жизни.

В связи с этим следует отметить принципиально предметный характер диалектики, что исключает возможность создания некоей абстрактной формальной диалектической логики, извлеченной из «Капитала» Маркса, пригодной для применения к любой предметной области. Предметность диалектики хорошо иллюстрируется опытами выхода из кризисов оснований различных отраслей научного познания: кризисы эти всегда, без какого-либо исключения, представляли и представляют собой утрату прежнего понимания предмета той или иной отраслью научного познания. Достаточно вспомнить в этом отношении физику и психологию начала XX столетия с их тезисами «материя исчезла», «сознание испарилось». Но между этими крайними полюсами располагаются практически все остальные научные дисциплины, которые тем или иным образом оказывались

перед необходимостью изменения понимания изучаемой в них предметной реальности.

Рождающееся в ходе преодоления антиномии оснований той или иной отрасли научного познания понимание предметности, предмета, существенно связано в конечном итоге именно с преодолением объективизма прежних воззрений на предмет, с пониманием неустранимости субъектного фактора, практики, в ход отправления которой и рождается диалектически противоречивая предметность, преодолевающая разлученность вещи и движения, развития. Замечательна в этом процессе та точность, с которой ситуации в основаниях различных отраслей научного познания воспроизводят демарши немецкой классической философии, начиная с Канта и его антиномий, оставляя решение проблем на долю исторического материализма, материалистической диалектики Маркса.

Диалектическое развитие, понятое как динамика отношений материального и идеального имеет еще одну ипостась, еще одно следствие, следствие социального плана: преодолевая отчуждение человека от созданного им мира вещей, оно завершается становлением коммунистических общественных отношений. Гносеологическим же итогом диалектического движения является аутентичное целостное постижение человеком мира.

В отечественной литературе теоретико-познавательные задачи, связанные с пониманием диалектики, за редким исключением, отделялись от задач познания динамики общественного бытия. Между кафедрами философии и кафедрами научного коммунизма контактов было гораздо меньше, чем, скажем, у кафедры философии с кафедрами, представлявшими те или иные специальные научные и технические дисциплины. Диалектика внушала ужас не одной буржуазии — ее критический и революционный потенциал был очень нехоти партийной и государственной бюрократии, которая в эпоху, начатую перестройкой, дружно станет на позиции буржуазного преобразования общественных отношений в нашей стране.

С другой стороны, коммунистическая перспектива не часто представлялась как гносеологический и онтологический итог диалектического движения. Занимающимся диалектикой позволялось входить в самые запутанные сферы специально-научного познания, но не больше. Словом, можно сказать, что совершенно недостаточно рассматривались, если можно так выразиться, теоретико-познавательный смысл ком-

мунизма как общественного строя, с одной стороны, и социальный смысл диалектики, с другой.

Между тем, Ф. Энгельс с полным основанием зачислял в состав предшественников научного социализма не только социалистов-утопистов, но и представителей немецкой классической философии. Это делается легко понятным, если мы обратим внимание на то обстоятельство, что начиная с Фихте, главной заботой немецкой классической философии было устранение пропасти между субъектом и вещью, причем это оказывается в то же время достаточно органично связанным с политико-экономической озабоченностью немецких мыслителей, а не только с задачами познавательного плана. И. Кант со своей вещью в себе, то есть, с отчуждением субъекта от объекта гносеологического плана, и А. Смит с экономическим отчуждением производителя от произведенного продукта оказываются здесь в начале теоретического движения, имевшего итогом, как известно, возникновение критики политической экономии К. Марксом как концепции, являвшейся, в частности, органический синтез специально-научного и философского материала.

Основателю материалистической диалектики, таким образом, было видно как социалистическое содержание диалектики классической немецкой философии 19 столетия, так, по видимому, и методическое (диалектическое) значение универсализма социалистов и коммунистов утопического толка.

Наконец, следует отметить, что диалектика не является лишь стоящей рядом с другими направлениями философским учением. Уже обращалось внимание на то, что она не просто еще одна теория. В своем качестве соединяющей теоретическое и практическое она оказывается способной к снятию сформировавшихся основных направлений современной философии. В диалектике естественным образом снимаются те крайности, которые составляют основное содержание снимаемых направлений.

Материализм метода Маркса снимает положение разведения, существующего между естественно научными и социально-гуманитарными дисциплинами, в силу общности формирования предметной реальности и характеристики детерминизма в обоих случаях. Это не означает пренебрежение своеобразием каждой из сфер познания, известную методическую асимметрию между природным и социальным, механическим и целевым (телеологическим), объяснением и пониманием. Теоретически основой синтеза является сложившееся положение в ка-

ждой из сфер познания, которое находит свое выражение в выступлении собственной противоположности, а именно, герменевтического (смыслового) момента в естественнонаучных теориях, объяснительного (причинного) — в социальных доктринах. Такого рода положение дел — приглашение к синтезу. Судьба историзма зависит от понимания сложившегося положения вещей.

Названный синтез, который может быть осуществлен на основе культивируемого в марксизме метода, представляет собой синтез, снятие противоположностей как обретение целостности. Другим названием диалектики, повторим это, может быть название ее учением о целостности, реализуемой в противоречивости, в аутентичном историзме.

«Технология — отмечал Маркс, — вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений. Даже всякая история религии, абстрагирующаяся от этого материального базиса, — не критична. Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, единственно научный метод»¹³.

Приведенный в начале статьи первый тезис о Фейербахе приобретает здесь спустя более двух десятков лет развернутую форму.

В общей характеристике общественного процесса, представленного динамикой отношения человека к природе и идеализованной формой существования этого отношения в социальных связях мы видим диалектику материального и идеального. Она и находит свое отражение в методе, культивируемом как метод исторического материализма, материалистической диалектики.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. в трех томах. М., 1980. Т. 1. С. 1.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Избр. произв. М., 1980. Т. 1. С. 15

³ ПСС. Т. 1. С. 438)

⁴ Майр Э. Популяции, виды и эволюция. М., 1974. С. 19.

⁵ Там же. С. 22.

⁶ Левонтин Р. Генетические основы эволюции. М., 1978. С. 19.

⁷ Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 291, 290.

⁸ Кант И. Критика чистого разума. Петроград, 1915. С. 276/7.

⁹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1972. Т. 3. С. 186.

¹⁰ Elsasser W.M. The role of individuality in biological theory. In: Towards a Theoretical Biology. 3. Drafts. Chicago. 1970, p. 140.

¹¹ Jacob F. La logique du vivant. Gallimard, 1970. P. 321.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 30. С. 475.

¹³ Маркс К. Капитал. Т. 1. Госуд. изд. полит. лит. 1955. С. 378, прим. 89.

ETHICS OF INFORMATION SECURITY

ЭТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Alexander Vasilievich Opalev,
doctor of philosophy, professor, leading researcher
of the Center for Security Studies of the Russian
Academy of Sciences
E-mail: raenbezopasnost@yandex.ru

Александр Васильевич Опалев,
доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Центра
исследования проблем безопасности РАН
E-mail: raenbezopasnost@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the problem of the introduction of moral principles in the sphere of information security. The task of using the ethical regulatory potential for solving the problems of interaction in the information space is set. The solution to this problem should take on information ethics, in particular the ethics of information security.

Аннотация. Статья посвящена проблеме внедрения нравственных начал в сферу обеспечения информационной безопасности. Ставится задача задействования этического регулятивного потенциала для решения задач взаимодействия в информационном пространстве. Решение этой задачи должна взять на себя информационная этика, в частности этика обеспечения информационной безопасности.

Key words: information space, information ethics, information security, ethics of information security

Ключевые слова: информационное пространство, информационная этика, информационная безопасность, этика обеспечения информационной безопасности

Жизнь человека невозможно представить вне информационного пространства. Но если до недавнего времени сфера информационного взаимодействия и, соответственно, обеспечения информационной безопасности носила преимущественно локальный характер, для которой общество в ходе длительного исторического развития выработало достаточно эффективные нравственные нормы общения, то глобализация информационного пространства, вызванная в первую очередь массовым применением во всех сферах деятельности человека современных информационно-коммуникационных технологий, принесла с собой не только угрозы информационной безопасности, но и потребность в новых требованиях к поведению людей в этом глобализирующемся пространстве.

Наибольшее развитие получила виртуальная коммуникация, которая обладает рядом признаков, имеющих качественные отличия от реальной. К их числу специалисты относят прежде всего глобальность, анонимность, дистанционность, мгновенное распространение, доступность контента всем пользователям без ограничения. Это создает риски не только локального, но и глобального уровня: манипуляции сознанием и введение в заблуждение значительного количества людей, фальсификации фактов, передачу информации, содержащей угрозы жизни и свободе людей, разжигающей ненависть, агрессию, насилие и т.д.¹

Эффективным средством социального регулирования является право, однако практика показывает, что введение только правовых норм, регламентирующих деятельность человека в глобальном информационном пространстве, и использование им этого пространства вряд ли позволят обеспечить требуемый уровень информационной безопасности личности, общества и государства. В частности, названные особенности виртуальной коммуникации позволяют нарушителю чаще всего оставаться не только безнаказанным, но даже и невыявленным. Отсюда велик соблазн нарушить все и всяческие нормы поведения человека в информационном пространстве. К тому же введение подобных правовых норм встречает довольно сильное сопротивление со стороны определенных общественных кругов. Это приводит к тому, что ставится под сомнение факт создания всеобъемлющей системы запретов, ограничений и предписаний, регламентирующих эти отношения и деятельность, в том числе деятельность по обеспечению информационной безопасности. Практически невозможно проследить за выполнением этих запретов, ограничений и предписаний каждым человеком, живущим в этом пространстве².

Указанные сущностные черты сетевого пространства позволили увидеть в нем возможность дополнительной свободы, в том числе от социального контроля и моральных требований.

Получалось, что Интернет внушает человеку соблазн совершить то, на что в реальной жизни он бы никогда не решился. Этот очевидный вывод потребовал начать осмысление сетевых процессов с точки зрения того, как можно предотвратить нарастание нравственного кризиса.

Одними из первых круг этических проблем развития информационных технологий обозначили их создатели Н. Винер и Й. Вайценбаум, которые сопоставляли их значимость с проблемами использования ядерной энергии³. На заре эпохи информационных технологий, Н. Винер предсказывает огромные социальные и нравственные последствия, которые придут за развитием и внедрением электронных компьютеров, и предполагает, какое значение на этом фоне будет иметь этика. Как показала история, он оказался прав. Уже в начале широкого распространения современных информационных технологий, прежде всего глобальной сети, стало понятно, что ряд их важнейших особенностей неизбежно обернется кризисными явлениями в сфере общественной морали.

Эта проблематика оказалась столь специфической, что потребовала возникновения особой области этического знания, развитие которой является порождением XXI в. В силу своей молодости и сложности этические проблемы в сфере информационных технологий — одно из самых слабо разработанных направлений прикладной этики.

Поэтому сейчас остро встает вопрос задействия этического регулятивного потенциала. Решение этой задачи должна взять на себя информационная этика, в частности этика обеспечения информационной безопасности. Как полагают специалисты, именно в области информационной безопасности потенциал информационной этики нельзя недооценивать, поскольку это ее поле ответственности⁴.

Этика обеспечения информационной безопасности может рассматриваться как вид прикладной этики. Обычно, когда говорят об этике, то подразумевают науку о морали. Но в прикладном аспекте, употребляя термин «этика» в привязке к той или иной сфере общественной жизни (политическая этика, военная этика, полицейская этика и т.п.), нередко имеют в виду саму мораль, регулирующую отношения в названной сфере. С этой точки зрения, в самом широком смысле под словосочетанием «этика обеспечения информационной безопасности» можно подразумевать как вид прикладной этики, которая изучает этическое содержание обеспечения информационной безопасности и выраба-

тывает правила деятельности в этой сфере, так и сами нравственные требования к поведению в области информационной безопасности⁵.

Внедрение нравственных начал в информационную сферу сталкивается со множеством сложностей. Это связано, в частности, с тем, что виртуализация информационного пространства приводит к усилению нравственного плюрализма, размыванию границ между добром и злом в виртуальной деятельности, ослаблению моральных регуляторов и их замену правилами пользователя. Когда коммуникация утрачивает этические ориентиры и избегает социального контроля, возникает угроза негативного влияния на мировоззрение и поведение человека.

У человека, погруженного в глобальное информационное пространство, создается ощущение могущества и безнаказанности. Особенно это касается молодого поколения, которому информационное пространство одно из первых предоставляет возможность самостоятельно действовать и проявить себя как личности в мировом масштабе. Несформированность твердых нравственных принципов, морального и правового сознания, неустойчивость психики, стремление проявить себя и свои способности зачастую приводит к формам асоциального поведения в виртуальной среде, зачастую переходящим и в реальность. Примеров такого поведения человека в информационном пространстве достаточно много. К ним, например, относятся хакерство и разработка вирусных программ. Причем не всегда речь идет о преднамеренном деянии с целью нанесения ущерба или извлечения дохода, например, при помощи взлома программного обеспечения. Нередко такие действия мотивированы стремлением человека доказать себе и своим коллегам, что он может взломать чужой компьютер или создать и запустить в информационную сеть вирус.

Несмотря на предлагаемые международными организациями кодексы и локальные сетевые правила, в сфере информационного общения и защиты информации остаются значительные проблемы. В реальной жизни общение в Интернете все еще далеко от принятых на международном уровне стандартов и во многом продолжает существовать как форма «свободы от морали», в нем присутствуют и нравственные, и правовые девиации, такие как ложь, фальсификация, манипуляция сознанием, а также взлом персональных данных, кибермошенничество, разжигание вражды и ненависти, кибертерроризм, многочисленные нарушения авторского права и другие.

Главным образом, это проблемы, порожденные несформированностью культуры виртуальной коммуникации и использования информации, а также отсутствием контроля над информационным пространством, которое позволяло бы эффективно противодействовать угрозам и пресекать все правонарушения.

Активизация и глобализация информационных взаимодействий в современном обществе предъявляют все более высокие требования к обеспечению информационной безопасности личности, общественных групп и всего общества. Без выработки и соблюдения соответствующей совокупности норм поведения в информационном пространстве эти требования вряд ли могут быть выполнены.

Глобальное информационное пространство создает пользователю практически неограниченные возможности перемещения по информационным сетям любой информации, даже не ставя в известность об этом ее собственника. Поэтому защита интеллектуальной собственности в таком пространстве является почти неразрешимой задачей, так как либо невозможна в техническом и юридическом планах, либо требует больших экономических затрат. Следствием такого положения являются расцвет сетевого пиратства, запуск по сетям вирусов, разрушающих компьютерные программы и уничтожающих информацию, сбор различной информации без ведома лиц и компаний, о которых эта информация собирается. В этой ситуации проблемы интеллектуальной собственности в глобальной сети, по мнению экспертов, должны сначала рассматриваться на этическом уровне и только потом переводиться в правовую и другие плоскости⁶.

Особые требования предъявляются к специалистам, работающим в сфере обеспечения информационной безопасности. Они, как правило, являются творческими личностями. Созданные или используемые им в профессиональной деятельности объекты или технологии часто оказывают значительное влияние на других людей и общество. Поскольку последствия деятельности этих специалистов достаточно серьезны, резко возрастает значение нравственных принципов и норм, составляющих содержание их профессиональной этики. Профессиональная этика, с одной стороны, предоставляет им руководство для принятия правильных решений, а с другой стороны, защищает их от возможных нападков в отношении принятых ими решений и действий.

Многие специалисты технического профиля воспринимают свою работу исключительно как работу с техникой, но не с людьми. Они думают, что взаимодействуют лишь с техникой, в то

время как на самом деле взаимодействуют с людьми. Причем, не просто взаимодействуют, а затрагивают довольно «чувствительные» людские аспекты, например, тайну связи и тайну частной жизни⁷.

И если кому-то информационные технологии представляются этически нейтральными, то из этого отнюдь не следует, что с ученого, инженера, программиста снимается всякая ответственность за то, каким целям служат и каким образом используются информационные технологии.

Людам, склонным к технократическому мышлению, следует помнить о духовных ценностях — гуманизме, человечности, совести, сострадании, о том, что искусственный мир техники, окружающий современного человека, является средством человеческого общения и самым непосредственным образом влияет на общественные отношения. Поэтому специалист, работающий в сфере информационной безопасности, должен четко осознавать, что его деятельность — это не простая работа с техникой, а защита тех, кто подвергается деструктивному воздействию с помощью технических средств. И конечно же, к нему самому предъявляются высокие требования как к специалисту, призванному соблюдать принципы и правила поведения в информационном пространстве.

Моральные нормы в сфере информационного общения нельзя выдумать, создать или ввести. Они должны возникнуть сами, исходя из потребностей регулирования отношений в данной сфере. Уже сегодня многие из этих норм получают путевку в жизнь и признаются информационными технологами и пользователями⁸.

Необходимость скорейшей постановки поведения людей в виртуальном пространстве обусловлена и разворачивающимся в последнее время информационным противоборством. Обеспечение информационной безопасности в этих условиях требует установления достаточно жестких моральных рамок для всех участников информационной войны, чтобы не выйти за пределы человечности. Не случайно в мире все активнее раздаются голоса тех, кто хотел бы ввести информационное противоборство в цивилизационные рамки. В этой связи предпринимаются попытки сформулировать некие общие принципы, которые могли бы лечь в основу общения в информационном пространстве. Так, среди основных этических принципов обеспечения информационной безопасности называются, в частности, следующие:

- *избегание вреда.* В своей деятельности работники сферы информационной безопасности должны избегать причинения вреда: а) защищаемому объекту (побоч-

ного вреда) за исключением случаев, когда предотвращаемый вред заведомо превышает причиняемый; б) непричастным, даже если благодаря этому будет предотвращен вред защищаемому объекту;

- *нераспространение опасного*. Работники сферы информационной безопасности не должны передавать кому-либо: а) сведений об уязвимости, позволяющих эту уязвимость использовать (за исключением владельца или разработчика уязвимой системы — только с целью исправления уязвимости); б) вредоносных программ или программ двойного назначения, если есть опасение, что они будут использованы во вред;
- *добросовестное использование*. Полученный любым способом доступ в чужую систему или информацию о чужой системе работники сферы информационной безопасности должны использовать только для защиты, предотвращения вреда и повышения безопасности. Ни для каких других целей (в том числе, безобидных) такой доступ или информация использоваться не могут. По миновании необходимости такой доступ должен закрываться, а информация — уничтожаться;
- *сохранение тайны*. Работники сферы информационной безопасности должны сохранять в тайне сведения, ставшие им известными в связи с оказанием услуг по защите, составляющие чью-либо коммерческую тайну, тайну частной жизни, профессиональную тайну, а также другую конфиденциальную информацию, независимо от наличия явного соглашения или обязательства о сохранении тайны⁹.

Практически все существующие кодексы по информационной этике опираются на общечеловеческие ценности. Они не регламентируют выполнение конкретных действий, совершаемых в той или иной ситуации, а создают основу для принятия индивидуальных нравственных решений. Особую важность выполнение норм моральных кодексов приобретает в тех областях профессиональной деятельности людей, в которых они имеют дело с конфиденциальной информацией, в частности, в сфере обеспечения информационной безопасности. Это связано с высокой ценой возможных ошибок и нарушений, спровоцированных, например, тем, что появляется соблазн использовать приватную информацию в своих корыстных целях, или совершаемых без злого умысла, по невнимательности либо халатности.

Как показало время, процесс внедрения выдающихся достижений технического прогресса,

протекающий без сопровождения соответствующего развития культуры и морали в обществе, приводит к катастрофическим последствиям для человека. Чем мощнее технологии, тем более качественные средства сдерживания необходимы для сохранения социальной системы. Данная ситуация еще раз подтверждает мысль о необходимости формирования этики обеспечения информационной безопасности, которой будут следовать субъекты информационного пространства и без которой безопасность человека в этом пространстве будет практически недостижима. Основу этой этики должны составлять нормы и ценности взаимоотношений людей, которые были выработаны на протяжении многих веков и без которых трудно представить существование человеческого общества. Вполне очевидно, что эти нормы и ценности, погружаясь в практику информационного взаимодействия, сохраняя при этом свое сущностное содержание, приобретут форму, соответствующую этой сфере человеческого общения.

¹ См.: Баева Л.В. Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 75-83.

² Юсупов Р.М., Заболотский В.П. Глобальное информационное пространство: этика и безопасность // Технологии информационного общества — Интернет и современное общество: труды VI Всероссийской объединенной конференции. СПб.: Изд-во филологического ф-та СПбГУ, 2003. С. 142.

³ См.: Капурро Р. Информационная этика // Информационное общество. 2010. Вып. 5. С. 6.

⁴ См.: Филина О.А. Социальные, культурно-исторические и ценностные основания информационной этики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2009. № 9. Т. 10. С. 233.

⁵ В литературе закрепился термин «этика информационной безопасности» (по аналогии с информационной этикой). На наш взгляд, правильнее было бы говорить об этике обеспечения информационной безопасности, поскольку этика рассматривает отношения между людьми, возникающие в процессе обеспечения информационной безопасности, а не саму эту безопасность.

⁶ Юсупов Р.М., Заболотский В.П. Глобальное информационное пространство: этика и безопасность // Технологии информационного общества — Интернет и современное общество: труды VI Всероссийской объединенной конференции. СПб.: Изд-во филологического ф-та СПбГУ, 2003. С. 141-146; Манжуева О.М. Значение этических мер в процессе обеспечения информационной безопасности // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. 2014. № 3(45). С. 143-149.

⁷ Федотов Н.Н. Этика информационной безопасности // URL: <http://bajki.narod.ru/ethics.html> (дата обращения - 18.03.2018 г.).

⁸ См.: Галинская И.Л. Компьютерная этика, информационная этика, киберэтика // Россия и современный мир. 2001. № 2. С. 78.

⁹ См.: Федотов Н.Н. Этика информационной безопасности // URL: <http://bajki.narod.ru/ethics.html> (дата обращения — 18.03.2018 г.).

RUSSIAN PHILOSOPHERS ON CULTURE AS A WAY OF SPIRITUAL EXISTENCE OF MAN

РУССКИЕ ФИЛОСОФЫ О КУЛЬТУРЕ КАК СПОСОБЕ ДУХОВНОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Irina Vladimirovna Polozova,
doctor of philosophical sciences,
professor of the Department of Sociology
and Political Science of the Moscow University
of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot
E-mail: polozova-irina@mail.ru

Ирина Владимировна Полозова,
доктор философских наук,
профессор кафедры социологии и
политологии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: polozova-irina@mail.ru

Annotation. The article deals with the concept of culture presented in the works of Russian religious philosophers of the early twentieth century, according to which the basis of culture is the spiritual connection of man with the absolute. It is shown that the break of this connection, the distance of man from the absolute leads to the destruction of the world of culture, the collapse of its value and ideological-figurative system.

Key words: russian religious philosophy, culture, spirituality, spiritual values, cultural crisis

Аннотация. В статье рассматривается концепция культуры, представленная в трудах русских религиозных философов начала XX в., согласно которой основу культуры составляет духовная связь человека с Абсолютом. Показывается, что разрыв данной связи, отдаление человека от Абсолюта ведут к разрушению мира культуры, распаду ее ценностного и идейно-образного строя.

Ключевые слова: русская религиозная философия, культура, духовность, духовные ценности, кризис культуры

При всем многообразии подходов к пониманию и определению культуры необходимо увидеть их смысловое единство, которое, бесспорно, существует и задает целостность определяемого явления. Нередко исследователи, зарубежные и отечественные, выделяя и классифицируя различные определения культуры, все дальше уходят от осмысления ее основ, что позволяет ориентироваться в многочисленных дефинициях, не приближаясь к ее сущности¹. В целом в западной традиции преобладает позитивистский подход к культуре, заменивший вопрос «почему» вопросом «как». Культура больше изучается с точки зрения ее механизмов, нежели смыслов. Вместе с тем существует и другой подход к культуре, позволяющий осуществить постижение ее сути, представленный, например, в трудах русских религиозных философов начала XX в., который направлен на выявление ее духовных оснований. Сущность культуры объясняется здесь с помощью ее высшего, духовного измерения.

Следует сказать, что появление наук о культуре, таких как антропология и культурология, не должно отменять философского подхода к культуре, рассматривающего ее «sub specie aeternitatis». В культуре незримо присутствует устремленность человека к трансцендентности.

В области культуры человек осуществляет высшее измерение своего бытия, раскрывает свою связь с вечностью. В основе культуры лежит связь с Абсолютом, с трансцендентностью, и утрачивая эту связь, культура лишается своей жизненной основы.

Рассмотрим более подробно подход к культуре, представленный в трудах религиозных философов. Данный подход восходит к этимологии понятия. Так, латинское слово *cultura*, означающее «возделывание», «воспитание», «образование», этимологически близко слову *cultus* — «почитание», «поклонение», «культ», что указывает на религиозные корни культуры. Сакральная деятельность, религиозный культ как единство небесного и земного, разумного и чувственного, духовного и телесного, Бога и человека обладает первенством по отношению к культуре. Согласно П.А. Флоренскому, «...большинство культур, сообразно своей этимологии (*cultura*, есть то, что имеет развиваться из *cultus*), было именно прорастанием зерна религии, горчичным деревом, разросшимся из семени веры»². Всякая культура является системой средств раскрытия и реализации некоторой ценности, принимаемой за основную и безусловную, т.е. служит предмету веры.

Сходные мысли выражает Н.А. Бердяев: «Культура связана с культом, она из религиозного культа развивается, она есть результат дифференциации культа, разворачивания его содержания в разные стороны. Философская мысль, научное познание, архитектура, живопись, скульптура, музыка, поэзия, мораль — все заключено органически целостно в церковном культе, в форме еще не развернутой и не дифференцированной. Древнейшая из Культур — Культура Египта началась в храме, и первыми ее творцами были жрецы. Культура связана с культом предков, с преданием и традицией. Она полна священной символики, в ней даны знаки и подобию иной, духовной действительности. Всякая Культура (даже материальная Культура) есть Культура духа, всякая Культура имеет духовную основу — она есть продукт творческой работы духа над природными стихиями»³.

Следует согласиться с С.Н. Булгаковым, согласно которому «Связь культуры с культом есть вообще грандиозного значения факт в истории человечества, требующий к себе надлежащего внимания и понимания»⁴. К сожалению, данное обстоятельство в настоящее время не замечается, культура сводится к человеку как ее единственному творцу. Под культурой в научной литературе понимается преимущественно человеческая деятельность в самых разнообразных проявлениях. Большинство определений современных авторов рассматривают культуру исключительно как человеческий опыт, например, как «позитивный жизненный и производительный опыт множества людей, представленный в семиотических системах (язык, письменность и другая символика) и образцах жизнедеятельности («святые», герои, лидеры и т.д.)»⁵.

Вместе с тем, культура принципиально биполярна. Ее двумя полюсами являются: с одной стороны — Абсолют, с другой — человек, поскольку он является носителем духа. В культуре осуществляется возможность для человека продолжить в своей творческой деятельности раскрытие высшего замысла, лежащего в основе мироустройства. Ведь наиболее полно человеческая сущность выражена в определении, характеризующем человека как существо, творчески действующее в мире. Человек призван быть со-творцом мира.

Можно увидеть, что все основные, существующие ныне подходы к культуре и ее определения страдают неполнотой, они предполагают наличие абсолютного начала, но отказываются от него в своих формулировках. Так, аксиоло-

гические определения культуры представляют культуру как совокупность создаваемых человеком ценностей. Вместе с тем, ценности по своей природе являются трансцендентными феноменами и являют высшее по отношению к человеку бытие⁶. Символические определения культуры трактуют культуру как символическую систему, но также известно, что культурные символы указывают на некое трансцендентное содержание.

Таким образом, культуру имеет смысл исследовать в связи с ее высшим измерением и, исходя из этого, понимать ее суть. В соответствии с данным пониманием культура видится как постижение высших смыслов бытия и их символическое выражение с целью совершенствования человека и утверждения его духовной природы. Культура в ее подлинном смысле является обнаружением, раскрытием и реализацией духовных ценностей. «Культура, в ее высшем выражении есть проникновение в суть предметов и существ, обнаружение в них божественного замысла, раскрытие их логоса, смысла и их преображенного облика. Если всякий человек, будучи созданным по образу Божию, является Его живой иконой, то земная культура есть икона Царства Небесного...»⁷.

Мы полагаем, что русские религиозные философы совершенно верно уловили главный смысл и основную идею культуры, и, можно увидеть, что лишь данное понимание способно объяснить происходящие в ней процессы, например, кризис начала XX века, которые невозможно объяснить ни простым накоплением социального опыта, ни принципом эволюционизма.

Отпадение человека от Абсолютного начала затронуло как самого человека, так и создаваемую им культуру, отклонив ее от первоначального замысла. С самого начала культура явилась пограничной областью между Высшим законом и человеческой свободой. В результате творчество человека приобрело трагическую раздвоенность, в нем постоянно происходит противоборство духа и плоти. Созидающий культуру человек, с одной стороны, следует духовным принципам и осуществляет жизнь духа в себе, с другой — подчиняется стихиям мира, живет жизнью этих стихий. Таким образом, в культуре открываются два пути: путь творчества, преобразовательного отношения к миру и к самому себе, когда человек в свой труд привносит творческие силы своего духа, и путь подражания, простого приспособления к условиям природной жизни.

В культуре человеческая свобода обнаруживает свою антиномичность, тягу к созиданию, с одной стороны, и к разрушению мира и человека — с другой. Поэтому пространство культуры способно вмещать в себя не только благое, но и злое, падшее начало. Главная тема и идея культуры — борьба добра и зла, причем истинная культура всегда утверждает торжествующую победу добра. Другие ценности культуры, на первый взгляд, напрямую не относящиеся ни к добру, ни ко злу, также, в конечном счете, оказываются на службе одной из противоположных сторон. Так, красота как ценность, как сияние горнего мира, чувственное явление Абсолюта, может являться и как прелесть, служить прикрытием порока, правда, в таком случае, она перестает быть истинной красотой.

В культуре обнаруживается также служение низшим инстинктам, отказ человека от духовности и от подлинной свободы, в чем проявляется мощь стихии греха, немощность плоти. Но более того, в современной культуре все большее место занимает человеческое тщеславие и гордыня, проявляется самоутверждение человека в качестве абсолюта, ведущее его к саморазрушению. И чем дальше человечество отступало от Бога, тем сильнее в культуре проявлялось падшее, плотское, чувственное начало.

По мнению русских философов, путь разложения целостной духовной культуры длился многие столетия, и смысл его состоял в объявлении человеком себя независимым от Бога, «новая культура есть хронический недуг восстания на Бога». ⁸ «Вместо Бога был поставлен идол, самообожествивший себя человек, и тогда уже необходимым последствием было все дальнейшее развертывание культуры, имевшей целью оправдать всюду человеческое самообожествление». ⁹ Главным смыслом эстетической деятельности становится эгоцентричное самоутверждение индивида, обожествление тела, культ чувственных удовольствий.

Русские религиозные философы предостерегали человечество, говоря о том, что культура не может заменить собой источник высших ценностей, каковым является религия. Они хорошо понимали, что без веры культура легко поддается иллюзиям земного мира, впадает в идолопоклонство, что прерванная или искаженная связь культуры с религиозным началом грозит ей капитуляцией перед хаосом. Так, по словам И.А. Ильина, «человечество попыталось за последние два века создать культуру без веры, без сердца, без созерцания и без совести; и ныне

культура являет свое бессилие и переживает крушение» ¹⁰.

Русские религиозные философы, будучи современниками культуры начала XX века, увидели, что в ней совершается наибольшее, по сравнению с прошлым, отдаление человека от Абсолюта и от высших духовных ценностей. В культуре, лишившейся своего высшего измерения, воцарились произвол, субъективизм, вседозволенность, духовная пустота, тяга к саморазрушению. Так, по словам С. Булгакова, «современное искусство при всем богатстве и роскоши новых форм художественной техники опускается до мертвого натурализма или самоубийственной тенденциозности; мистическое по самому своему существу, оно больше всего страдает от религиозной беспочвенности века» ¹¹. Муки души, тоска человеческого сердца, отлученного от источника жизни, отражается в искусстве. Современное искусство «по духовному содержанию... проникнуто одним чувством, нарастающей тоски и ужаса бытия». ¹²

Возвеличивание человека средствами современного искусства привело, в конечном счете, к его опустошению и разрушению. Так, например, декадентское искусство «fin de siècle», проповедующее имморализм и демонизм, стало выражением пессимизма, усталости от жизни, призывало к саморазрушению и самоубийству. Причем, в кругу художников-модернистов данные принципы нередко осуществлялись на практике.

Современное искусство прошло через искушение эстетизма, отделившего красоту от нравственности и проповедующее чувственное наслаждение в качестве единственной цели искусства. Но эстетизм ненадолго утвердился в современной культуре. На смену ему пришла эстетика безобразного, в основе которой лежит дьявольская идея осквернения образа человека и мира. Искусство XX века, модернизм, авангардизм и их различные направления представляют собой последовательное разложение образов человека и мира, их расчленение на фрагменты, утратившими между собой живую связь.

Постмодернизм ознаменовал собой окончательное разложение душевного и телесного человека. Такие принципы постмодернизма как «смерть автора», «смерть субъекта», идея «симулякра» как знака, не имеющего значения, являются выражением кризиса бездуховной культуры. Важно, что сами авторы данных принципов осознают, что их идеи «можно назвать антитеологической деятельностью, такой деятель-

ностью, которая носит поистине революционный характер, так как отказ от смысла — это в конце концов отказ от Бога и его ипостасей: разума, науки, закона»¹³.

Таким образом, концепция культуры русских философов позволяет нам увидеть обусловленность кризиса современной культуры утратой ею связи с религиозным началом.

Русские философы обозначили также и путь выхода из сложившейся в культуре ситуации. Представителям творческой интеллигенции, в сердцах и умах которой происходит борьба добра и зла, нужно пройти путем самоуглубления, накопления духовных сил. Возрождение человеческой личности должно произойти на основе религиозной веры, которое веками воспитывало дивную красоту народной души, запечатленную в произведениях великой русской литературы и искусства.

По мысли С.Н. Булгакова, «задача культуры — дело богочеловечества, то есть очеловечение мира и обожение человека»¹⁴. Человек может стать в полной мере творцом культуры, когда раскроет черты образа Божия в себе — свободу, разумность, бессмертие, призвание к святости, господствующее положение в мироздании, дар творчества. Тогда и сам человек и все его культурное делание (наука, поэзия, живопись, архитектура) будут исполнены красоты и совершенства.

По мнению русских философов, смысл творчества для человека состоит в том, чтобы воспевать красоту высшего мира, стремиться к нему всей душой, любить людей, и вносить в их жизнь дыхание небесного мира. Культура начинается там, где духовное содержание имеет себе верную и совершенную форму¹⁵.

Основная задача культуры определяется русскими философами следующим образом: «человеческий ум и человеческая воля призывается к творческому участию в деле Божиим». Человек призван быть на земле сотрудником в строительстве дома Божия; и этой задаче должна служить вся человеческая культура, наука, искусство и общественная деятельность.»¹⁶.

¹ Kraeber A., Kluckhohn C. Culture. Critical Review of Concepts & Definitions. N.Y., 1964.

² Флоренский П.А. Записка о христианстве и культуре // Флоренский П.А. Соч. в 4-х тт. Т. 2. С. 547-559

³ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 166.

⁴ Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозаключения. М.: Республика, 1994. (Мыслители XX в.). С. 326.

⁵ Минюшев Ф.И. Социология культуры М., 2003.

⁶ Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Избранные произведения. М., 1994.

⁷ Булгаков С. «Догматическое обоснование культуры» // Избранные статьи в 2-х тт. Т. 2. М., 1993. С. 75.

⁸ Флоренский П.А. Записка о христианстве и культуре // Флоренский П.А. Соч. в 4-х тт. Т. 2. С. 550.

⁹ Там же. С. 551.

¹⁰ Ильин И.А. Путь к очевидности // Почему мы верим в Россию: Сочинения. М.: Эксмо, 2007. С. 734.

¹¹ Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2008. С. 540.

¹² С. Булгаков «Тихие думы», М., Республика, 1996, стр. 27.

¹³ Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384-391.

¹⁴ Булгаков С. «Догматическое обоснование культуры» // Избранные статьи в 2-х тт. Т. 2. М., 1993. С. 642.

¹⁵ Ильин И.А. Одинокий художник. Москва: Искусство, 1993 г. Статья «Кризис современной культуры». С. 296.

¹⁶ Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / Смысл жизни Антология / Сост., общ., предисл., и прим. Гаврюшина Н.К. М.: Издательская группа: Прогресс-Культура, 1994. С. 243.

KARL MARX ON EDUCATION

КАРЛ МАРКС О ВОСПИТАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ

Alexander Ilich Satsuta,

candidate of philosophical sciences, professor,
professor of the Department of Sociology
and Political Science of Moscow University
of MIA of Russia named after V.Ya. Kikot

Irina Georgievna Evseeva,

candidate of psychological sciences,
associate professor, professor of the Department
of Pedagogy UNK PSD Moscow University
of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot

Александр Ильич Сацута,

кандидат философских наук, профессор,
профессор кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Ирина Георгиевна Евсева,

кандидат психологических наук, доцент,
профессор кафедры педагогики
УНК ПСД Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Annotation. The article is devoted to The ideas of K. Marx and F. Engels in the field of education and education of the human person Shows the grounds and mechanisms of public education of the individual.

Key words: social life and upbringing, human reality, educational approach

Аннотация. Статья посвящена идеям К. Маркса и Ф. Энгельса в области воспитания и образования человеческой личности. Показаны основания и механизмы общественного воспитания личности.

Ключевые слова: общественное бытие и воспитание, человеческая действительность, просветительский подход

Карл Маркс определял общечеловеческую культуру в самом широком смысле этого понятия путем присвоения ему «человеческой действительности». Ее духовные ценности, накопленные всем человечеством за длительную историю своего существования, и усваивает личность в процессе воспитания.

К. Маркс и Ф. Энгельс пересмотрели идеи утопического социализма XIX в. и предложили свое решение вопросов о формировании человеческой личности и месте воспитания в развитии человека. Они отказались от просветительского подхода к воспитанию социалистов-утопистов XIV в., связав задачу приобщения трудящихся масс населения к знаниям и культуре с их включением в классовую борьбу и ростом их «классового сознания». Поэтому на классовую борьбу возлагались не только политические, но и определенные педагогические функции, ориентированные на создание нового поколения людей.

Все основные произведения классиков и их письма пронизаны идеями общественного воспитания детей, отделения школы от церкви, вывода образования и науки из-под влияния государственных структур, соединения воспитания с материальным производством, преодоления подчинения человека общественному разделению труда, в том числе через образование и воспитание.

Так, в «Манифесте коммунистической партии» Маркс и Энгельс к первоочередным мероприятиям в области воспитания и образования отнесли: «Общественное и бесплатное воспитание всех детей... Соединение воспитания с материальным производством и т.д.»¹.

Ф. Энгельс в 1847 г. для «Манифеста» писал: «Промышленность, которая ведется сообща планомерно всем обществом, тем более предполагает людей со всесторонне развитыми способностями, людей, способных ориентироваться во всей системе производства»².

В своих трудах К. Маркс и Ф. Энгельс убедительно опровергали идеи о внесоциальном характере процесса формирования личности, можно найти отдельные утверждения о человеке как о биосоциальном существе и о значении духовного аспекта в его жизни и деятельности. Но методологической основой, доминантой марксистской теории личности фактически всегда выступал социально-экономический детерминизм. Наиболее определенно это выражено в известной формуле Маркса, согласно которой сущность человека «есть совокупность всех общественных отношений»³.

Эта совокупность наиболее ярко проявляется в отношении общества к воспитанию. Именно воспитание и дает молодым людям возможность быстро осваивать на практике всю систему производства, переходить от одной отрасли

к другой, в зависимости от своих и общественных потребностей.

Разрабатывая Инструкцию делегатам временного Центрального Совета, который состоялся в Женеве 3—8 сентября 1866 года в разделе 4 «Труд детей и подростков (обоего пола)» было записано: «Мы считаем тенденцию современной промышленности привлекать детей и подростков обоего пола к участию в великом деле общественного производства прогрессивной, здоровой и законной тенденцией, хотя при капиталистическом строе она и приняла уродливые формы».

Размышляя над этой проблемой, он пришел к выводу, что пролетарские дети, работая с ранних лет на капиталистической фабрике, превращаются в простые машины для фабрикации прибавочной стоимости и не имеют возможности должным образом развивать свои духовные силы. Маркс писал: «Основной долг общества вступить за права детей и подростков... Ни родителям и предпринимателям не может быть разрешено применять труд детей и подростков, если он не сочетается с воспитанием. В этом случае под воспитанием понимаем три вещи: во-первых: умственное воспитание; во-вторых: физическое воспитание, такое, какое дается в гимнастических школах и военными упражнениями; в-третьих: техническое обучение, которое знакомит с основными принципами всех процессов производства и одновременно дает ребенку или подростку навыки обращения с простейшими орудиями всех производств»⁴.

Распределению детей и рабочих подростков по возрастным группам должен соответствовать постепенно усложняющийся курс умственного и физического воспитания и технического обучения.

Размышляя об образовании, К. Маркс за образец будущего взял требования Парижской коммуны к образованию и науке. Он писал: «Все учебные заведения стали бесплатными для народа и были поставлены вне влияния церкви и государства. Таким образом, не только школьное образование сделалось доступным всем, но и с науки были сняты оковы, наложенные на нее классовыми предрассудками и правительственной властью».

В «Критике Готской программы» 1875 г. Маркс критиковал ее составителей за выдвинутое ими требование полного запрещения дет-

ского труда независимо от возраста. Он указывал: «Полное запрещение детского труда несовместимо с существованием крупной промышленности и поэтому является пустым благочестивым пожеланием. Проведение этой меры, — если бы оно было возможно, — было бы реакционно, так как при строгом регулировании рабочего времени сообразно с различным возрастом и при прочих предупредительных мерах для защиты детей раннее соединение производительного труда с обучением является одним из могущественнейших средств переустройства современного общества»⁵.

Марксисты считали, что в социалистическом обществе труд и воспитание будут соединены и таким путем подрастающим поколениям будет обеспечено разностороннее техническое образование, как и практическая основа для научного воспитания. Но так как в сфере производства, по г-ну Дюрингу, «прежнее разделение труда в существенных чертах, как мы видели, преспокойно продолжает существовать, то у этого технического школьного образования отнимается всякое позднейшее практическое применение, отнимается всякое значение для самого производства, — техническое образование преследует исключительно школьную цель: оно должно заменить собой гимнастику, о которой наш радикальный новатор и слышать не хочет»⁶.

«Вырастив новое поколение всесторонне развитых производителей, которые понимают научные основы всего промышленного производства и каждый из которых изучил на практике целый ряд отраслей производства от начала до конца, общество тем самым создаст новую производительную силу, которая с избытком перевесит труд по перевозке сырья и топлива из более отдаленных пунктов»⁷.

Исторический опыт показал, что К. Маркс абсолютизировал классовые противоречия и якобы обусловленную ими «роль насилия в истории». В то же время им недооценивались возможности организации воспитания в условиях эволюции частной собственности и основанного на ней гражданского общества. На основании изучения огромного фактического материала и исторического опыта он дал подлинную картину всех сторон воспитания, которое получают дети рабочих в капиталистическом

обществе, а также ужасающих условий жизни трудящихся и членов их семей. Непосильный, изнурительный фабричный труд женщин в условиях капитализма приводит неизбежно к разрушению семьи. В то время как отец и мать работают на фабриках, дети остаются без надзора и поэтому часто гибнут от несчастных случаев и лишены настоящей медицинской помощи.

В развитии нашего общества с этими проблемами мы тесно соприкоснулись и ощутили их последствия в 90-е и 2000-е годы, когда общество сошло с пути непосредственно коммунистического развития. В настоящее время, на этапе построения новых политических и социально-экономических отношений, говоря о воспитании, нельзя отрицать бесценный педагогический опыт, накопленный К. Марксом и марксистами в размышлении о воспитании.

Список литературы

1. *К. Маркс, Ф. Энгельс* «Манифест коммунистической партии». С. 47.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2. Т. 23. С. 500–501.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. С. С. 327–328.
4. *Маркс К.* «Критика Готской программы». С. 500–501.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс Манифест коммунистической партии. С. 47.

² Там же. С. 47.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 43.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 43.

⁶ Анти-Дюринг. С. С. 327–328.

⁷ Там же. С. 301.

IDEOLOGY OF ISLAMIC EXTREMISM IN THE DELINQUENT ENVIRONMENT OF RUSSIA, CIS AND WESTERN EUROPE: CAUSES OF THE SPREAD, CHALLENGES AND RISKS

ИДЕОЛОГИЯ ИСЛАМСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ДЕЛИНКВЕНТНОЙ СРЕДЕ РОССИИ, СНГ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: ПРИЧИНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ, ВЫЗОВЫ И РИСКИ

Igor Alexandrovich Seleznev,
candidate of sociology, associate professor, leading researcher
in the Center for Research of Social and Socio-Political Processes
of Eurasian Integration of the Institute of Socio-Political Research
of the Russian Academy of Sciences (ISPR RAS)

Игорь Александрович Селезнёв,
кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный
сотрудник Центра исследования социальных и социально-
политических процессов евразийской интеграции
Института социально-политических исследований
Российской академии наук (ИСПИ РАН)

Annotation. The article is devoted to the spread of radical political Islamic ideology among delinquent part of the Western and post-Soviet societies. The decline of all universal ideologies of European origin lead to Islamism as «the new alternative style» with great prospects of coverage on various social groups not only in the traditionally Islamic countries, but also in Western Europe and the USA. We can watch symbiosis of radical Islamism and criminals in penitentiaries and out of jail.

Key words: radicalism, extremism, anti-system ideology, jihadism, prisons, the criminal world

Аннотация. Работа посвящена распространению радикального исламизма среди делинквентной части западного и постсоветского общества. В условиях упадка всех идеологий европейского происхождения, претендующих на собственный универсальный проект, исламизм становится «новым альтернативным стилем» с большими перспективами охвата различных социальных групп не только в странах традиционного распространения ислама, но и в Западной Европе и США. В частности, можно наблюдать симбиоз исламского радикализма и криминалитета как в пенитенциарных учреждениях, так и на воле.

Ключевые слова: радикализм, экстремизм, антисистемная идеология, исламизм, пенитенциарные учреждения, криминалитет

Методологически данная работа исходит из представлений о диалектике взаимоотношений между различными формами общественного сознания, в частности религии и идеологии. Так, известен восходящий к Жан-Жаку Руссо концепт так называемой гражданской религии, использованный у Эмиля Дюркгейма и в современной социологии получивший подробное обоснование у Роберта Беллы [1; 2]. Гражданская религия — это обеспечивающая национальное или политическое единство идеология, приобретающая квазирелигиозные функции и вмещающая соответствующие ценности, смыслы, символы, обряды, представления и понятия [3; 4]. Известен и обратный феномен: в ряде радикально-фундаменталистских исповеданий религия распространяется на все сферы социетальной практики, трансформируясь в идеологию.

Практически все претендующие на собственный универсальный проект идеологии европейского происхождения продемонстрировали

явный упадок к началу XXI в. В этих условиях конкурентом им выступает идеология незападного происхождения — исламизм («политический ислам», «джихадизм»). Так, исламизм способен составить эффективную конкуренцию консерватизму (палеоконсерватизму) и «новым правам» в обращении к традиционализму, морализму и религиозному фундаментализму; он не уступает социализму (коммунизму) в плане эгалитаризма и антибуржуазной социально-экономической проектности, а фашизму (национал-социализму) — в тотальности и воле к разрушению и смерти. В таких условиях политический ислам становится «новым альтернативным стилем» с большими перспективами охвата различных социальных групп не только в странах традиционного распространения ислама, но и в Западной Европе и США. Подобную идейную экспансию осуществлял в начале XX в. радикальный социализм (коммунизм). В условиях идейного кризиса социалистической

(коммунистической) идеологии место глобальной радикальной антисистемной идеологии занимает исламизм. Добавим, что после уничтожения социалистической системы и ослабления коммунистической идеологии и леворадикальных группировок недовольство людей капитализмом стало выражаться в интересе к религиозно окрашенным политическим учениям. Например, если еще в 1970-е гг. акции «прямого действия» палестинского движения сопротивления воспринимались в рамках общего тренда леворадикального экстремизма (наряду с «Brigate Rosse», «Rote Armee Fraktion» и т.п.), то теперь уже радикальный исламизм выступает по отношению к ультралевым в качестве «старшего партнера» [5, с. 43].

Тем более, что ислам с его эгалитарным этосом имеет исторический опыт такой идейной экспансии на широкие слои. Так, в средние века после завоевания Индии Захир Ад-Дин Мухаммад Бабуром и возникновения тимуридской империи Великих Моголов, можно было наблюдать «омусульманивание» различных групп населения, до этого находившихся на нижних ступенях кастовой «лестницы престижа». Тут не только массовый мусульманский прозелитизм «неприкасаемых», наблюдаемый даже в наши дни (впрочем, представители низших слоев переходят и в другие религии — буддизм, даже в христианство), но и, к примеру, переход в ислам представителей касты музыкантов [6, с. 46].

Достаточно широко известно обращение к исламу как религии и исламизму как идеологии ряда радикальных западных интеллектуалов (Рене Генон пришел к исламизму от консерватизма и традиционализма, Роже Гароди — от коммунизма). Но стоит обратить внимание и на другие социальные страты. Так, в частности, «политический ислам» получает распространение среди делинквентных слоев как в западных обществах, так и на постсоветском пространстве. Если в начале XX в. арестованные революционеры-социалисты идейно влияли на часть уголовного мира, то в современных условиях криминал подвергается подобному идейному и интеллектуальному опылению со стороны исламизма. В местах лишения свободы преступники оказываются рядом с осужденными радикалами, которые воспринимаются как «пострадавшие за идею, а не корысти ради», что способствует повышению их авторитета и влияния на других осужденных. И выстраивающиеся взаимоотношения можно описать в терминах Вильфредо Парето как союзничество «контр-

элиты» (политические радикалы) с «антиэлитой» (криминал). К тому же, уголовную субкультуру и «политический ислам» роднит нигилизм по отношению к имеющемуся государству и праву и собственные нормативные представления («по-понятиям» либо «по шариату»), что создает почву не только для диалога и взаимопонимания, но и партнерства между представителями преступного мира и радикального исламизма [5, с. 44].

Существуют данные, свидетельствующие о широком распространении и ислама как религии и идеологии исламизма среди отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях Западной Европы. Так, в Великобритании за последние два десятилетия численность мусульманских заключенных увеличилась в 4 раза, и на сегодняшний день 12000 заключенных в Англии и Уэльсе из 84 000 являются мусульманами. Палата общин предоставила доклад демонстрирующий, что численность заключенных мусульман возросла с 3681 чел. в 1997 г. до 11 248 чел. в 2012 г., т.е. более чем на 200% [7]. Мусульмане, составляющие не более 5% населения Великобритании, составляют 13% обитателей тюрем. Почти треть заключенных-мусульман приняли эту религию во время отбывания наказания [8]. Соответственно, в тюрьмах Великобритании возросло влияние радикальных исламистских группировок (джихадо-салафитов, «братьев-мусульман» и т.п.). Пропаганда ислама, осуществляемая этими группировками, направлена как на более широкий охват заключенных, так и индивидуально на привлечение наиболее авторитетных заключенных, чей пример станет в будущем привлекательным для других. И именно радикализация заключенных-мусульман, а не сам факт обращения их к религиозной жизни вызывает опасения со стороны британских властей.

Мусульманские сообщества становятся в британских тюрьмах «коллективами выживания». Сообщается, что все больше заключенных в Великобритании принимают ислам для того, чтобы к ним было особое отношение, а также, чтобы заручиться поддержкой влиятельных группировок мусульман. Также некоторые используют принятие ислама в тюрьме для продвижения по уголовной кастовой иерархии. Рост доли мусульман среди заключенных — это результат давления со стороны исламских экстремистов — «авторитетов», включая тех, которые осуждены за терроризм и связаны с «Аль-Каидой», ИГ (*запрещенные в России террористические организации*) и т.п. [9]. Мно-

гие заключенные в тюрьмах насильно склоняются к принятию ислама [10].

Среди причин, побудивших их перейти в ислам — защищенность, которую дает принадлежность к определенной группировке, и те привилегии, которыми, по их мнению, пользуются мусульмане. Известно, например, что к насильникам или педофилам в тюрьме отношение обычно негативное, но если такой осужденный вступает в «джамаат» (мусульманское братство), то он его берет под защиту [9]. Следует заметить, что всего лишь 1% мусульман попадает в британские пенитенциарные учреждения за терроризм. Но в качестве одной из версий того почему радикальный исламизм стал нормой в британских тюрьмах называют деятельность исламистских благотворительных фондов, оказывающих поддержку заключенным-мусульманам, которых не разделяя на «политических» и «уголовных», снабжают всем необходимым. Эти организации оформлены в качестве НКО и получают пожертвования от всех желающих помочь заключенным-мусульманам и их семьям. Кроме того, эти НКО предлагают «духовную консультацию» от различных имамов, наносящие визиты в тюрьмах и преподающих ислам заключенным. В большинстве случаев, такие уроки проводят представители радикальных течений ислама [11]. Тут можно вспомнить опыт Международной организации помощи борцам революции (МОПР) в 1920-30-е гг., но исламские радикалы действуют, пожалуй, еще эффективнее.

Не только Великобритания обеспокоена ростом исламизма среди заключенных, но и во Франции, имеющей гораздо более жесткую пенитенциарную систему, администрация тюрем обеспокоена массивной исламистской пропагандой, приводящей к росту заключенных, принимающих ислам в тюрьмах. Эти процессы свидетельствуют не только об «исламизации» в европейских тюрьмах, но и предвещает последующее влияние этой исламистской радикализации на европейские общества в самых различных аспектах [6, с. 49].

Схожие тенденции обозначились и среди соответствующего контингента в России (Северный Кавказ, Поволжье, Урал и др.) и других государствах СНГ. Адепты движений зарубежного радикального исламизма, связанных с нетрадиционным для коренных мусульманских народов Российской Федерации салафизмом/ваххабизмом распространяют сегодня свое влияние на криминальную среду. Речь идет, в

том числе, и о таких запрещенных в России экстремистских организациях как «Ихван аль-Муслимун» («братья-мусульмане»), «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами» и т.п.

По опубликованным данным, сотрудники ФСИН РФ с начала 2016 г. намеревались усилить борьбу с так называемыми тюремными «джамаатами» — неформальными общинами мусульман. Это связано с ростом популярности исламизма в пенитенциарных учреждениях, где он не только приходит на смену воровским порядкам, но и вынуждает силовиков пересматривать свой подход к оперативной работе в колониях [12]. Исламистам удается достаточно успешно обращать в свои взгляды сокамерников, особенно если речь идет о представителях этносов, исторически исповедующих ислам. В соответствии с логикой образования группировок в тюрьмах и лагерях многие вступают в группы исламских экстремистов, чтобы получить физическую защиту [13, с. 15]. Лица, отбывающие срок за религиозный экстремизм и террористические действия начинают вести «дагват» (пропаганду) среди других осужденных, которые до этого были либо далеки от религии, либо исповедовали традиционный ислам ханафитского или шафиитского мазхаба. В результате им удается создать «джамаат» из числа зэков, многих из которых привлекает идеология радикального исламизма. Ведь предыдущие «грехи» (преступления) до активного принятия ислама списываются, а возможность их совершить в дальнейшем оправдывается, поскольку новые преступления трактуются как часть «джихада», потому что эта идеология оправдывает совершение преступлений против любого, кто не разделяет их убеждения (и, в том числе, против «неправильных» мусульман-ханафитов) [14].

В местах лишения свободы люди часто обращаются к религии, но лишь у мусульман как группы получается противостоять и сторонникам тюремно-воровских «понятий» и администрации [12]. Так, по свидетельствам очевидцев, в исправительных учреждениях расположенных в СКФО осужденные разделены на две части: «черная масса» («блатные и мужики, живущие по тюремным понятиям») и «джамаат». «Причисление к одной из двух «каст» происходит автоматически. <...> Если ты сидишь на Кавказе и говоришь, что ты мусульманин и хочешь жить по исламу, а не вникать в блатную тему, то тебе такое право предоставляется за счет того, что на воле положение мусульман очень сильно, они имеют реальный вес и могут за своих братьев заступиться. Однако очень много

людей этой верой прикрываются, чтобы им комфортно было прожить свой срок» [15]. Исламизм в российских пенитенциарных учреждениях становится все популярнее, поэтому наравне с понятиями «красная зона» (контролируемая администрацией при помощи «активистов») и «черная зона» (где царят «воровские» порядки), появился термин «зеленая зона», подразумевающий, что неформальный контроль над ней взяли исламисты [12].

Схожие тенденции к криминализации деятельности радикальных исламистов или, наоборот, исламской радикализации обычных уголовников наблюдаются и в постсоветских государствах Средней Азии. По свидетельству экспертов (А.А. Казанцев, Л.Ю. Гусев) очагами распространения исламского экстремизма в Казахстане и Киргизстане стали места лишения свободы. К радикальным взглядам там прибывают сокамерники экстремистских деятелей с тем, чтобы получить защиту в тюрьме. Эксперты отмечают тенденцию к вытеснению «воровской идеологии» в пенитенциарных учреждениях государств Средней Азии религиозным экстремизмом и появление «зеленых зон». Попытки администрации отделять в местах лишения свободы осужденных-экстремистов от не-экстремистов пока не очень эффективны. Традиционная криминальная идеология оказывается неконкурентоспособной по сравнению с радикальным исламизмом и, в результате, в Средней Азии складывается тенденция к замещению традиционной преступности криминально-экстремистскими группами с исламистской идеологией [13, с. 35-36, 46].

К примеру, существенную тревогу у властей Киргизстана вызывает быстрая ориентация на конкретную среду и гибкость в действиях радикальных религиозных групп и примыкающей к ним запрещенной в стране решением Верховного суда экстремистской организации «Жайшуль махди». Известны случаи, когда члены этой организации в тюрьме за короткое время сумели обратить сокамерников в своих ярких сторонников [16, с.11]. На этом фоне беззубость и рыхлость традиционного ислама и его институтов вкупе с вечными переворотами внутри Духовного управления мусульман Киргизии лишь усугубляет проблему [17].

Поэтому, вполне можно согласиться с точкой зрения, что отсутствие эффективной государственной системы мер идеологического и информационного противодействия радикальной идеологии в пенитенциарных учреждениях стало одной из важных причин распростране-

ния исламизма среди заключенных [18, с.171]. При этом возникает следующая проблема: зачастую на распространение исламизма в пенитенциарных учреждениях как администрация этих учреждений, так и ФСИН в целом пытаются ответить привлечением к богослужениям в тюрьмах «официального» мусульманского духовенства, пропагандой традиционного ислама ханафитского мазхаба. Однако, по ряду оценок, это не всегда бывает эффективно, поскольку среди осужденных исламистов авторитет таких «официальных» имамов достаточно низок и отношение к ним зачастую негативное [19]. И эта тенденция прослеживается как в России, так и в среднеазиатских странах постсоветского пространства.

Отдельно стоит заметить, что экстремистские сообщества, в поисках финансирования не избегают доходов от криминальной деятельности (рэклет, разбой, наркоторговля и т.п.), а это создает дополнительную возможность для сближения исламистов и криминалитета. И, что касается симбиоза джихадистов и криминала «на воле», то очевидным примером сращивания религиозного экстремизма, политического терроризма и уголовщины стало дело «банды ГТА» в Подмосковье, состоявшей из граждан Узбекистана [20]. Жертвами банды стали 17 человек и еще двое были ранены. В ходе изучения материалов дела стало известно, что участники банды совершали разбойные нападения и убийства для того, чтобы получить денежные средства и устроить военный переворот в Узбекистане. Согласно показаниям обвиняемых, они не планировали террористический акт в России, однако, если бы им дали такое указание, то они «не могли не исполнить приказ». Члены банды проходили подготовку к вооруженному восстанию в специальном лагере в Пакистане, где они обучались стрельбе из различных видов огнестрельного оружия, минно-саперному делу, приемам рукопашного боя, тактике партизанской войны, навыкам конспирации и т.п. Проживая в России, они старались совершенствовать боевую подготовку и, согласно показаниям обвиняемых, стреляли по самодельным мишеням, на которые прикреплялась фотография президента Узбекистана Ислама Каримова [21].

Таким образом, тенденция к формированию криминально-экстремистских группировок, первоначально обозначившаяся в 1990-е гг. на Северном Кавказе, стала охватывать и другие регионы и страны. Речь идет о бандитских группах, которые занимаются разбоем, рэклетом, похищением людей и т.п., но придерживаются

не традиционной криминальной идеологии («воровского закона»), а исповедуют радикально-исламистские взгляды. По сути, на сегодняшний момент существенная часть исламистского подполья на Северном Кавказе представлена не столько идейными борцами, сколько именно такими группами. В случае с среднеазиатскими уголовно-экстремистскими ОПГ существенную роль играет торговля наркотиками [13, с.16].

Вообще, рост влияния наркомафии, в частности, угроза объединения усилий криминалитета, занятого транспортировкой наркотиков, с террористическими группами представляет отдельную проблему. За последние годы практически во всех странах среднеазиатского региона наблюдается рост числа наркозависимых людей, что связывается экспертами с нерешенностью проблемы поступления наркотиков из Афганистана. Социально опасной проблемой становится формирование «наркоидеологии джихада» — идеологического обоснования наркоторговли, которая стала рассматриваться как один из действенных инструментов борьбы с Западом и его союзниками. Можно найти и примеры финансирования террористической деятельности из средств, полученных на продаже героина [22, с.146].

Казахстанские источники отмечают наличие связей местных террористов с единомышленниками на Ближнем Востоке (в том числе через российский Северный Кавказ). Отмечается, что изначально в Казахстане носителями экстремистской идеологии были выходцы с Северного Кавказа, в первую очередь — этнические чеченцы, находившиеся там в ссылке в сталинское время. Причем, именно группы уголовников-исламистов становятся той благоприятной социальной средой в Казахстане и Киргизии, которая вступает во взаимодействие с идеологическими и финансовыми потоками с Ближнего Востока. В Киргизстане тенденция к исламизации криминала привела в последнее время к серьезному росту числа «джамаатов» на деле занимающихся бандитизмом, в том числе на севере страны, который традиционно считался значительно менее подверженным религиозному экстремизму, чем юг. Освоение экстремистско-террористическими сетями криминальной среды стало долгосрочным трендом, которому власти в Казахстане и Киргизии пока ничего не способны противопоставить. Это может со временем приводить к росту террористической активности в обоих государствах (а также к аналогичным процессам на Северном Кавказе) [13, с. 35—36, 46].

За последние годы и многие члены ОПГ в Татарстане превращаются в активных исламистов. Так, на многих рынках Казани салафитский криминал пытается придать религиозную окраску рэкету: если торговец — «этнический» мусульманин, то у него вымогают «закят» (милостыню), «обязательный для каждого мусульманина»: в пользу «джамаата», на помощь «братьям», сидящим в тюрьмах или ведущим «джихад». Такой «религиозно» обоснованный рэкет распространяется и на торговцев немусульманского происхождения, с отсылкой к историческому прецеденту «защиты» христиан и иудеев как «народа Книги» в исламском халифате, за что «защищаемые» обязаны выплачивать «джизью» (налог для неверных). Отдельно стоит обратить внимание на увеличение прозелитов из числа уголовников этнически русского происхождения, принимающих ислам радикального толка под влиянием своих поделников-исламистов. Такие «русские мусульмане» зачастую демонстрируют даже более высокую, чем у остальных «братьев» степень радикализма [23, с.13].

Эксперты (Р.Р. Сулейманов и др.) отмечают и такой факт, свойственный исламистскому обществу в Поволжье. Если на тематических интернет-форумах можно встретить споры между приверженцами разных течений радикального исламизма (поскольку различаются идеологии салафитов/ваххабитов, «братьев-мусульман», хизб-ут-тахрировцев, джамаат-таблиговцев и др.), то в реальности нет противостояния между вовлеченными в криминальные группировки исламистами различного толка. Борьба за сферу влияния путем вооруженного противостояния представителей разных течений исламизма, вовлеченных в ОПГ, не характерна для Татарстана. Напротив, исламисты различного толка скорее проявляют солидарность друг к другу: не важно, кто ты по взглядам, главное, что ты — мусульманин, «брат». Упоминаются случаи, когда в одной ОПГ состояли и ваххабиты и хизб-ут-тахрировцы [24].

Отдельную проблему представляет опасность усиления влияния исламизированных криминальных кругов на социально маргинализированную молодежь, особенно происходящую из этнических групп с мусульманской идентичностью. Это может дать мощную социальную базу для радикализации. [13, с. 21, 46].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в условиях идейного кризиса большинства светских универсальных идеологий западного происхождения возрастает значимость религиозно

окрашенного «политического ислама» как основной радикальной идеологии, способной эффективно воздействовать на различные социальные страты населения.

Список литературы

1. Белла Р. Социология религии. //Американская социология. Проблемы, перспективы, методы. М.: Прогресс, 1972.
2. Varieties of Civil Religion. /Ed. by Robert N. Bellah & Philipp Hammond. San Francisco: Harper & Row, 1980.
3. Bellah, Robert N. Civil Religion in America//Dædalus, Journal of the American Academy of Arts and Sciences, Winter 1967, Vol. 96, № 1 [URL: http://www.robertbellah.com/articles_5.htm]
4. Bellah, Robert N. Civil Religion in America //Religion American Style./Ed. by Patrick H. McNamara. NY: Harper & Row, 1974.
5. Селезнёв И.А. Феномен радикального ислама в делинквентной среде в современных странах Европы и России// Вестник Академии экономической безопасности МВД России, 2015, № 6.
6. Селезнёв И.А. Причины распространения радикального исламизма в делинквентной среде Западной Европы и России XXI в.// Бюллетень Центра этнорелигиозных исследований, СПб, 2017, № 1 (5).
7. Kern S. Britain: Muslim Prison Population Up 200%. [URL: <http://www.gatestoneinstitute.org/3913/uk-muslim-prison-population>]
8. «Треть заключенных-мусульман Британии приняли ислам в тюрьме» [URL: <http://www.islam-news.ru/news-24729.html>]
9. Аничкин А. Обращенные неволей. [URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2259022>]
10. «Заключенных Великобритании насильно заставляют принимать ислам». [URL: <http://www.sedmitza.ru/text/3975000.html>]
11. Лиснянская Д. Английский заключенный 21-го века. [URL: <http://www.polosa.co.il/blog/34759/>]
12. Туманов Г. Зеленая зона. ФСИН усиливает борьбу с тюремными исламистами. [URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2901612>]
13. Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Угроза религиозного экстремизма на постсоветском пространстве / Центр изучения перспектив интеграции. М., 2017.
14. Сулейманов Р. Тюремный халифат// «Независимая газета», 21.02.2013 [URL: http://www.ng.ru/regions/2013-02-21/3_kartblansh.html]
15. Сологуб Н. «Все мы носили с собой лезвие». Рассказывает Касс — автор одного из самых популярных тюремных блогов на русском языке. [URL: https://zona.media/article/2018/02/19/kass?utm_source=bumaga&utm_medium=partners&utm_campaign=friends]
16. Гусев Л.Ю. Безопасность в странах Центральной Азии – проблемы и вызовы//Современные евразийские исследования, 2016, Вып. 3.
17. Чериков С. Кыргызстан — полигон террористического интернационала? // Новости Центральной Азии, 28.09.2012. [URL: <http://centrassia.ru/kirgizstan/17-kyrgyzstan-poligon-terroristicheskogo-internacionala.html>]
18. Яворский М.А. Причины радикализации осужденных в местах лишения свободы в России и за рубежом // Национальная безопасность: стратегические приоритеты и система обеспечения. Пермь, 2016.
19. Мальцев Вл. «Аллах акбар!» в СИЗО: как радикальные исламисты усиливают свое влияние в российских тюрьмах. [URL: http://rusvesna.su/ recent_opinions/1461753940]
20. «Банда ГТА» оказалась ваххабитской сектой. [URL: <http://www.rosbalt.ru/moscow/2014/11/06/1334994.html>]
21. Карев А. Стреляли по мишеням с фотографией президента Каримова. К концу процесса над «бандой ГТА» выяснилось, что ее участники планировали вооруженное восстание в Узбекистане.// «Новая газета», № 18, 19.02.2018 [URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/02/13/75503-strelyali-pomishenyam-s-fotografiei-prezidenta-karimova>]
22. Селезнёв И.А. Роль ОДКБ и ШОС в обеспечении безопасности стран Средней Азии // Социально-гуманитарные знания, 2017, № 4.
23. Сулейманов Р. Аллах его знает. О сращивании мусульманского фундаментализма и криминала в Татарстане//«Слово», № 23 (884), 12-25.12.2014.
24. Сулейманов Р. Организованные преступные группировки (ОПГ) и салафизм: сращивание религиозного фундаментализма и криминала в Татарстане // Вторые Саматовские чтения: материалы научно-практической конференции / Сост. В.М. Якупов. Казань: Иман, 2011.

TRANSFORMATION OF FAMILY AND FAMILY VALUES IN THE MINDS OF MODERN YOUTH

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЬИ И СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Alexander Petrovich Khavrak,
associate professor, associate professor of the
Department of Socio-Economic
and Humanitarian Disciplines of the Moscow Department
of the Moscow University of the MIA
of Russia named after V.Ya. Kikot
E-mail: xavrak44@mail.ru

Natalia Vladimirovna Nikolaeva,
candidate of philosophical sciences,
senior lecturer of the Department of
Socio-Economic and Humanitarian Disciplines
of the Moscow Department of the Moscow University
of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot
E-mail: sicleph@mail.ru

Александр Петрович Хаврак,
доцент, доцент кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин МОФ Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: xavrak44@mail.ru

Наталья Владимировна Николаева,
кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры
социально-экономических и гуманитарных
дисциплин МОФ Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: sicleph@mail.ru

Научная специальность: 09.00.05 — этика
09.00.13 — философская антропология, философия культуры, религиоведение

Annotation. The article explores the retrospective of family-marriage relations, identifies the main trends and causes of negative phenomena in the social institution of the family in modern Russia. We consider the cause-effect relationships, the processes that led to the transformation of the values of the family and family values in the minds of young people, and their consequences. The necessity of activating the role of the state in the issues of moral education, tendencies of the mass media, especially the Internet and television, is justified in order to minimize the negative consequences of the crisis phenomena in Russian society

Key words: family, value, youth, family values, monogamous family, political course, market character, value system, patriotic upbringing.

Аннотация. В статье изучена ретроспектива семейно-брачных отношений, определены основные тенденции и причины негативных явлений в социальном институте семьи в современной России. Рассматриваются причинно-следственные связи, процессы, приведшие к трансформации ценности семьи и семейных ценностей в сознании молодежи, и их последствия. Обосновывается необходимость активизации роли государства в вопросах нравственного воспитания, тенденций средств массовой информации, особенно интернета и телевидения, с целью минимизировать негативные последствия кризисных явлений в российском обществе.

Ключевые слова: семья, ценность, молодежь, семейные ценности, моногамная семья, политический курс, рыночный характер, система ценностей, патриотическое воспитание

Семья, как известно, является одной из древнейших форм организации общества и, безусловно, основной и бесспорной общечеловеческой ценностью. Понятием «ценность» в философской трактовке принято обозначать социальное, индивидуальное и культурное значение каких-либо явлений действительности.

На протяжении всей истории становления общества семья всегда была и по-прежнему остается наиболее эффективным средством обеспечения воспроизводства и социализации новых поколений, сохранения и передачи им культурного достояния своего народа, традиций, этических правил и норм, стереотипов поведения.

Еще античные мыслители, осознавая эту роль семьи в общественном развитии, исследовали ее функции и особенности. Одним из первых вопросы брачно-семейных отношений осмысливал древнегреческий философ, ученик Сократа, Платон. Заботясь о здоровом потомстве, он утверждает, что женщины должны рожать в возрасте от 20 до 40 лет от мужчин не старше 55 лет. Процесс обучения должен осуществляться целенаправленно, вплоть до зрелого возраста, и направлен на воспитание гражданина. Даже игры наших детей, писал Платон, должны как можно больше соответствовать законам, потому что, если они становятся беспорядочными и дети не соблюдают правил,

невозможно вырастить из них серьезных законопослушных граждан [4, с.194].

Однако одним из первых теоретиков семьи по праву считают ученика Платона, гениального мыслителя Аристотеля. Он впервые обосновал общий взгляд на семью как социальное образование. Свои взгляды он изложил в работах «Политика» и «Никомахова этика», в которых развивал платоновскую теорию патриархальной семьи, которая, по утверждению Платона, являлась исходной ячейкой общества. Вместе с этим, Аристотель определяет семью, как общение, естественным путем возникшее для удовлетворения повседневных надобностей. Он утверждает, что образовавшаяся семья — это муж и жена, родители и дети. «...Родители любят детей как часть самих себя, ... а дети любят родителей, будучи частью от них... Родители любят свои порождения сразу же, а дети родителей — по прошествии известного времени, когда они начнут соображать или чувствовать. Отсюда ... ясно, почему матери сильнее питают дружбу к детям, нежели отцы». [1, с. 237]. Таким образом, семья у Аристотеля лежит в основе общественного устройства и государства.

Вместе с тем, серьезное научное изучение форм семейной жизни началось только в XIX веке и связано с исследованиями американского ученого — Л. Моргана и русского — М. Ковалевского.

Л. Морган в своей работе «Древнее общество», которая явилась итогом исследования более чем 200 общественных групп и продолжавшегося почти сорок лет (опубликованной в 1877 г.) приходит к выводу, что семья в своем развитии прошла следующие этапы:

- промискуитет (от лат. *promiscuus* — «без разбора», «общий») — беспорядочные половые связи первобытных мужчин и женщин, в которые могли вступать даже кровные родственники;
- кровно-родственная семья — первая ступень семьи, основанная на групповом браке между братьями и сестрами двух родов Супружеские отношения исключались между предками и потомками;
- семья-пуналуа (от гавайск. *puhala* — близкий товарищ) — основанная на групповом браке нескольких сестер, родных и сродных (двоюродных и троюродных), с мужьями каждой из них, или групповом браке нескольких братьев с женами каждого из них;

- парная семья — образование постоянных пар на более или менее продолжительный срок, но без исключения сожительства. На этой ступени уже запрещаются половые связи между всеми родственниками;
- моногамная семья — пожизненное единобрачие отдельных пар с исключением сожительства. Моногамия — более прочный союз, нежели парная семья. Только муж мог расторгнуть брачные отношения [4, с. 350].

Следовательно, современная семья прошла длинный путь эволюционных преобразований.

Однако в последние десятилетия в развитии российской семьи наметились тенденции: а) увеличение доли разводов и неполных семей; б) снижение рождаемости и, что чрезвычайно негативно для государства — это размывание системы семейных и традиционных для России нравственных ценностей и социальных ориентиров. Исследования, проведенные в этой области, отмечают, что это обусловлено рядом объективных факторов.

В первую очередь следует назвать изменение политического курса нашего государства — перевод экономики в систему рыночных отношений, что привело к негативным явлениям. Это проявилось, в первую очередь, в падении промышленного и сельскохозяйственного производства и, как следствие, резком снижении уровня жизни подавляющей части населения страны, нестабильности доходов, росте безработицы.

О чем более чем убедительно говорит Вице-премьер правительства России О.Ю. Голодец: «С наступлением неблагоприятных времен в национальной экономике в России неуклонно растет уровень бедности. Согласно данным Росстата, в 2015 году показатель достиг максимума за последние десять лет — за указанный период за чертой бедности проживали 19,1 млн. человек (или 13,3% населения). В январе-сентябре прошлого года доходы ниже прожиточного уровня имели 20,3 млн. соотечественников (13,9% населения)». Впрочем, по данным О.Ю. Голодец, бедных «по самоощущению» в нашей стране еще больше: «Если по статистической оценке идет рост бедности и составляет 15%, что уже очень плохо для нас, то самоощущение людей, оно гораздо хуже». Эксперты РАНХиГС выяснили, что бедными считают себя 21% российских семей — одним денег хватает только на еду, другим и на нее не хватает.

Самой незащищенной группой с высокой группой риска бедности аналитики Всемирного банка называют граждан в возрасте 29—44 лет, с детьми (их доля среди наименее обеспеченных россиян составляет почти четверть) [7].

К тому же, коммерциализация сфер здравоохранения и образования, неудовлетворительность жилищных условий и чрезмерная занятость женщин в сфере обслуживания приводят к неустроенности быта и ограниченной возможности участия в воспитательном процессе, социализации подрастающего поколения.

М.В. Вдовина, выявляя причины семейных коллизий отмечает: «Глубоко укоренившаяся социальная напряженность блокирует реализацию многих духовных ценностей и моральных норм и в целом способствует деформации нравственных основ общества, семьи и личности» [2, с.70].

Наметилось столкновение интересов семьи и общества, что выражается в закрытости, замкнутости образа жизни значительной части населения, с одной стороны, и нравственная распущенность напоказ, так называемой элиты — с другой. Традиционные ценности русского народа: порядочность, честность, доброта, милосердие без поддержки государства стали «размываться» и значительная часть, особенно молодежи, живет в атмосфере идейного и нравственного вакуума.

Прав был Эрих Фромм, утверждавший, что «люди с рыночным характером не умеют ни любить, ни ненавидеть. Эти «старомодные эмоции» не вписываются в структуру характера, функционирующего почти полностью на рассудочном уровне и избегающего любых чувств, как положительных, так и отрицательных, которые могут помешать достижению основной цели рыночного характера — продажи и обмена, а — точнее, функционированию в соответствии с логикой «мегамашины», частью которой они являются. Их не волнуют никакие вопросы, кроме одного: насколько хорошо они функционируют? Судить же об этом можно по степени их продвижения по бюрократической лестнице». И далее: «Поскольку люди с рыночным характером не испытывают глубокой привязанности ни к себе, ни к другим, им все безразлично, но не потому, что они такие эгоисты, а потому, что их отношение к себе и другим столь непрочное» [8]. А в работе «Рыночный характер» и «кибернетическая религия» он

отмечает: «Люди с рыночным характером не интересуются (по крайней мере, сознательно) такими философскими или религиозными вопросами, как «для чего живет человек?» и «почему он придерживается того, а не иного направления?». У них свое гипертрофированное, постоянно меняющееся «я», но ни у кого нет «самости», стержня, чувства идентичности» [9].

Профессор А.В. Мудрик, характеризуя современное российское общество, отмечает, что оно находится на переходном этапе своего развития — в условиях социальной нестабильности, связанной с множественностью идеологий, стилей жизни и норм поведения. По этой причине невозможен «социальный консенсус», который проявляется в несовпадении и даже в противостоянии интересов разных возрастных групп (в том числе и в семье). Процесс социализации затруднен — устоявшаяся модель личности с конкретными ценностями, расположенными в устойчивой иерархии — отсутствует [6, с.102].

В нашей стране, в последние время среди молодежи, получает широкое распространение сожителство, которое называется «гражданским браком», где мужчины и женщины живут вместе, ведут совместное хозяйство и даже воспитывают своих детей, однако официально оформлять свои отношения не торопятся.

Наблюдается «раскол» во взаимопонимании между поколением родителей и детей. Фундаментальные ценности старшего поколения, которые сформировались во времена господства социалистических общественных отношений, с большими трудностями трансформируются в их сознании с нравственными принципами новой, рыночной морали. Академик С.В. Дармодехин, исследующий эти процессы отмечает, что многие семьи так и не сумели сформировать «защитные» стратегии и механизмы [3, с.10].

И, как следствие этих процессов, в систему культурных ценностей нашей молодежи, не без активной и наступательной деятельности средств массовой коммуникации (особенно телевидения) внедряются ценности западноевропейской и американской культуры с их культом вещиизма и получение удовольствия любой ценой. Акцент делается на имидж (искусственный образ), т.е. «не быть, а казаться». Забота о внешнем образе и наличии материальных ценностей, добытых любыми путями и средствами, становятся смыслом жизни, а душевные качества в этой системе ориентиров не находят места.

В общественном сознании все более прочное место, как ценности, занимают эгоизм и индивидуализм, равнодушие, цинизм и неуважительное отношение не только к старшему поколению, но и социальным институтам. Сегодняшний молодой человек (в массе своей) не способен жертвовать во имя любых социальных общностей и ставить групповые интересы выше личных.

Значительно обедняется и опошляется русский язык, засоряясь иностранными словами и жаргоном, которые потоком «льются» с экрана телевизора, стала модной блатная песня. По сути, происходит вытеснение национальной культуры массовой, со всеми ее негативными проявлениями, а в некоторых случаях и субкультурой, которая фактически вообще отрицает необходимость ценностной системы и, как следствие, нравственный релятивизм заменяется нигилизмом [10, с.198].

На эти, крайне опасные для государства и общества процессы указывал еще в конце XX века В.И. Лутовинов, выступая на межрегиональной научно-практической конференции в Волгограде. Он утверждал: «Социальный мир XXI века, в который вступает Россия, требует своего собственного осмысления, связанного со сменой вектора общественного развития, норм и ценностей, уклада жизни. Одним из характерных проявлений духовной опустошенности и низкой культуры в обществе, особенно среди молодежи, явилось резкое падение роли и значения патриотизма как одной из ценностей нашего народа и его героической истории. После потери былых идеологических опор, которые задавались в доперестроечные годы всей системой воспитания, для значительной части молодежи характерна потеря мировоззренческих и нравственных ориентиров, отсутствие четкой системы ценностей» [3, с. 18].

В сложившихся условиях именно государство на всех уровнях власти должно пересмотреть исторический опыт советской эпохи в образовании и воспитании и создать заново, соответствующую современным социально-экономическим, политическим и духовным потребностям общества и государства, систему воспитания, особое внимание уделив средствам массового воздействия на сознание — киноискусству, интернету, в особенности социальным сетям и телевидению.

Если на всех каналах демонстрируется изощренность насилия в различных вариациях, то ждать в жизнедеятельности общества гуманизма и милосердия, по меньшей мере, наивно. Видимо, настало время, на наш взгляд, внедрять в этой чрезвычайно важной сфере духовного творчества «Общественные советы», наделив их полномочиями пристрастного анализа результатов творения на соответствие его традиционным ценностям нашего народа.

Государственная молодежная политика должна преследовать основную цель — формирование базы семейных ценностей, и, как следствие, тех качеств личности, благодаря которым любовь и служение сильной Родине, обеспечение ее целостности и суверенитета как государства, станут залогом стабильности и прогрессивного социального развития. Мы не устанавливаем приоритет общественных интересов над личными, правда, это отголоски социализма, который, к сожалению, без диктатуры власти невозможен. Нужно создать такую страну, которую будут любить. Пропаганда патриотизма как самоцели бессмысленна. Патриотическое чувство к своей стране у молодежи созреет само собой, когда будущее молодой семьи будет защищено государством! В такой стране будет хотеться жить, учиться, жениться, растить детей. Молодежь должна чувствовать защищенность и уверенность в завтрашнем дне, чтобы строить семью. Государство обязано взять курс на восстановление семьи и традиционных семейных ценностей, в первую очередь в СМИ, в кинематографе, интернете, социальных сетях, и законодательно подкрепить эти тенденции. Эти ориентиры, воплощенные в социально-экономической сфере и будут определять смыслозначимые ориентации каждого молодого человека.

Список литературы

1. *Аристотель*. Никомахова этика. //Аристотель. Соч. в 4-х т. М.,1984. Т.4. С. 237.
2. *Вдовина М.В.* Возможности регулирования конфликта в семье//Знание. Понимание, Умение. 2009. № 4. С. 70-74.
3. *Лутовинов В.И.* Современное понимание российского патриотизма // Патриотическая идея накануне XXIвека: прошлое или будущее России: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Волгоград, 19—20 ноября 1998 г.) Волгоград: Перемена, 1999. С. 17—22.

4. Морган Л.Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации // *Ancient Society*. Л.: Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. С. 350

5. Платон. Государство. Соч. в 3-х т. М., 1970. Т. 3. Ч. 1 С. 194.

6. Дармодехин С.В. Трансформация ценностных ориентаций в современной семье. *diplomba.ru work/117809*.

7. «Уникальное явление». Почему в России так много бедных. *aif.ru«money/mymoney/unikalnoe... tak... rabotayushchih...*

8. Фромм Э. «Рыночный характер» и «кибернетическая религия». *blprizrak.livejournal.com*.

9. Фромм Э. «Иметь или быть». *blprizrak.livejournal.com*.

10. Челомбицкая М.П. Лавинский Н.Г. Ценностные ориентиры современного общества // *Молодой ученый*. 2011. № 12. Т.1. С. 198–201).

List of references

1. Aristotel. *Nikomakhova ethic*. //Aristotel. Composition in 4 parts. М., 1984. P.4. P. 237.

2. Vdovina M.V. The possibilities of conflict regulation in family. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2009. № 4. P. 70-74.

3. Lutovinov V.I., The modern understanding of Russian patriotism // *Patriotic idea on the eve of XXI age: past or future of Russia: summary of interregional scientific and practical conf. (Volgograd 19-20 november 1998)*. Volgograd: Peremena, 1999. P. 17–22.

4. Morgan L.G. Ancient society or Research of human progress lines from vildness through barbarism to civilization. //*Ancient Society*. L.: Publishing house of Nord folk inst CIC USSR, 1935. P. 350

5. Platon. *Government*. Compos in 3 parts. М., 1970. P. 3. P. 1 P. 194.

6. Darmodekhin S.V. The transformation of value orientation in modern family. *diplomba.ru work/117809*.

7. «Unique phenomenon» Why there are so many poor in Russia. *aif.ru«money/mymoney/unikalnoe... tak...rabotayushchih...*

8. Fromm E. «Market pattern» and «Cybernetic religion» *blprizrak.livejournal.com*.

9. Fromm E. «To have or to be» *blprizrak.livejournal.com*.

10. Chelombitskaya M.P. Lavinskiy N.G. Value orientiers of modern society // *Young scientist*. 2011. № 12. P.1. P. 198–201).

THE PLACE AND ORIGINS OF THE FORMATION
OF DIALECTICAL IDEAS
IN THE PHILOSOPHY OF FRIEDRICH ENGELS

МЕСТО И ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ
ДИАЛЕКТИЧЕСКИХ ИДЕЙ
В ФИЛОСОФИИ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА

Alexander Petrovich Khavrak,
associate professor, associate professor of the Department
of Social, Economic and Humanitarian Disciplines
of the Moscow Department of the Moscow University
of the MIA of Russia named after V.Ya. Kikot
E-mail: xavrak44@mail.ru

Natalia Vladimirovna Nikolaeva,
candidate of philosophical sciences, associate professor of the
Department of Social, Economic and Humanitarian Disciplines of
the Moscow Department of the Moscow University of the MIA
of Russia named after V.Ya. Kikot
E-mail: sicleph@mail.ru

Александр Петрович Хаврак,
доцент, доцент кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин МОФ Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: xavrak44@mail.ru

Наталья Владимировна Николаева,
кандидат философских наук, доцент кафедры
социально-экономических и гуманитарных
дисциплин МОФ Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: sicleph@mail.ru

Научная специальность: 09.00.05 — этика
09.00.13 — философская антропология, религиоведение, философия культуры

Annotation. The article describes the contribution of F. Engels to the development of philosophy, the origins of his ideas in dialectics as a theory of the nonlinear development of nature and society, which should become the central method of research in opposition to the metaphysics criticized by him

Key words: historical materialism, dialectical materialism, metaphysics, progress, regression

Аннотация. В статье описываются вклад Ф. Энгельса в развитие философии, истоки его идей в диалектике как теории нелинейного развития природы и общества, которая должна стать центральным методом исследования в противовес критикуемой им метафизики.

Ключевые слова: исторический материализм, диалектический материализм, метафизика, прогресс, регресс

Философские взгляды Фридриха Энгельса формировались, во-первых, в тесной связи с развитием взглядов Карла Маркса, оказавшего на Энгельса огромное влияние, и, во-вторых, с их совместной активной политической деятельностью.

Вначале Энгельс — младогегельянец. Познакомившись со взглядами Л. Бёрне, прогрессивного политического публициста и борца с феодальной реакцией, философией Л. Фейербаха, он приходит к убеждению, что необходимо серьезнейшим образом изучить философию, чтобы понимать истину и результативно участвовать в политической борьбе с буржуазией.

Знакомство Энгельса с Марксом и начало их совместной деятельности оказали решающее влияние на формирование их философских взглядов и создание нового материалистического учения — марксизма — теории преобразования

общества: освобождение рабочего класса от эксплуатации и построение бесклассового общества.

О роли Маркса в создании учения, уже после его смерти, говорит сам Энгельс: «То, что внес я, Маркс мог легко сделать и без меня, за исключением, может быть, двух-трех специальных областей. А то, что сделал Маркс, я никогда не смог бы сделать. Маркс стоял выше, видел дальше, обозревал больше и быстрее всех нас. Маркс был гений, мы, в лучшем случае, — таланты» [1, с. 399].

Вместе с тем, наряду с огромной теоретической и практической деятельностью по руководству международным революционным рабочим движением, Энгельс создал ряд крупнейших произведений по философской проблематике, в которых понятным языком, иллюстрируя на конкретных примерах, излагает и обосновывает диалектический и исторический материализм.

Уже в своем труде «Анти-Дюринг» (1878 г.) во «Введении», критикуя философскую «мещанину» автора, Евгения Дюринга, Энгельс излагает суть диалектического метода познания подчеркивая, что только применяя исключительно его можно достоверно постичь действительное, тогда как метафизика приведет к обратному.

«Для диалектики существенно то, подчеркивает Энгельс, что она берет вещи и их умственное отражение в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении...», и далее... «точное представление о вселенной, о ее развитии и о развитии человечества, равно как и отображение этого развития в головах людей, может быть получено только диалектическим путем, при постоянном внимании к общему взаимодействию между возникновением и исчезновением, между прогрессивными изменениями и изменениями регрессивными» [2, с. 22]. Диалектический метод познания мироздания в целом и в его конкретных проявлениях, сегодня, бесспорно, является основным методологическим принципом в любой научной области.

Детальным образом исследуя проблемы бытия, Энгельс формулирует основной вопрос философии, объясняя, что он имеет две стороны (что первично: дух или материя? познаваем ли мир?), и по ответам на эти вопросы все философы невольно разделяются на материалистов и идеалистов.

Он обосновывает материализм, что такое сознание и откуда оно берется, формулирует основы диалектики и детально раскрывает их универсальный характер.

Полемизируя с Дюрингом, Энгельс утверждает: «Для диалектической философии нет ничего раз и навсегда установленного, безусловного, святого» [3, с. 376]. Все находится в постоянном движении. «Движение есть способ существования материи. Нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения. Всякий покой, всякое равновесие только относительно, они имеют смысл только по отношению к той или иной определенной форме движения» [4, с. 59].

Анализируя исторический процесс Энгельс формирует важнейшее умозаключение: «История так же, как и познание, не может получить окончательного завершения в каком-то совершенном, идеальном состоянии человечества; ... все общественные порядки, сменяющие друг друга в ходе истории представляют собой лишь переходящие ступени бесконечного развития человеческого общества от низшей ступени к высшей» [5, С.375].

Развернув масштабную теоретическую и практическую деятельность по руководству международным революционным движением, в то же время Фридрих Энгельс внес существенный вклад в развитие материалистической философии. Многие положения и выводы, содержащиеся в его трудах, являются основой для развития материализма и остаются актуальными и по сей день. Гениальность и прозорливость мыслителя, масштабность и глубина его личности восхищают и окрыляют в творческих поисках истины.

Источники литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М.: Политиздат, 1981.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Т. 20. М.: Политиздат, 1961.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М.: Политиздат, 1981.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Т. 20. М.: Политиздат, 1961.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М.: Политиздат, 1981.

Bibliographic sources

1. Marx K. and Engels F. Selected works. In 3 volumes, T. 3. Moscow: Politizdat, 1981.
2. Marx K. and Engels F. T. 20. Moscow: Politizdat, 1961.
3. Marx K. and Engels F. Selected works. In 3 volumes, T. 3. Moscow: Politizdat, 1981.
4. Marx K. and Engels F. T. 20. Moscow: Politizdat, 1961.
5. Marx K. and Engels F. Selected works. In 3 volumes, T. 3. Moscow: Politizdat, 1981.

MONETARISM AND MERCANTILISM IN THE ROLE OF THE ECONOMIC DOCTRINE

МОНЕТАРИЗМ И МЕРКАНТИЛИЗМ В РОЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ

Mikhail Mikhailovich Chepel,
candidate of philosophical sciences, associate professor
E-mail: Praetor17@mail.ru

Михаил Михайлович Чепель,
кандидат философских наук, доцент
E-mail: Praetor17@mail.ru

Annotation. The article is an attempt to analyze the social process from the standpoint of the logic of history. The Logico-Historical School considers every object of cognition as the development of an «organic whole». The global community, which is at the stage of crisis, attempts at globalization, is the object of our study. The core of the ideology of the world community is monetarism and mercantilism.

Key words: monetarism, organic whole, mercantilism, logico-historical school, globalization

Аннотация. Статья представляет собой попытку дать анализ общественного процесса с позиций логики истории. Логико-историческая школа рассматривает всякий объект познания как развитие «органического целого». Мировое сообщество, находящееся на стадии кризиса попытки глобализации, является объектом нашего исследования. Ядром идеологии мирового сообщества являются монетаризм и меркантилизм.

Ключевые слова: монетаризм, органическое целое, меркантилизм, логико-историческая школа, глобализация

Меркантилизм (англ. mercantilism, нем. Merkantilismus — торговля) представляет собой экономическую доктрину, являющуюся идеологическим ядром современного капитализма, капитализма XXI в. Эта доктрина имеет своим основанием положение, что источником богатства является сфера товарного и денежного обращения, а не производство реальных благ. Содержание богатства — золотые и серебряные деньги (а то и просто бумажный доллар). Внешняя торговля должна иметь положительный баланс импорта и экспорта. Преимущество за вывозом товаров в виде готовых изделий. Большое значение меркантилизм придает таможенному регулированию.

Монетаризм (франц. monetaire — денежный) рассматривает экономику более узко, чем меркантилизм. Предметом обращения здесь становятся сами деньги и ценные бумаги. Одно из непреложных требований современного монетаризма — ограничение вмешательства государства в регулирование экономики при ведущей роли финансовой системы, которая привязана (в России) к цене на нефть и к доллару. Кроме этого, например, российская финансовая система зависит от внешних политических факторов, а в конечном итоге от частных лиц.

Монетарные формулы:

$$1) MV = PQ \quad 2) M = KPY,$$

где M — количество денежной массы находящейся в обращении (часть денежной массы постоян-

но изымается из оборота, отсюда так называемые мыльные пузыри из денег);

V — скорость обращения;

P — уровень цен;

Q — реальный объем производства;

K — доля наличных денег в обращении;

Y — размер реальных доходов.

Предлагаем читателям самим сделать оценку этих формулярных позиций, насколько они могут описывать реальную экономику, где невероятно высокую роль играют прикладная и теоретическая наука, квалификация работников всех уровней, производство.

В монетаризме значительную роль играет так называемая гипотеза постоянного дохода. Обычно гипотезы выдвигаются с целью их проверки на логическую непротиворечивость и на соответствие объективным реалиям (фактам). То есть гипотезы выдвигаются для того, чтобы впоследствии, доказав их, получить знание или, опровергнув, приступить к формулировке новой гипотезы. Главное условие принятия гипотезы — это ее проверяемость. Данное же утверждение не может быть принято ни в качестве гипотезы, ни в качестве концепции. Это только рамка видения, причем искаженного видения экономики. При этом отметим, что монетаризм распространяет свои идеи и на страны, находящиеся под внешним управлением, контролем. Будучи политически зависимыми, и в силу этого обстоятельства находящиеся в состоянии не-

развитом, причем развитие под внешним управлением и невозможно; — то для них «гипотеза постоянного дохода» совершенно не применима.

Понятие инфляции в данной рамке видения экономики мыслиться как явление, возникающее, если темпы ее роста меньше чем темпы роста количества денег. Здесь же следует упомянуть «монетарное правило»: *предложение денег должно расширяться с той же скоростью, что и темпы роста ВВП.*

Понятия «рынок», «рыночные отношения», применяемые в рамке монетаризма чаще всего соотносят с понятием «классического капитализма», описанного в капитале К. Маркса. Но, рынка свободной конкуренции давно уже не существует. «Рынок» в упомянутом его значении есть понятие, как говорится, относящееся к именам несуществующих вещей. Сам классический капитализм и его ценности (конкуренция, свободное ценообразование, свобода торговли и др.) давно ушли в прошлое. Суть современного капитализма (рынка) — сверх монополии в виде ТНК и свободная конкуренция как явление в экономике имеют место быть в качестве лишь периферийного явления. О рынке более подробно мы скажем несколько ниже.

Предлагаем рассмотреть некоторые сведения фактического характера. Взятые в соотношении друг с другом они должны дать нам пищу для выявления одной из существенных сторон современного капитализма.

Во-первых, по некоторым оценкам общая денежная масса (вместе с деривативами), т.е. бумажный оборот более чем в семьдесят раз превышает по стоимости товарную массу (массу вещей, находящихся в обороте) (См. политические дебаты Кургиян — Сванидзе) от 17 июня 2015 г. «Капитализм или советская экономика»). Причем эти данные имеют косвенное подтверждение из авторитетных источников. Журнал *Forbes* определяет мировую финансовую систему как «туберкулез экономики», а мировые финансовые рынки считает более опасными для нее, чем ядерное оружие.

Во-вторых, значительное число государств являются должниками, а сверхдержава США имеет государственный долг около двадцати триллионов долларов, который продолжает расти.

В-третьих, теневой частный капитал в разы, а то и на порядки превышает показанный капитал. Так показанный капитал дома Рокфеллеров составляет 500 млрд. долларов, а теневой капитал (по оценкам некоторых специалистов по теневой экономике (М. Делягин)), около 16 трлн долла-

ров. Теневой капитал Ротшильдов выражается в сопоставимых данных.

Думается, что и другие плутократические кланы имеют значительный теневой капитал. Соотношение предмета и тени может быть различным и, по-видимому, зависит от степени близости того или иного олигархического, точнее, плутократического клана к государственной власти. Российские сырьевые ТНК, скорее всего, имеют тень более длинную, чем в США. Причем некоторые российские плутократы практически весь капитал держат в тени.

Конечно, приведенные факты могут быть оспорены. И, мы заранее согласны на уступки и принимаем все возражения по величине теневого капитала, поскольку теневой капитал, хотя и ведет теневую бухгалтерию, но она не доступна, а теневой статистики — не существует. Ясно одно — теневой капитал огромен. Конкретизация и точность измерения не влияет на наши дальнейшие умозаключения. Потом исследователю позволительно судить о наличии, скажем, «черных кошек в темной комнате» по кошачьему вою или по наличию экскрементов, а существование теневого капитала косвенно подтверждается мощным ресурсом обеспечения, например, террористических армий, действующих в интересах ТНК.

Мировая финансовая система на данный момент представляет собой не только «туберкулез экономики», но и способ обогащения плутократических кланов, источник безграничного роста теневого капитала. Денежная масса продуцируется частными структурами и в частном интересе. Финансовый капитал осуществляет агрессию против «труда». Агрессия и подавление трудовых отношений присутствует в самой идее «торговли деньгами» и ценными бумагами, деривативами. Сторонники монетарного подхода такое положение дел считают нормальным. В этом порок системы и причина экономической недееспособности современных элит. Финансовый капитал «зарабатывает», исключая труд. Он предоставляет «дешевые деньги», либо «дорогие деньги», изымая «свою» долю просто так, как налог на общество.

Финансисты умны т.к. много зарабатывают, но бездарны, т.к. при этом не умеют производить. Не ставится даже задача по отысканию наукоемких проектов. *При банках нет структур, которые в состоянии были бы дать экспертную оценку научному открытию и внедрить его в производство.*

Т.о. государство, вместо экономической политики, осуществляет финансовую экспансию.

Наличие у олигархата столь значительных теневых капиталов следует рассматривать как очень сильный аргумент, свидетельствующий о том, что «демократия» (народовластие) — понятие, относящееся по квантору к категории *пустых*. Ибо все государства, называющие себя демократическими, на деле в качестве цели истории имеют благополучие плутократии с ее теневым капиталом. Они защищают не только самих плутократов, но и их конспиративное право его увеличивать.

В современном мире денежный капитал для большинства людей не есть благо, если рассматривать его с точки зрения общественного интереса. Он реально представляет собой потенциальную угрозу для экономики любого государства, региона, города.

Известно, что во время Великой Отечественной войны диверсии совершались, в том числе, и в виде распространения денег с целью вызвать дестабилизацию экономики.

Некоторые эксперты денежную массу сравнивают с мыльными пузырями. Но, какую угрозу человечеству могут представлять химеры, «мыльные пузыри», бумажные деньги, не обеспеченные ни золотом, ни товаром?

Но все-таки *деньги во мнении большинства представителей официальной экономической науки, представителей властных структур, для обывателя эти «мыльные пузыри» представляются как вполне материальные объекты и являются целью и смыслом жизни*. «Мыльные пузыри» — только иллюзия реальной величины, но это возможность подкупа и основание всеобщей коррупции «верхов», это финансирование терроризма, гибридных войн, «цветных революций» и иных сомнительных идеологических программ. Это «мыльные пузыри» движут наемными армиями (вооруженными и невооруженными) проолигархических структур.

Итак, частный капитал, и экономисты, которые являются скорее идеологами, чем учеными, обеспечивают господство и функционирование финансового капитала. Они считают деньги Богом. «Деньги работают», с помощью денег можно обеспечить развитие, импортозамещение, деньги — единственный стимул к труду. Забыты даже достижения эмпирической социологии, где концепция «экономического человека» давно преодолена. Установлено, что экономический стимул к труду имеет границу, после которой он не действует, что имеются другие стимулы, например, потребность в творческой самореализации. И, элементарно, труд на себя

не требует особого стимулирования, а эффективный труд требует постоянного повышения квалификации.

Выйти из кризиса для них означает — «залить кризис деньгами» и т.п. Мышление современных экономистов, при анализе экономики практически не покидает сферу денежного обращения. Всю экономику пытаются объяснить в терминах монетаризма: «соотношение курсов», «инфляция», «девальвация», «инвестиция», «волатильность финансовых рынков» и т.д. Только где-то там, на периферии их сознания маячит «реальный сектор» и мешает жить.

Считается, что понижение курса рубля может само по себе привести к развитию российской экономики. Такая безмерная свобода денежного обращения может привести к тому, что деньги перестанут удовлетворительно выполнять свою основную функцию — товарообмена. Свобода денежного обращения легко превращается в его диктатуру, в результате чего химера (пустые, не обеспеченные товаром деньги) начинает управлять действительностью. Это шибче чем, если хвост вертит собакой. Там все-таки соотношение большего и меньшего, т.к. и хвост, и собака предметны. В данном случае тень управляет действительностью. Может ли такое положение дел сохраняться долго?

Монетаризм — это ядро идеологии современного капитализма. Он возникает в XV в. как экономическая теория раннего капитализма. Как и всякая теория на начальной фазе своего развития монетаризм был формой поверхностного отражения экономических и социальных отношений того времени. Это была первая попытка, первое приближение к осмыслению экономики капитализма. Следовательно, как это всегда бывает, первое приближение неизбежно является поверхностным. Кроме этого и сам объект познания, — *капитализм* видится исследователю как развивающееся органическое целое, находящееся на ранней стадии развития и предстает, следовательно, на данном этапе перед взором исследователя в неразвитой форме. Соответственно мы можем представить ранний монетаризм в качестве неразвитой теории, отражающей развивающийся объект, находящийся на ранней стадии развития.

Такова логика становления любой теории и, соответственно, политической экономии *раннего капитализма*. Исследователь начинает рассмотрение объекта с его «**поверхности**», с живого созерцания сторон органического целого, воспринимаемого, в основном конкретно-чувственно.

В этом рассмотрении доминирует анализ. Данный анализ дает исследователю *хаотическое представление об органическом целом*. Поверхность фиксируется *наблюдением* и выглядит как функционирование *товарно-денежных отношений*.

Действительно поверхностный взгляд, для которого сущность богатства скрыта, видение природы капитала состоит в том, что богатство — это деньги, золото, *денежное обращение*. Богатство видится в данном случае не целиком, а лишь в форме денег. Как их добыть? Способы добычи богатства кажутся общеизвестными и понятными. Они лежат на поверхности и кажутся очевидными. Это торговля (отсюда связь монетаризма с меркантилизмом (mercate — торговец)), грабеж колоний и неразвитых стран, завоевания.

На ранней стадии становления новой общественно экономической формации, как уже отмечалось, развивающееся органическое целое не созрело и не может адекватно выражать сущность, качества и специфику отражаемого объекта. На этом этапе объект (развивающееся органическое целое) находится в неразвитом состоянии. Его существенные черты не сформировались. Современники, как бы они не были талантливы, не могут определить сущность данного (незрелого) явления. Следует отметить, на этом этапе развития монетаризм содержал крупную истину, поскольку это была все-таки *теория*, находящаяся на стадии становления.

Одними из первых критиков монетаризма стали экономисты XVII в. У. Петти и П. Буагильбер.

Д. Стюарт — экономист XVIII в. был последним сторонником меркантилизма раннего этапа его развития. Попытка осмыслить эту концепцию рационально породила в нем скепсис в отношении к ней и привела к возникновению *предпосылок* трудовой теории стоимости.

Физиократы (Ф. Кенэ, А.Р. Тюрго, В. Мирабо и др.) первыми обнаружили аксиому классической политической экономии капитализма. Они сформулировали ее следующим образом: «прибавочная стоимость возникает в сфере производства», «производство есть основа жизни общества», «общество живет трудом». Суть данной аксиомы одна — она провозглашала материализм в политической экономии. Открытие физиократов не было случайным. Объект исследования (сельское хозяйство) созрел, и стало возможным отражение его сущности в теории. Позже, когда капитализм перешел к машинному производству уже в буржуазной политической

экономии А. Смит и Д. Рикардо, а затем и Сисмонд де Сисмонди на этой аксиоме построили собственно буржуазную политическую экономию. Экономическая «**сущность**» капитала есть *производство прибавочной стоимости*. Его простейшее отношение есть *товар*. Товар, в свою очередь, есть результат **труда** (товар — овеществленный труд). Характер труда определяется способом производства. При капитализме это *машинное производство, при господстве частной собственности*.

Если теоретик остановится на этой фазе познания (т.е. на фазе познания сущности), то он совершит ошибку, которую А.И. Герцен назвал «буддизм в науке». В этом случае теория останется в виде системы абстракций («тощих» абстракций). «Абстракции, — говорил В.И. Ленин, если они не вздорные не удаляют нас от действительности, а приближают к ней». Абстрагирование, как метод познания применяется для выявления сущности «развивающегося органического целого». Абстрагирование — это не есть отвлечение любой стороны, свойства, качества объекта, как утверждают сторонники метафизического способа мышления, например, Зиновьев А.А. Исследователь при абстрагировании выделяет **существенные** стороны исследуемого развивающегося органического целого. При этом исследователь, проникая в сущность вещи, теряет сам объект в его целостности со всем его набором качеств, свойств и сторон. Поэтому исследователь-диалектик должен уметь вернуться от абстрактного обратно к конкретному, т.е. к «**явлению**» и рассмотреть явление, но уже в его соотношении с сущностью. Явление капитала представляется в виде — *обращения капитала*.

Следующий этап познания объекта даст нам знание «**действительности**» органического целого. Причем адекватное понимание «**действительности**» развивающегося органического целого возможно тогда, когда оно вступило в стадию зрелости. На этой стадии для органического целого более существенными являются внутренние противоречия. Действительность капитала *есть форма единства процессов производства и обращения капитала*.

Логика понимания развития общества, рассматриваемого в качестве развивающегося органического целого, взята нами схематично. Для более глубокого познания логико-исторической методологии рекомендуем изучение трудов В.А. Вазюлина (см. список литературы).

Таким образом, родоначальниками трудовой теории происхождения общественного благо-

состояния стали физиократы. Они прошли этап познания от поверхностной трактовки экономической теории монетаристами к знанию его сущности. Политическую экономию затем развили и применили к капиталистической ОЭФ А. Смит, Д. Рикардо и Сисмонд де Сисмонди. И, наконец, классики марксизма применили эту теорию к анализу общественных отношений классического капитализма (К. Маркс) и капитализма эпохи империализма (В.И. Ленин). Данная теория, конечно, не могла не вызвать реакции со стороны господствующих классов, что и привело к возрождению монетаризма и меркантилизма.

Выше упомянутое возрождение — это не есть ошибка первого приближения к истине, как всегда поверхностного. Это уже сознательная вульгаризация политической экономии в форме реставрации монетаризма и меркантилизма. Как феникс из пепла из обыденного сознания и идеологического интереса паразитического класса, как апология консюмеризма в его крайних формах возрождается эта идеология в виде некой квазитеории. Она направлена против интересов всех стран, народов, которые не причастны к печатанью денег. Товар, представляющий собой овеществленный труд, выкуплен ловкими мошенниками на десятилетия вперед. Такая экономическая «теория» может быть эффективна, только с точки зрения финансовой элиты, а именно той ее части, которая печатает деньги.

В новом своем качестве данная экономическая идеология (в худшем смысле этого слова),

представляет собой искусственное построение и в целом ложный подход к экономике.

Списки литературы

1. *Вазюлин В.А.* Диалектика исторического процесса и методология его исследования. М., 2007.
2. *Вазюлин В.А.* Логика «Капитала» Карла Маркса. СГУ. М., 2002.
3. *Вазюлин В.А.* Логика истории. Московский университет. М., 1988.
4. *Герцен А.И.* Сочинения в двух томах. ФН. М. «Мысль» Т. 1. Греческая философия. М., 1985.
5. История и реальность. Уроки теории и практики. Труды международной логико-исторической школы. Вып. 2. М., 1995.
6. *Кошель В.А.*, ред. Актуальность методологии марксизма и перспективы ее развития.
7. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России. М., 1953.
8. *Ленин В.И.* ПСС. Издание пятое. М. 1979. Т. 33.
9. Логика истории и перспективы развития науки. Сборник. Труды логико-исторической школы. Выпуск 1. М., 1993
10. *Маркс к. Энгельс Ф.* Соч. Т. 1.
11. *Пателис Дмитриос Спиридон.* Философско-методологический анализ становления экономической науки. М., 1991.
12. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1978.
13. *Энгельс Ф.* Антидюринг. М., 1941. СПб. 1991.
14. *Гегель.* Соч. М., 1959. Т. 4.
15. *Ленин В.И.* ПСС. Издание пятое т. 27, М., 1979.
16. *Чангли Ирина Ивановна.* Труд. М., 2010.

**PROGRAM GUIDELINES AND WAYS OF SOLVING
ACTUAL PROBLEMS IN THE PROGRAM OF CANDIDATES
FOR PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION**

**ПРОГРАММНЫЕ ОРИЕНТИРЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ
АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ
КАНДИДАТОВ В ПРЕЗИДЕНТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Dmitriy Vladimirovich Shikunov,
candidate of political sciences, associate professor,
deputy head of the Department of Sociology
and Political Science of the Moscow University
of MIA of Russia named after V.Ya. Kikot

Дмитрий Владимирович Шикунов,
кандидат политических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры социологии
и политологии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Annotation. The article attempts to analyze the program provisions of the Presidential candidates of the Russian Federation in the elections of 2018.

Key words: presidential elections, programs of candidates, political parties, electorate, ways of solving social problems, opposition, formation of political system

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа программных положений кандидатов в президенты Российской Федерации на выборах 2018 г.

Ключевые слова: выборы президента, программы кандидатов, политические партии, электорат, пути решения общественных проблем, оппозиция, формирование политической системы

Президентские выборы 2018 г. готовы стать самым заметным политическим событием в России за последние несколько лет. Интерес к ним подогревается не столько оценками возможных итогов выборов, сколько самим ходом избирательного процесса. Кто-то ищет специфику данной избирательной кампании в большом количестве желающих участвовать в выборах и большом числе зарегистрированных кандидатов. Другие пытаются дать оценку кандидатам в президенты, подчеркивают различие в области стратегии различных политических сил. Третьи гадают, будет ли сказываться проведенная избирательная кампания на политическом будущем кандидатов, и не изменится ли кадровая политика Президента после выборов.

Безусловно, политика Президента после выборов должна быть существенно скорректирована в сторону решения социальных задач. Последнее время в обществе ощущается определенная напряженность, имеется социальный запрос населения на улучшение социального положения и повышение уровня жизни. Именно эта неудовлетворенность населения позволяет оппонентам кандидата в президенты В.В. Путина включить в свои предвыборные программы критические замечания в отношении существующей власти, предложить избирателю свое

видение политической обстановки в стране и мире, а также пути решения общественных проблем.

Рассматривая предвыборные программы кандидатов, мы исходим из того, что те или иные их положения появляются не сами по себе, а возникают как ответы на социальные запросы населения, как пути решения тех или иных проблем. Кроме того, все кандидаты — оппоненты В.В. Путина выдвинуты различными политическими партиями. То есть за ними стоит определенная социально-политическая сила, имеющая свой интерес, свои запросы, свой взгляд на развитие политического процесса в нашей стране и за рубежом.

Как всегда одной из наиболее взвешенных программ альтернативного развития России стала программа кандидата от КПРФ П.Н. Грудинина¹. Кандидат предлагает «крутой поворот от олигархического капитализма к социальному государству» путем национализации стратегически важных и системообразующих отраслей промышленности, электроэнергетики, железных дорог, систем связи, ведущих банков. Россия откажется от участия в ВТО и ограничит доступ иностранного спекулятивного капитала к российскому рынку, обеспечит себе продовольственную безопасность.

Кандидат от КПРФ гарантирует поддержку малых городов и сельских населенных пунктов путем развития в них инфраструктуры. Возвращения школ и больниц, бесплатного подведения для граждан газа, электричества, воды и канализации к частным домам.

В социальной сфере предлагается также снижение цен на лекарства и тарифов на транспортные перевозки, отмена собственникам жилья платы за капитальный ремонт. Будет незамедлительно принят давно предлагаемый КПРФ закон о «детях войны», возвращены бесплатно и качество среднего и высшего образования и медицинского обслуживания, гарантировано место ребенку в детском саду. Сюда следует добавить массовое строительство жилья, снижение ставок по ипотеке до 3—4%, амнистию для «жертв» микрофинансовых организаций и запрет на коллекторскую деятельность.

Кандидат от КПРФ предлагает ввести прогрессивный налог для «богатых», и его отмену для малоимущих. В целях стимулирования развития промышленности предлагается ликвидировать налог на добавленную стоимость. Отмена транспортного налога должна привлечь многочисленных избирателей, — владельцев транспортных средств. Отмена системы «Платон» привлечет перевозчиков на большегрузном транспорте.

В области развития судебной системы в программе говорится о реальной независимости суда и следствия от исполнительной власти, выборности судей, распространение суда присяжных на дела об экстремизме и по 282 статье, по коррупционным преступлениям.

Особое внимание П.Н. Грудинин уделяет политической реформе, связанной с превращением страны в парламентскую республику. Президент станет подконтролен и подотчетен парламенту и народу. Будет упрощена процедура его импичмента. Состав правительства, предложенного Президентом, будет утверждать Государственная Дума. Главным государственным органом, контролирующим власть Президента, станет Высший государственный совет, без одобрения которого не сможет приниматься ни одно принципиально важное решение. КПРФ планирует вернуть право народу на референдумы по важнейшим вопросам.

Критики предвыборной программы от КПРФ отмечают три слабых, по их мнению, момента в ней: необоснованность финансирования многочисленных социальных программ, некоторый популизм программных положений, связанный с критикой многих резонансных решений власти

и просчетов в ее политике, вызвавших у различных групп населения недовольство, а также фактическое отсутствие оценки внешней политики правительства и перспективных направлений ее развития. Некоторые исследователи продолжают спорить о правильности выдвижения со стороны КПРФ кандидата, не являющегося членом партии. Сам кандидат не обладает харизмой политического лидера и представляется избирателю как успешный хозяйственник. В условиях избирательной кампании отсутствие политических талантов для П.Н. Грудинина должна компенсировать ударная работа его предвыборного штаба и лично Г.А. Зюганова.

Лидер «Коммунистов России» М.А. Сурайкин в своей предвыборной программе предлагает пойти дальше КПРФ и национализировать банковскую систему, базовые отрасли экономики, в том числе энергетику и горнодобывающую промышленность, жилищно-коммунальное хозяйство, ввести госмонополию на алкоголь и табачную продукцию. По его мнению, в России необходимо ввести институт конфискации незаконно нажитых благ и воссоздать комитеты народного контроля за финансовыми потоками предприятий. Зарплата директора предприятия не должна превышать зарплату рабочего более чем в 5 раз. Необходимо установить минимальную зарплату в 70 тысяч рублей и среднюю трудовую пенсию в 40 тысяч рублей.

Также как и КПРФ, «Коммунисты России» особое внимание уделяют развитию сельского хозяйства: поддержка фермерских хозяйств, восстановление системы колхозов и совхозов, возрождение социальной инфраструктуры советского типа.

В области внешней политики необходимо «восстановление оборонительного союза антиимпериалистических государств по образцу Варшавского договора».

Главным, по мнению М.А. Сурайкина, сегодня является «наша главная цель — восстановление Союзного государства с социалистической и советской перспективой. Мы вернем советскую власть!»²

Лидер «Российского Общенародного Союза» С.Н. Бабурин предложил избирателю предвыборную программу под громким названием «Российский путь в будущее!»

Программа содержит несколько основных направлений. В политической сфере предлагается подготовить и осуществить конституционную реформу, направленную на изменение действующей политической системы, которая должна опираться на сильного президента как главу

государства, сильный парламент как главный представительный орган, профессиональное правительство и независимую судебную власть.

В социальной сфере требуются незамедлительные меры по борьбе с нарастающей бедностью и вопиющим имущественным неравенством граждан, поддержка наименее защищенных слоев населения путем значительного увеличения минимального уровня оплаты труда, прежде всего работников культуры, науки, образования и здравоохранения, и обеспечение адекватной индексации пенсий. В области образования предлагается остановить образовательную реформу, вернуться к лучшим образцам советского образования, отменить ЕГЭ, восстановить профессионально-техническое образование. В здравоохранении требуется незамедлительно увеличить финансирование, а также ввести государственное регулирование цен на лекарства для малообеспеченных и пенсионеров. В миграционной сфере ввести жесткий визовый режим со странами-поставщиками нелегальной и массовой неквалифицированной рабочей силы, но при этом обеспечить социальные гарантии любому работающему, в т.ч. мигрантам, законно прибывшим на территории России, а также ввести уголовную ответственность работодателей за использование труда нелегальных мигрантов.

В области внешней политики С.Н. Бабурин в целом поддерживает курс действующей власти, предлагает сосредоточиться на укреплении геополитических позиций России на Евразийском континенте, способствовать развитию Крыма как законной территории России, принять меры для укрепления и дальнейшего развития Союзного государства Белоруссии и России и Евразийского Экономического союза, по усилению ведущей роли России в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества и объединения БРИКС. Особое место займут проблемы Русского мира, прежде всего в зоне конфликта на Донбассе и в Приднестровье.

«Нашей стратегической целью является построение в России гармоничного и процветающего общества социальной справедливости, сочетающего в себе лучшие черты организации общественной и государственной жизни досоветского, советского и современного этапов отечественной истории»³.

Самой развернутой и амбициозной программой кандидата в президенты стала программа лидера ЛДПР В.В. Жириновского «Мощный рывок вперед», состоящий из 100 пунктов⁴. Некоторые

из критиков уже окрестили эту программу как социальный патернализм.

Программа В.В. Жириновского содержит множество тактических и стратегических задач. Одной из главных задач является восстановление былого величия российской империи, возвращение мирным путем всех потерянных территорий.

По мнению лидера ЛДПР, Россия должна стать единым унитарным государством с административным делением на губернии, для этого необходимо уйти от национально-республиканского устройства государства, перейдя на территориально-административное устройство и даже поменяв названия некоторых регионов. На Северном Кавказе предлагается ввести прямое президентское правление.

В области политического устройства предлагается создать однопалатный парламент, убрав Совет Федерации, а все его функции передать Государственной Думе. Кроме того, новый однопалатный Российский Парламент будет наделен правом контролировать деятельность Правительства. Выборы в него должны проходить только по пропорциональной системе по партийным спискам.

Для развития местного самоуправления у В.В. Жириновского намечены грандиозные задачи, правда, не обозначенные в программе конкретно. Провозглашается активное развитие местного самоуправления и местного сообщества. Стержневой идеей строительства будущей России должно стать общинность, понимаемая как взаимовыгодный союз свободных людей одной культуры и одного языка, служащий величию Державы и процветанию общества.

Как всегда, в программе лидера ЛДПР большое внимание уделяется русскому вопросу и проблемам миграции. В.В. Жириновский требует дать русскому народу статус государствообразующего, для чего зафиксировать это положение в Конституции РФ и отразить его во всех учебниках по национальной истории. Чтобы воссоединить русский народ, необходима идеология возвращения России мирным путем утраченных ею из-за Беловежского сговора территорий, на которые у русского народа имеется историческое и моральное право. Требуется вернуть русскому языку роль средства межнационального общения, полноценно изучать его по всей стране, и распространять русскую языковую культуру в других странах. При этом

нужно ударить по засилью западной культуры, ограничить импорт западной кинопродукции, открыть Русские Дома как центры русской культуры, основать Национальный киноцентр, развивающий патриотическое и детское кино, создать Русский национальный телеканал, отражающий историю и современное состояние русского народа. Кроме того, необходимо основать Институт Русского холокоста XX века, расследующий уничтожение русских людей с 1918 по 1924 годы.

Миграционная политика должна быть глупо продуманной. Надо разрешить миграцию в Россию только соотечественникам и профессионалам своего дела. Рабочие же места надо предоставлять коренным россиянам, живущим в небольших городах и поселках, которые медленно умирают из-за отсутствия там работы.

В области развития экономики и финансов программа В.В. Жириновского предлагает провести крупномасштабную индустриализацию, восстановив разрушенную в 1990-е годы экономику страны. Строительство экономики должно проходить на новых инновационных принципах, при этом налоги для предприятий обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, строительства и транспорта должны быть снижены на 20% на ближайшие 5 лет. Для малого и среднего бизнеса следует в 10 раз снизить ставки арендной платы по всей стране и освободить от всех налогов на ближайшие 2 года.

Банковский процент за кредит в ближайшие три года должен быть понижен до 5%, а разница между процентом по вкладам и по выдаваемым кредитам не должна быть более 3%. Необходимо снизить для предпринимателей обязательные взносы в государственные внебюджетные фонды, размер взносов не должен превышать 20%. Одновременно с этим следует ввести прогрессивные платежи на высокие зарплаты и сверхдоходы физических лиц — богатые должны платить больше. Ввести прогрессивную шкалу налогов от 5% до 30%, чем выше доход, тем больше налог. Малоимущих с доходами 15 тысяч рублей на семью освободить от подоходного налога. Минимальная зарплата в России должна составлять 15 тысяч рублей, средняя — 30—50 тысяч, максимальная — 150 тысяч рублей. Необходимо уголовно преследовать руководителей предприятий всех форм собственности за занижение установленной законом

минимальной оплаты труда, их доходы не должны превышать среднюю зарплату на предприятии более, чем в 10 раз. Ни задолженность по оплате услуг ЖКХ, ни невозможность вернуть кредит банку, ни другие обстоятельства не должны являться причиной выселения граждан из квартир и домов за долги. Следует запретить судебным приставам изымать личное имущество.

Кроме того, требуется остановить искусственное взвинчивание цен на продовольствие, жилье, газ электричество, бензин, активно развивать Дальний Восток, где отменить все налоги и восстановить северный коэффициент, помочь моногородам, приняв специальную программу их поддержки и развития, поддержать национальную экономику, ликвидировать офшоры, сократить экспорт сырой нефти, создать государственные и народные предприятия, прекратив рейдерские захваты и передел собственности.

Государство обязано обеспечить реальную помощь сельскому хозяйству, введя предельную норму прибыли при продаже крестьянам сельхозтехники и предоставлении ее в аренду и лизинг, компенсировав часть затрат сельхозпроизводителей при закупке удобрений, дав возможность сельхозпроизводителям получать долгосрочные кредиты по низкой процентной ставке. Необходимо принять программу по утилизации старой сельхозтехники, аналогичную программе утилизации старых автомобилей. В результате из грязных, перенаселенных городов люди должны переехать в села, поселки и малые города. Для этого необходимо создать современные агропромышленные комплексы, вокруг которых при серьезной поддержке государства будут построены дороги, жилье, школы, спортивные центры и пр.

В программу экологической безопасности должны войти такие меры, как регулирование роста промышленного производства, введение жесткого режима экономии энергии и рациональное использование природных ресурсов, защита морей и рек от загрязнения, рациональное землепользование, прекращение хищнической вырубке лесов и спасение от вымирания многих видов животного и растительного мира. На загрязненных территориях взимать экологическую ренту и распределять ее среди жителей. Следует жестко карать за произвол местные власти и отдельных бизнесменов, уничтожающих нашу среду обитания.

В демографической и социальной политике В.В. Жириновский предлагает организовать Министерство по демографической политике, которое будет решать все проблемы рождаемости, семьи, женщин, разводов, беспризорников, переселенцев. В России нужно создать культ семьи, убедив наших женщин в том, что рожать и воспитывать детей — это очень модно и почетно. «Материнский капитал» следует переименовать в «Семейный капитал» и увеличить его за рождение первого ребенка до 500 тысяч рублей и до 700 тысяч рублей за рождение второго. Государство должно гарантировать место в детском дошкольном учреждении для ребенка с 1,5 лет или выплату ежемесячного пособия не менее 20 тысяч рублей до предоставления места в детском дошкольном учреждении. Для укрепления семьи и повышения рождаемости необходимо сократить рабочий день для женщин, имеющих детей до 14 лет, на 2 часа и увеличить их ежегодный отпуск до 35 дней. Кроме этого, программа предусматривает меры по уменьшению числа аборт, по искусственному оплодотворению, стимулированию усыновления и удочерения, запрету вывоза детей за рубеж, повышению уровня рождаемости.

Интересно, что в программе В.В. Жириновского, как и у других кандидатов в президенты, появился пункт о восстановлении молодежных жилищных кооперативов для обеспечения жильем молодых семей.

В социальной сфере, по мнению лидера ЛДПР, требуется навести порядок в здравоохранении, сохранив все бесплатные формы медицинских услуг, увеличить материальную помощь пенсионерам, ветеранам, труженикам тыла, детям Великой Отечественной войны, понизить пенсионный возраст для мужчин — до 58 лет, для женщин — до 53 лет, вернуть льготный проезд пенсионерам по стране, сделать более комфортной жизнь и организовать общественные бани и бесплатные туалеты во всех основных местах пребывания граждан, обеспечить гражданам беспрепятственный доступ к местам отдыха и возможность бесплатной рыбалки, незамедлительно ратифицировать Конвенцию ООН о правах инвалидов, обеспечить их необходимыми лекарствами и техническими средствами реабилитации, а также восстановить льготы, отнятые у инвалидов партией власти.

В образовательной сфере бороться за то, чтобы в России среднее, средне-специальное и высшее образование оставались бесплатными. Единый государственный экзамен и вступительные экзамены в вузы пора отменить, принимать в высшие учебные заведения надо всех желающих и по итогам первой сессии оставлять в институтах тех, кто может и хочет продолжать учебу дальше. Стипендии студентам и учащимся вузов, техникумов, колледжей, профессиональных училищ необходимо повысить до половины среднего заработка по стране. Требуется обеспечить рабочими местами молодых специалистов, остановить «утечку мозгов» из страны и материально поощрять работу отечественных специалистов, поднять престиж учителя в обществе, обеспечив ученым, учителям, врачам зарплату в два раза выше по стране.

В области внешней политики В.В. Жириновский требует отказаться от вступления в ВТО, добиться ликвидации Гаагского трибунала по Югославии как международного органа, не обеспечившего правосудия, вывести золотовалютные резервы из американских ценных бумаг, поддерживать тесные контакты с мусульманскими странами — Ираном, Ираком, Турцией и Сирией.

В своей программе лидер ЛДПР предлагает ряд мер по укреплению безопасности, искоренению терроризма и преступности. ЛДПР требует отменить мораторий на смертную казнь по статьям за терроризм, распространив уголовную ответственность на родственников террористов, которые, по сути, являются сообщниками, поскольку они чаще всего знают о готовящемся преступлении, но не сообщают в правоохранительные органы, а также ввести смертную казнь для наказания высокопоставленных коррупционеров, чьи действия на руку террористам, ужесточить ответственность за наркоторговлю и похищение людей. Необходимо прекратить войну чиновников с русскими патриотами, закрыв Центр по борьбе с так называемым экстремизмом и все подобные ему организации, само существование которых оскорбляет русскую интеллигенцию и убрав из Уголовного Кодекса РФ статьи 282 («Экстремизм») и 212 («Нарушение порядка проведения митингов»).

Сделать дееспособной и профессиональной нашу полицию, увеличить зарплату сотрудникам правоохранительных органов не менее чем

в два раза. Военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов должны быть обеспечены бесплатным проездом в общественном транспорте, льготными ежегодными путевками, бесплатным проездом к месту отдыха и лечения.

Особое внимание следует направить на социальную поддержку военнослужащих и членов их семей, а также на модернизацию армии. Армию необходимо перевести на добровольную основу, расширив применение контрактной системы. Привлечь для службы в армии молодежь из стран СНГ за получение российского гражданства.

Таким образом, программа В.В. Жириновского должна привлечь на свою сторону самые широкие слои населения, не оставив в стороне практически никого. Популяризации этих идей должна способствовать активная избирательная кампания, в которую ЛДПР намерена вложить значительные силы и средства. Неудивительно, что уже за месяц до выборов рейтинг кандидата В.В. Жириновского довольно высок, — он уверенно догоняет своего «заклятого врага» — кандидата от КПРФ П.Н. Грудина. Если ЛДПР сумеет провести успешную агитационную кампанию, то лидер ЛДПР уверенно выйдет на выборах на второе место.

В отличие от своих оппонентов Б.Ю. Титов, лидер «Партии роста», не предлагает развернутой программы и кардинальных изменений во внутренней и внешней политике страны⁵. В программе только присутствуют абстрактные рассуждения о необходимости изменения политического вектора, замены политики правительства, работающего на сегодняшний день и обеспечивающего стабильность общества, на политику нового правительства, которое будет работать на перспективу, как, по его мнению, работали сто лет назад П.А. Столыпин и С.Ю. Витте. Однако, мы помним, что деятельность этих исторических персонажей была далеко не безупречна. Один модернизировал страну за счет иностранного капитала, что привело Россию к экономическому кризису начала 1900-х годов, другой же железной рукой наводил порядок в стране с помощью военно-полевых судов и «стольпинских галстуков», разрушая саму структуру прежнего российского общества.

Большое внимание в предвыборной программе «Дорога в будущее» Г.А. Явлинский, лидер партии «Яблоко», уделяет критике власти

и основных направлений внешней и внутренней политики правительства.

В отношении с Украиной требуется немедленно прекратить агрессивное противостояние и войну, признать присоединение Крыма незаконным, инициировав созыв Международной конференции по статусу Крыма и полностью выполнив ее решения, прекратить военную, финансовую, дипломатическую и иную поддержку сепаратистских сил и движений, действующих на территории Украины, немедленно прекратить разжигание ненависти к Украине и пропаганду войны в российских государственных СМИ, отказаться от политики «ограниченного суверенитета» в отношении иностранных государств, в том числе Украины и других стран, ранее входивших в состав СССР.

Г.А. Явлинский подчеркивает, что «Россия — есть европейская страна», поэтому срочно нужно нормализовать дипломатические, экономические и военные отношения с Европейским Союзом, США и их союзниками. С целью экономии средств и предотвращения гонки вооружений начать переговоры о новом соглашении по СНВ, возобновить переговоры с США о создании совместной системы ПРО, развивать сотрудничество по линии Россия — НАТО. Приоритетом внешней политики России должны стать мир и сотрудничество при достаточной обороноспособности и эффективной системе безопасности, а также договоренности со стратегическими партнерами о взаимной гарантированной защите.

Существенно повысить эффективность военных расходов и контроль над ними, и на этой основе их уменьшить, пересмотреть государственную программу вооружения в сторону отказа от престижных и дублирующих программ.

В области внутренней политики принять первоочередные меры по оздоровлению политической и общественной жизни внутри страны — в частности, по реальному разделению властей в соответствии с Конституцией РФ и независимости судов, начать процесс пересмотра сомнительных дел и отмены неправосудных приговоров.

Усилить общественный и парламентский контроль за полицией, Национальной гвардией, спецслужбами и иными силовыми структурами, за соблюдением прав подсудимых и осужденных. Ввести жесткую персональную ответственность работников правоохранительных

органов за нарушения прав граждан, ввести выборность начальников территориальных органов внутренних дел, ввести отчет перед депутатами органов местного самоуправления и законодательного органа субъекта РФ, прокурора, главы органа Следственного комитета, руководителя органа войск Национальной гвардии соответствующего уровня, сократить полномочия Федеральной службы безопасности, — спецслужбы должны заниматься только охраной границы, борьбой с терроризмом и шпионажем, расследовать дела, связанные с разглашением государственной тайны, все остальные составы преступлений должны относиться к ведению МВД и СКР.

При этом разработать федеральную целевую программу по обеспечению сотрудников полиции и других правоохранительных органов жилыми помещениями за счет средств федерального бюджета.

В области экономики обеспечить безусловную неприкосновенность частной собственности, легитимизацию крупной частной собственности, полученной в результате так называемых залоговых аукционов, создать базовый доход (именные счета) граждан, формируемый из части средств, полученных от экспорта природных ресурсов, принять и осуществить программу «Земля-Дома-Дороги».

Особое внимание лидер «Яблока» уделяет кардинальному пересмотру методологических основ отечественной истории, уделяющей сегодня внимание развитию тех или иных народов только с момента их присоединения к России, переход к осознанию истории всех народов нашей страны как предыстории новой России. Сохранять память не только о фигурах и решениях монархов и вождей, но и о цене этих решений — о жертвах и страданиях, понесенных народом, о повседневной жизни людей разных эпох. Реализовать специальную просветительскую программу, направленную на сохранение и углубление знаний о демократической традиции в истории России — городском самоуправлении Древней Руси, Новгородской и Псковской республиках, Земских соборах, конституционных проектах XVIII—XIX веков и либеральном движении этих эпох, парламентаризме 1905—1917 годов, Учредительном собрании и независимом от тоталитарной власти общественном движении в СССР. Таким образом отка-

заться в преподавании истории от детерминистской концепции исторического материализма, геополитических и цивилизационных теорий, навязывающих псевдонаучные идеи неизменности и предопределенности исторического развития стран и цивилизаций.

По мнению Г.А. Явлинского, идеология его нового курса заключается в том, чтобы избежать исторического поражения России и сделать ее сильной современной страной⁶.

Обширную предвыборную программу предложила своим избирателям кандидат от партии «Гражданская инициатива» К.А. Собчак. По количеству пунктов программа получила образное название «123 трудных шага»⁷.

Будучи единственным среди кандидатов представителем «непримиримой оппозиции» по отношению к «антинародному режиму» К.А. Собчак выступает с крайне резкой критикой существующей власти.

Здесь мы видим и предложения по кардинальному изменению политической системы в стране, переход от суперпрезидентской системы к парламентской республике с формированием федерального правительства, руководителей российской дипломатии и силовых структур, контрольный органов и Центрального банка Российским Парламентом. Необходимо перейти от системы, где полномочия всех ветвей власти фактически и неизбежно концентрируются в руках одного человека, к полноформатной парламентской демократии, попытки же узурпации полномочий или вмешательства исполнительной власти в деятельность законодательной и судебной должны преследоваться по закону.

В целях демократизации избирательной системы предлагается снизить избирательный барьер в Государственную Думу и региональные избирательные собрания до 3%, сделать выборы по одномандатным округам единственной формой выборов на муниципальном уровне, перейти к формированию Государственной Думы по смешанно-связанной системе, а Совета Федерации — на основе прямых всеобщих выборов, необходимо вернуть право граждан на голосование «против всех» на выборах всех уровней. Необходимо незамедлительно вернуть конкурентные выборы на все уровни региональной и федеральной власти, Президент не должен иметь право назначать или рекомендовать кандидатов в губернаторы и отправлять глав субъектов в отставку.

Государственное владение средствами массовой информации должно быть законодательно ограничено как по отраслевому, так и по региональному признаку, необходимо отказаться от присвоения статуса иностранного агента средствам массовой информации и некоммерческим организациям.

Требуется установить жесткий контроль за силовыми структурами, привлечь к формированию муниципальной полиции и контролю за ее деятельностью органы территориального общественного самоуправления, вооруженные силы должны комплектоваться исключительно на контрактной основе. В целом стране требуется демилитаризация и деbüroкратизация экономики, траты на оборону, полицейские силы и государственный аппарат должны быть сокращены. За несколько лет реформ изменение этих статей бюджета должно высвободить для социальных и иных нужд до 1,5 трлн. руб.

Необходимо однозначно признать, что Россия — европейская страна. Поэтому наши естественные партнеры и союзники — европейские державы, демократические и процветающие страны. Нам же нужно предпринять максимум усилий для восстановления партнерских отношений с Европой, имея как долгосрочную цель подписание соглашения об ассоциации с ЕС. При этом Россия не должна стремиться к политической изоляции, играя роль европейской сырьевой базы, она должна стремиться к интеграции, завоевывая право стать европейской производственной базой. Сотрудничество с европейскими странами принесет в Россию так необходимые нам технологии и инвестиции.

Сегодня главная угроза национальной безопасности страны заключается не в военных приготовлениях НАТО, не в региональных кризисах и нестабильности, а в продолжающемся процессе технологического отставания России от передовых стран мира. Необходимо добиваться поэтапной отмены западных санкций, что откроет российским финансовым институтам доступ к международным рынкам капитала.

России следует ратифицировать все конвенции ООН о правах человека и запрете жестоких методов ведения войны, а также статут Международного уголовного суда. Необходимо безусловно признавать и выполнять решения Европейского суда по правам человека.

Россия должна прекратить гибридную войну, которую сейчас ведет на востоке Украины. Необходимо остановить пропаганду войны, формирование атмосферы ненависти и тотального противостояния в российском обществе, культивирование образа врага.

Возрождение демократии в России невозможно без решения вопроса о Крыме. Крым, согласно международному праву, является территорией Украины. Возможно, большая часть его жителей сегодня — русскоязычные граждане России, воспринимающие свою республику субъектом РФ. Для разрешения создавшейся ситуации может быть проведен референдум, порядок которого должен быть согласован Россией, Украиной и международным сообществом. Референдуму должен предшествовать период свободной общественной дискуссии и агитации на протяжении не менее года с момента согласования порядка проведения референдума.

В социальной сфере необходимо довести размер средней пенсии до не менее 40% от средней заработной платы, при этом сократив льготные категории пенсионеров среди чиновников и работников силовых ведомств, а также сократив число граждан, имеющих право на персональную государственную пенсию.

В области образования должен быть введен запрет на преподавание в государственных школах и вузах религиозных дисциплин и идеологических предметов; религиозное образование может осуществляться только в негосударственных образовательных учреждениях, церковных и частных школах, семинариях, медресе. Büroкратическая перегруженность работников образования должна быть заменена формальной отчетностью и введением простых и эффективных инструментов контроля работы преподавателей и учебных заведений. Требуется сокращение числа ученых советов, а также отмена срока давности по пересмотру присвоения ученой степени из-за фальсификации научной работы. Образовательная реформа должна предполагать возможность унификации стандартов с общеевропейскими учебными заведениями, облегчение межгосударственного взаимодействия в сфере образования, взаимное признание аттестатов и дипломов. Несмотря на общенациональную полемику, необходимо сохранение и развитие системы

ЕГЭ, ее организационную и технологическую защиту от местничества и коррупции.

В области здравоохранения К.А. Собчак первоочередным считает необходимость признания медицинских дипломов стран — членов ЕС и упрощенный порядок получения иностранными специалистами права на работу в РФ как необходимое условие развития национального здравоохранения. По примеру многих европейских стран необходимо декриминализировать мелкий оборот психотропных препаратов растительного происхождения, в частности конопли. Государство должно незамедлительно признать эпидемию ВИЧ и обеспечить современными лекарствами каждого человека, живущего с ВИЧ и способного получать терапию, а также признать эпидемию наркопотребления и легализовать заместительную терапию под контролем врачей. Любые дискриминационные законы и нормативные акты, такие как закон о гей-пропаганде или запреты на сексуальное образование в школах, должны быть отменены.

Таким образом, «трудные шаги» кандидата в президенты К.А. Собчак носят либеральный характер и могут прийтись по душе значительному числу представителей агрессивной либеральной оппозиции. Однако здесь это поле частично занято Г.А. Явлинским и В.В. Жириновским, а также сторонниками А.А. Навального, которому было отказано в регистрации. Сможет ли К.А. Собчак привлечь их на свою сторону, зависит от той избирательной кампании, которую она планирует проводить.

* * *

Подводя итог анализу программных положений кандидатов в Президенты Российской Федерации, хотелось бы отметить, что все кандидаты пытаются привлечь на свою сторону наиболее широкий круг электората и предлагают множество актуальных мер по решению социально-экономических и политических проблем современного российского общества. Безусловно, основная причина «бедствий» российского народа у каждого кандидата своя, но, что парадоксально, пути решения проблем многие кандидаты видят схожим образом. Интересно, что многих не устраивает официальная трактовка исторического пути развития России, их волнует судьба российского села и моногородов, повышение уровня благосостояния населения и решение жилищной проблемы, борьба с коррупцией и проблемы российского образования и здравоохранения. В целом, победитель в данной избирательной кампании, став Президентом России, должен будет формировать свой политический курс. Для того, чтобы этот курс был взвешенным и отвечал чаяниям большинства граждан страны, ему придется в той или иной степени ориентироваться и на программы своих бывших политических оппонентов.

¹ См.: <http://president-rf.ru/page/predvybornaja-programma-pavla-grudinina>

² См.: <http://president-rf.ru/page/predvybornaja-programma-maksima-surajkina>

³ См.: <http://baburin2018.ru/programma>

⁴ См.: <http://president-rf.ru/page/predvybornaja-programma-vladimira-zhirinovskogo>

⁵ См.: <http://president-rf.ru/page/predvybornaja-programma-borisa-titova>

⁶ <https://2018.yavlinsky.ru/>

⁷ <http://president-rf.ru/page/predvybornaja-programma-ksenii-sobchak>

MARXISM ON RUSSIAN SOIL: SOCIAL-DEMOCRATISM OF G.V. PLEKHANOV

МАРКСИЗМ НА РУССКОЙ ПОЧВЕ: СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЗМ Г.В. ПЛЕХАНОВА

Alexander Andreevich Shirinyants,

doctor of political sciences, professor, head of the Department of History of Social and Political Studies of the Faculty of Political Sciences. Lomonosov Moscow State University

E-mail: jants@yandex.ru

Александр Андреевич Шириняц,

доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

E-mail: jants@yandex.ru

Annotation. In the article the ideas of the «first Russian Marxist» GV Plekhanov, his contribution to the history of Russian social democracy and the role in the development of the national culture are analyzed. Particular attention is paid to Russian social thought in its evolution and practical embodiment in social and political projects.

Key words: social democracy, Marxism, historical materialism, enlightenment, culture, the working class, populism

Аннотация. В статье анализируются идеи «первого русского марксиста» Г.В. Плеханова, его вклад в историю российской социал-демократии и роль в становлении отечественной культуры. Особое внимание уделяется русской общественной мысли в ее эволюции и практическом воплощении в социальных и политических проектах.

Ключевые слова: социал-демократия, марксизм, исторический материализм, просветительство, культура, рабочий класс, народничество

Самоопределение и самоидентификация идейных установок социал-демократизма начинается в истории общественной мысли России со своеобразного периода просвещения и просветительства. Из нескольких тысяч революционеров-народников в начале 1880-х годов немногие увидели в концепции Карла Маркса научную идеологию. Георгий Валентинович Плеханов (1856—1918) — «первый русский марксист», был организатором и идейным руководителем интеллектуального кружка, стоявшего у истоков марксистского движения в России. В группу «Освобождение труда» входили кроме Плеханова В.И. Засулич, П.Б. Аксельрод, Л.Г. Дейч, В.Н. Игнатов. Деятельность этой группы можно, на наш взгляд, рассматривать как пример социал-демократического просветительства¹. Системообразующий его элемент — теоретическая деятельность Г.В. Плеханова.

В связи с этим значение личности и творчества Г.В. Плеханова определяется не только его местом в истории российской социал-демократии, но и его ролью в целом в отечественной культуре. Роль Плеханова как русского исторического деятеля состоит и в том, что российская модернизация (урбанизация, становление гражданского общества) виделась ему как путь развития тех общественно-политических отношений,

которые связаны с утверждением принципов экономической и социальной организации индустриальных социумов. Он считал, что социалистической демократии (которую Плеханов понимал как демократию пролетариата и для пролетариата) в России предстоит долгий путь развития через борьбу, коалиции и сотрудничество с ее политическими противниками. Либерализм не добьется политических свобод в России без энергичной поддержки социалистической демократии в лице рабочего класса. Российское революционное движение победит как движение рабочего класса или не победит никогда. Плеханов размышлял не столько о свержении капитализма, сколько о воздействии организованного рабочего движения на стихию исторического процесса ради проведения социальных преобразований в интересах трудящихся.

По своему стилю мышления и менталитету Плеханов близок просветителям-демократам (В.Г. Белинскому, Н.Г. Чернышевскому, Н.А. Добролюбову) — представителям разночинно-дворянской интеллигенции, к которой принадлежал и он сам. Его марксистский социализм — это одна из попыток закончить в интеллигентской среде многолетний спор западников и славянофилов, сторонников модернизации или самобытничества. Осмысливая и перерабатывая

идейное наследие А.И. Герцена, П.Я. Чаадаева, В.Г. Белинского, Л.Н. Толстого и других русских мыслителей, Плеханов привносил в свои марксистские построения элементы идейной, политической традиции эмансипаторских движений в России. Он «национализировал марксизм» (Л.Д. Троцкий), создал «русскую версию» марксистского социализма, немалое место в котором отводилось просветительству, культурному и политическому воспитанию, изменению сознания русской интеллигенции и пролетариата. В просветительстве Плеханова воплотились те качества русской социал-демократической традиции, которые связаны с присутствием в ней элементов революционного (в смысле радикально-оппозиционного) сознания и самосознания русской интеллигенции (ощущение невосребованности своей онтологической способности управлять и лидировать; менталитет догоняющей мировую цивилизацию России, дублирование западных образцов; оппозиционность по отношению к не интересующейся ее мнением власти; одержимость идеями, а не практическим социальным интересом).

Стихия Плеханова — это теоретический, интеллектуальный поиск. В центре его размышлений — русская общественная мысль в ее эволюции и практическом воплощении в социальных и политических проектах. Плеханов шел к марксизму, изучая западноевропейскую философию, английский и французский утопический социализм, историю революции. Но, придя к определенному пониманию и толкованию марксистских идей, он обращается к России, ее экономической, политической, культурной, духовной истории и современности; пытается применить исходные схемы социально-экономического анализа Маркса к современной ему российской действительности. Как писал Ф. Дан, «марксистская проповедь Плеханова отметила собой эпоху, когда развитие капитализма в России начало становиться все более очевидным и неоспоримым фактом; все прогрессивные течения перестраивали свою идеологию, методы борьбы применительно к этому факту»².

Об упрощении и схематизации Плехановым философских, социальных, политических идей Маркса много писалось и говорилось. Эта критика, по сути, верна. Плеханов действительно принадлежал к числу наиболее ортодоксальных марксистов своего времени. Однако нельзя забывать о том, что на рубеже XIX — XX веков не существовало законченной марксистской парадигматики социализма, еще не сложились идеологизированные версии марксизма, сводившие

смысл социальной революции в эпоху капитализма к установлению диктатуры партии и партийной бюрократии. Самое интересное в творчестве Плеханова — не его философские работы, а его критика (в ней много публицистического поиска), его исторические труды (в них много новых для социальной теории аргументов, объясняющих своеобразие русского общества), его политические высказывания — т.е. все то, что напрямую связано с «большой проблемой развития России» и демократии³.

Общеизвестно, что отношения радикальных русских мыслителей к воззрениям Маркса и Энгельса было противоречивым и в значительной степени негативным. Бакунин, признавая материалистическое истолкование истории Марксом, дополнял экономический фактор «другими элементами» истории и ожесточенно критиковал тактику марксистских партий. Качев, который пел дифирамбы историческому материализму, проповедовал политические и общественные взгляды, побудившие Энгельса разразиться острой критикой в его адрес. Лавров включал в свою систему элементы марксизма, но считал социологию и философию Маркса непоследовательными. Н.И. Зибер, полностью принимавший экономическую теорию Маркса, был либералом в политике. Члены организации «Народная Воля» писали Марксу: «Класс передовой интеллигенции России, всегда внимательно следящий за идейным развитием Европы и чутко реагирующий на него, с восторгом встретил появление Ваших научных работ»⁴, что не помешало им готовить террористические акты.

Несоответствие между тем уважением и восхищением, которыми пользовался Маркс у русских радикалов, и их нежеланием принять его идеи в качестве основы своих взглядов и действий, объясняется особенностями русского народничества. Тем, что русские радикалы считали Маркса проницательным аналитиком, определившим корни и механизмы капиталистического общества в странах Запада, но при этом полагали, что его диагноз и его прогнозы неприменимы к России, так как их родина еще не вступила в капиталистическую стадию развития, что ей суждено придти к социализму отнюдь не по рецептам Маркса.

Плеханов познакомился с трудами Маркса и Энгельса, читая работы Бакунина и Зибера. Как знающий народник, Плеханов, несомненно, был знаком с бакунинской «Государственностью и анархией». В этой работе «апостол всеобщего разрушения» подчеркивал свое принятие мате-

риалистического понимания истории следующим образом: «...[Маркс — А.Ш.] высказал и доказал ту несомненную истину, подтверждаемую всей прошлой и настоящей историей человеческого общества, народов и государств, что экономический факт всегда предшествовал и предшествует юридическому и политическому праву. В изложении и в доказательстве этой истины состоит именно одна из главных научных заслуг г. Маркса»⁵. Позднее Плеханов признавал, что из трудов Бакунина воспринял «великое уважение к материалистическому объяснению истории»⁶.

В своей первой большой статье Плеханов одобрительно упоминает «одного из талантливейших учеников и популяризаторов Маркса»⁷, и, хотя имени Плеханов не назвал, это был не кто иной, как Зибер. Учитывая, что многие народники знали работу Бакунина, однако в их трудах не было того особого отпечатка, какой мы видим в статье Плеханова, довод Л. Дейча относительно влияния Зибера можно считать убедительным⁸.

Плеханов, обращаясь к идеям Маркса и Энгельса, предвидел возражения народников; поэтому он акцентирует свое отношение к логике «Капитала»: марксов анализ капитализма является конкретным случаем применения принципов, которые носят всеобщий характер. По мнению Плеханова такой подход не отрицает народнической веры в уникальность общественного развития в России. Если судьба России отлична от судьбы Запада в сущности, доказывает он, то это не противоречит марксистским доктринам, а подтверждает их, ибо ее особая судьба определяется особыми материальными условиями общества. В общине земля находится не в личной, а в коллективной собственности. Из сферы землевладения, столь существенной для аграрного общества, принцип коллективизма распространился на другие области и, в конечном итоге, стал определяющей чертой труда и мировоззрения русского народа. Будущее России по необходимости будет, прежде всего, определяться сочетанием этой коллективистской ориентации массы народа и векового стремления к свободе от гнета. Будущая революция, которую, побуждая к ней крестьянство, должна начать интеллигенция, передаст землю от государства и дворянства крестьянским общинам. Одновременно крестьянская жажда свободы найдет выражение в разрушении принудительной, централизованной государственной организации и замене ее — снизу доверху — «свободной федерацией свободных (самоуправляю-

щихся) общин». Таким образом, претворится в жизнь анархо-социалистический строй, о котором мечтали народники, и который имеет глубокие корни в существующих народных институтах и ценностях. В этой программе сказано далеко не все, но Плеханов ясно видит возможность установления социализма в России посредством революционной борьбы крестьянства, минуя капиталистическую стадию развития⁹.

Важно подчеркнуть, что в своих ранних работах Плеханов рассматривал марксистские принципы как неценную опору для программы народников. Но это было ошибочное мнение. Он ждал, что революция уничтожит государство и откроет путь к созданию анархо-социалистического порядка, в то время как марксисты считали государство — и именно сильное централизованное государство — необходимым условием для перехода к социализму.

Плеханов, в качестве представителя ортодоксального народничества, отрицательно относился к политике и политической борьбе. Для него, как и для его духовного наставника Бакунина, политика была делом всех, заинтересованных в эксплуатации народа, а государства представляли собой всего лишь институты, облегчающие эту эксплуатацию. Политическая борьба интерпретировалась как столкновения разных групп эксплуататоров, стремящихся овладеть властью в государстве. В отличие от них, лица, стоящие за народ, воспринимали общественно-экономические условия и потребности как почву для своей деятельности. Они стремились удовлетворить чаяния народа через «экономическую» революцию, которая, среди прочих задач, должна уничтожить и орудие принуждения — государство. Позиция бакунистов нацеливала на классовую борьбу, ведущую к социальной (и социалистической) революции, а не на борьбу политическую, ведущую к революции политической. Эти два типа революции считались несовместимыми, взаимоисключающими видами борьбы; политическая борьба не имела ничего общего с социализмом.

В отличие от анархистов, марксисты в России всегда проявляли живой интерес к политической борьбе, завоеванию политических свобод и, в конечном счете, политического господства. Но, как ни странно, неприязнь Бакунина, а за ним и Плеханова, к политике частично происходила от ошибочного толкования Маркса. Бакунин считал, что если экономический фактор всегда преобладает и, следовательно, государство есть лишь часть общественной надстройки, то нельзя революционизировать общество исклю-

чительно через борьбу против государства или его изменение. Только «экономическая» революция способна изменить основы общества.

Сомнения относительно идей народничества возникли у Плеханова в связи с постоянными неудачами «Черного передела». К тому времени Плеханов был знаком с работами М.М. Ковалевского об истории общинных институтов¹⁰. Ковалевский указывал, что община приходит в упадок повсеместно по причинам внутреннего характера, и, в особенности, в связи с ростом столкновений интересов бедных и зажиточных групп в ее составе. Однако Плеханов полагал, что эти разрушительные воздействия можно нейтрализовать и приостановить «сознательно-позитивным отношением» крестьянства и интеллигенции к общине.

Стена, воздвигнутая народниками между экономикой и политикой, должна быть разрушена — к такому убеждению Плеханов пришел, осваивая и анализируя идеи политической концепции «Манифеста Коммунистической партии». Он перестает противопоставлять политическую борьбу (борьбу за политические права и, в конечном счете, за политическое господство) социал-демократической деятельности (массовой агитации, направленной на уничтожение государства и общественно-экономический переворот). Теперь он уверен, что политическая борьба и социалистическая деятельность вовсе не исключают друг друга, а, напротив, тесно взаимосвязаны; что нельзя преувеличивать значение одной из них за счет другой; что только средствами политической борьбы можно прийти к социализму. Поэтому он превозносил «Манифест» как коррективу позиции (по его мнению, односторонней) ортодоксальных народников, которые отвергали саму возможность политической деятельности, и сторонников терроризма, захваченных «политическим действием», борьбой против самодержавия до такой степени, что забытыми оказались азы доктрины — о необходимости организации массового движения как единственной гарантии будущего социалистической партии¹¹.

«Социализм и политическая борьба» (1883) — первая крупная работа Плеханова оценивается его исследователями как наиболее фундированная аналитика народнической идеологии. В ней приглушенно звучат старые обиды, не слишком агрессивна и критика террора. Важно, что Плеханов с позиций своего нового марксистского мировоззрения по справедливости воздал народничеству должное. «Народная воля» открыла эпоху сознательной политической борьбы с пра-

вительством. Этот шаг Плеханова означал отход от аполитичности народников. Но Плеханов резко критиковал идеи Бакунина о примитивности экономического механизма российского общества, общины, крестьянства и бакунинский вывод из этих положений — идею непосредственного осуществления социалистической революции. В этом Плеханов и усматривал главное противоречие народничества. Борьба за политическую свободу и подготовка социалистической революции, хотя и не являются изолированными, все же представляют собой движения абсолютно разного порядка и соответствуют двум совершенно разным историческим периодам. Нельзя говорить об их совпадении. Poleмика, которую начали с Плехановым П.Л. Лавров и Л.А. Тихомиров, высветила глубокую пропасть, которая разделила политические установки и пристрастия будущих социал-демократов и революционного народничества. Продолжением и логическим завершением полемики вокруг темы «экономика и политика» стала критика революционного насилия и интеллигенции как главного актора, с которой и выступили члены группы «Освобождения труда».

Обратим внимание на одно обстоятельство: становление российской социал-демократии, формирование марксизма в России имело одним из своих компонентов острую полемику с (дюрингианским по своим идейным истокам) преувеличением роли политического насилия народолюбцами. И обращение русских марксистов в ходе этой полемики к «Анти-Дюрингу» было естественным и закономерным. Еще в начале 1882 года Г.В. Плеханов писал П.Л. Лаврову: ««Народная воля» в каждой передовой статье силится доказать какую-то «Gewaltstheorie» [теорию насилия — А.Ш.], по которой в России не политика родилась из экономики, а наоборот»¹². Впоследствии Плеханов не раз обращал внимание именно на дюрингианское начало в теории народолюбцев. Так, в 1903 году в статье «Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестник Народной Воли»» Плеханов, рассказывая об отношениях будущих членов группы «Освобождение труда» с народолюбцами (с ними Плеханов и его товарищи уже с 1881 года поддерживали дружеские связи, ибо считали, что народолюбческое движение «при всех своих недостатках... являлось единственным в то время энергичным протестом против самодержавия»), вспоминал о том, как весной 1882 года возникла надежда прийти к соглашению с народолюбцами на почве «новой для нас тогда и все более увлекавшей нас теории научного социа-

лизма. Мы не упускали случая, — прибавлял Плеханов, — обратить внимание «народовольцев» на ее преимущества, и хотя они... были довольно беззаботны насчет теорий, но самая их беззаботность позволяла нам ожидать, что они без большого труда отстанут от дурной привычки, усвоенной редакцией их газеты «Народная Воля», превозносить Дюринга»¹³. В примечании к этому месту Плеханов рассказал о таком интересном эпизоде: «— Скажите, почему вы хвалите Дюринга и порицаете Маркса? — спросил я весной 1882 г. одного из самых видных членов Исполнительного Комитета. — Неужели вы не видите, что Маркс гораздо основательнее Дюринга? — Мы, собственно говоря, ничего не имеем против Маркса, — возразил мой собеседник, — но мы думаем, что наша программа больше подходит к учению Дюринга. А вы как полагаете? — Я ответил, что, по моему мнению, им выгоднее держаться за Маркса, — В этом случае вы сделаете только одну ошибку, именно при переходе от марксова учения к своей программе; а держась за Дюринга, вы будете ошибаться на каждом шагу, потому что он сам целиком состоит из ошибок»¹⁴.

В брошюре «Социализм и политическая борьба» при рассмотрении того, «какое значение имеют понятия о причине и следствии в применении к общественным отношениям»¹⁵, Плеханов, подчеркивая относительность и взаимопереход этих категорий друг в друга, прямо цитировал слова Энгельса из «Анти-Дюринга» об исчезновении их противоположности «при созерцании всемирного взаимодействия, в котором причина и следствие постоянно меняются местами...»¹⁶. В работе «Наши разногласия» (1884) Плеханов критикует «социалистически-дюрингианскую науку»¹⁷, представленную, в частности, в статье К. Тарасова (Н.С. Русанова) «Политический и экономический факторы в жизни народов», опубликованной в № 2 «Вестника Народной Воли» за 1884 год¹⁸. Без всякого риска ошибиться, можно сказать, что положения «Анти-Дюринга» во многом определили философский образ мыслей Плеханова-марксиста в области политической философии¹⁹.

Анализируя отношение Плеханова к интеллигенции как актору политических преобразований России, важно подчеркнуть, что созданная им группа «Освобождение труда» не могла рассчитывать на поддержку среди революционно настроенной интеллигенции ни в эмиграции, ни в России, где еще сильны были надежды на действенность террористической деятельности

«Народной воли». Вся революционная среда того времени, как писал позднее Плеханов, относилась к ним со строгим порицанием за «измену» народничеству. Само слово «социал-демократ» было в этой революционной среде обидным, почти бранным.

Образование группы «Освобождения труда» было сначала встречено Марксом и Энгельсом, внимательно следившими за развитием революционного движения в России, настороженно. Маркс писал об этой группе в 1880 г.: «Эти люди — большинство их (не все) являются теми, кто добровольно покинул Россию, — образуют, в противоположность террористам, рискующим собственной шкурой, так называемую партию пропаганды (чтобы вести пропаганду в России, они уезжают в Женеву! Что за quid pro quo!)».²⁰ Позднее отношение стало более доброжелательным, о чем свидетельствуют письма Ф. Энгельса.

Первые крупные работы Плеханова, выразившие кредо группы «Освобождение труда» — «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» (1885) теоретически декларировали социал-демократические взгляды на судьбы и силы революции в России. Вывод, сделанный Плехановым — Россия «идет по пути капитализма и все другие пути для нее закрыть» — жестко схематизировал образ политического процесса в России, практически вывел из него интеллигенцию, не влившуюся в социал-демократию.

Создавая свое видение ортодоксального марксизма, Плеханов сосредоточился на систематизации философско-теоретических компонентов воззрений Маркса и Энгельса, представил в распоряжение российской социал-демократии новую для России идеальную модель политического сознания нового актора революции в России. В известном смысле Плеханов следовал логике Энгельса, пытаясь найти связующее звено между теорией и практикой, определить границы и возможности изменения политических и тактических задач в соответствии с требованиями момента, не отступая при этом от исходных постулатов материалистического учения об обществе и истории, которые были сформулированы Марксом и Энгельсом. Плеханов ощущал необходимость поиска более универсального принципа связи «мир-человек», чем историческая и революционная практика, и вслед за Энгельсом обратился к диалектике как всеобщей теории развития окружающей действительности (природы, общества, человека, экономики, политики, форм духовного освоения мира). Выработав формулу «диалектический материализм», Плеханов, по сути, создал преце-

дент для восприятия воззрений Маркса и Энгельса как абсолютно истинных, будь то собственно философские составляющие или социально-политические позиции.

Именно осуществление философского проекта Маркса и Энгельса — самоосвобождение человека в процессе социалистической трансформации индустриального общества — рассматривалось Плехановым как главная задача социал-демократического движения в Европе и в России. Для ее воплощения необходимо было следовать «букве» теории, выбирать оптимально обстоятельство, место и время. Наша программа, говорил Плеханов, есть синтез. Она охватывает все, но не эклектически, а выходя из одного принципа. Она стройное целое. Все эти идеи мировоззренчески были созвучны менталитету европейской социал-демократии конца XIX — начала XX веков. Они выражали и ее убежденность в скором крахе капитализма, на смену которому закономерно придет социализм, в неизбежности пролетарской революции (завоевания пролетариатом господствующего положения в сфере производства и распределения), в великой исторической миссии пролетариата — просветить, объединить и освободить все остальные эксплуатируемые слои населения.

Теоретические работы Плеханова глубоки и интересны, он талантливый полемист и публицист. Все это не позволяло сразу распознать ригоризм плехановского прочтения Маркса и Энгельса. Однако именно в этой жесткости сказалось «русское происхождение» марксизма Плеханова. Для вышедшего из народничества Плеханова марксизм стал решением вопроса о трагедии субъективной революционной воли, идущей вразрез с действительностью; средством преодоления вечного для России спора между сознанием передовых людей и реальностью жизни, стремлениями, целями массы народа (об этом удивительно проникательно пишет в своей работе М.А. Лифшиц²¹). Допущение Плеханова о том, что пролетарская идеология есть развитие классовой психологии, позволяет придать сознанию теоретика социализма «характер оторванной от действительности самостоятельной силы, черты одиночества и возвышения над схваткой»²². Плеханов разрешил теории диктовать практике — эта установка, упав на благодатную почву восхищения мученическим ореолом революционеров-жертв, превратилась постепенно в формулу сознательного насилия над историей, допустимого как с точки зрения масс, так и с точки зрения ее идеологов — вождей русской социал-демократии. Сам Плеханов,

столкнувшись с воплощением такого рода волюнтаризма в партии, на первых порах ошибочно связывал такие настроения исключительно с анархическим (бакунинским) наследием в русской социал-демократии и «бонапартизмом» большевизма.

Из неверия в народническую идеологию вырастает и закрепляется в воззрениях Плеханова неверие в революционный потенциал массы крестьянства. По его мнению, крестьянская община умерла, самодержавие сверху насаждает капитализм, дело — за развитием пролетариата, его политической культуры и самосознания. «Русские крестьяне представляют собой не класс, а сословие, в рядах которого имеются как капиталисты, так и настоящие пролетарии. Последняя четверть века принесла такое разложение старого крестьянского хозяйства, что кажется просто пошлостью противопоставление России Западу как страны, где господствует крестьянское хозяйство... началась агония старых хозяйственных условий в России... Да, развивая политическое сознание русского рабочего класса, мы тем самым создаем освободительное движение величайшего значения; мы минируем политическую почву в России»²³. Таким образом, еще раз получает свое обоснование плехановская ориентация на революцию как осуществление теории под руководством вождей-теоретиков и идеологов — своеобразный вариант революции «сверху», против которой всегда яростно выступал Плеханов. Формула отрицания народничества перешла в свою противоположность; разрыв с прошлым обернулся сохранением отвергнутых идей.

«Ортодоксальность» Плеханова проявилась не только в признании абсолютной истинности идеи Маркса и Энгельса, но и в абсолютизации положения о единстве теории и практики марксизма, в восприятии многих абстрактных постулатов марксизма в качестве принципов практической деятельности и организационных задач российской социал-демократии. Это относится и к идее общего кризиса капитализма и неизбежности социализма, и к пониманию классовых антагонизмов как исключительно политических, и к формулам «диктатуры пролетариата» и «пролетарской революции».

Исходным для понимания роли Плеханова в теоретическом обосновании ортодоксального марксизма является его концепция социализма: социализм как цель — это полное отрицание капиталистического общества: социализм как движение есть приближение к этой цели. Исходя из неудач революционного опыта народниче-

ского социализма, он считал, что интеллигенция бессильна; необходимо участие рабочего класса; организованной силе правительства необходимо противопоставить неорганизованную силу народа. Личность — то посредствующее звено, которое соединяет идеал и действительность, свободу разума и экономическую необходимость. Марксизм — это реалистическая социалистическая программа, стратегия и тактика которой заключается в развитии революционного сознания в трудящейся массе; цели социал-демократии: политическая свобода и пролетарская революция. Главная проблема российской социал-демократии — это проблема последовательного западничества в социалистическом движении. Все эти идеи выражали идеалы и стремления европейских марксистских теоретиков-ортодоксов, соответствовали их вере в неуклонное движение Европы к социализму, в универсальность средств борьбы за пролетарскую революцию. Они близки и главным аргументам в обосновании идеи пролетарского социализма, высказанным Марксом и Энгельсом²⁴.

Споры в русской социал-демократии Плеханов понимал как проблему выбора пути: пойдет ли партия по пути преждевременного насаждения и разжигания революции, или она будет следовать марксовской логике развития пролетарской революции. Позднее оппозиция большевизму стала одной из главных жизненных задач Плеханова. В разные периоды своей деятельности возможность противостоять Ленину и его соратникам он видел то в меньшевизме, то в «обороничестве», то в единстве всех демократических движений и партий России. Но ни одна из этих сил, по его мнению, не справилась с данной задачей в полной мере. И все же, по общей направленности своих политических идей Плеханов ближе к установкам меньшевизма. Не случайно после поражения российской революции 1905–1907 годов он ратовал за «собрание рассыпавшейся храмины меньшевизма в России». «Нужно, — писал Плеханов П.Б. Аксельроду, — обратиться к меньшевикам в России, кликнуть клич между ними, и если бы нам удалось собрать хоть небольшую горсть их, мы должны дорожить этой горстью, которая положит начало будущему торжеству социал-демократических принципов над большевистским бакунизмом. Если мы не кликнем теперь клича к практикам, если помиримся с существованием в виде простого литературного течения, то мы не исполним своей прямой и ясной обязанности»²⁵.

Как известно, идеи ортодоксального марксизма Плеханова потерпели крах. Идеал Плеханова: в каждой стране, должна быть только одна социалистическая партия, подобно тому, как в каждой стране есть только один пролетариат. Действительность опровергла то понимание экономической, исторической, политической эволюции, которое было закреплено в ортодоксальном мышлении «русского марксизма». История подтвердила многомерность и альтернативность своего движения.

Ортодоксальные установки ушли из социал-демократической теории, практически позабыта политическая программа марксизма. Но осталась идея универсального преобразования мира и человека средствами политической трансформации как составляющая политической культуры российской интеллигенции, которая обрела одну из своих идентичностей в лице Плеханова.

Список литературы

1. Бакунин М.А. Государственность и анархия. Женева, 1873.
2. Бельский В.Ю., Бороздин А.Н., и др. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях: монография. М., 2017.
3. Бельский В.Ю., Журавлев Д.А., и др. Терроризм как социально-политическое явление. Противодействие в современных условиях. М., 2015.
4. Бэрн С.Г.В. Плеханов — основоположник русского марксизма. СПб., 1998.
5. Г.В. Плеханов — П.Б. Аксельроду, 29 января 1908 г. // Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода: В 2 т. Т. 2. М., 1925.
6. Гуторов В.А., Ширинянец А.А. Терроризм как теоретическая и историческая проблема: некоторые аспекты интерпретации // Полис. Политические исследования. 2017. № 3.
7. Дейч Л.Г. Как Плеханов стал марксистом // Пролетарская революция. 1922. № 7.
8. Дан Ф. К десятилетию смерти Плеханова // Социалистический вестник. 1928. № 11.
9. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.
10. Камынин И.А., Ширинянец А.А. П.Л. Лавров о государстве и социализме // Вестник Московского университета. Серия 12 Политические науки, 2007. № 4.
11. Ковалевский М.М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. Ч. 1. М., 1879.
12. Литературное наследие Г.В. Плеханова. Сб. 1. М., 1934.
13. Литературное наследие Г.В. Плеханова. Т. VIII. Ч. 1. М., 1940.
14. Лифшиц М.А. Г.В. Плеханов. Очерк общественной деятельности и эстетических взглядов // Лифшиц М.А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1988. Т. III. С. 107–187.

15. Маркс К., Энгельс Ф. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1947.

16. Маркс К., Энгельс Ф. Письмо Маркса — Фридриху Адольфу Зорге. 05.11.1880 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 34.

17. Николаевский Б. Вокруг юбилея Плеханова // Социалистический вестник. 1957. № 10.

18. Плеханов Г.В. Закон экономического развития общества и задачи социализма в России // Плеханов Г.В. Сочинения. Т. 1. М. 1924.

19. Плеханов Г.В. Наши разногласия // Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т. 1. М., 1956.

20. Плеханов Г.В. Открытое письмо к Либкнехту // Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода: В 2 т. Т. 1. М., 1925.

21. Плеханов Г.В. Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной Воли» // Плеханов Г.В. Сочинения. Т. XIII. М., 1924.

22. Плеханов Г.В. Предисловие к первому тому первого издания собрания сочинений // Плеханов Г.В. Сочинения. Т. 1. М., 1924.

23. Плеханов Г.В. Предисловие к русскому изданию «Манифеста коммунистической партии» // Плеханов Г.В. Сочинения. Т. 1. М., 1924.

24. Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба // Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т. 1. М., 1956.

25. Политическое завещание [Г.В. Плеханова] // Независимая газета. 1999. 30 ноября <http://www.ng.ru/ever/1999-12-01/plehanov1.html>

26. Прокудина Е.К., Шириняню А.А. Н.К. Михайловский и политическая культура пореформенной интеллигенции // Н.К. Михайловский: Человек. Мыслитель. Общественный деятель (к 175-летию со дня рождения): сб. науч. тр. Воронеж, 2017.

27. Шириняню А.А. Генезис русской интеллигенции, ее политической культуры в контексте европейского влияния // Адам элемі. Философиялық және қоғамдық-гуманитарлық журнал [Мир человека. Философский и общественно-гуманитарный журнал]. Алматы, 2015. № 1-2.

28. Шириняню А.А. Из истории самоопределения гражданского общества в России: разночинная интеллигенция 1860—1870-х годов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6.

29. Шириняню А.А. Интеллигенция, нигилизм и терроризм в России второй половины XIX — начала XX вв. // Вестник Московского университета МВД России. 2014, № 9.

30. Шириняню А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М., 2011.

31. Шириняню А.А. Русское общество и политика в XIX веке: русский революционный нигилизм // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012, № 1.

¹ См.: Шириняню А.А.

² Дан Ф. К десятилетию смерти Плеханова // Социалистический вестник. 1928. № 11. С. 6.

³ Николаевский Б. Вокруг юбилея Плеханова // Социалистический вестник. 1957. № 10.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1947. С. 206; К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 427.

⁵ Бакунин М.А. Государственность и анархия. Женева, 1873. С. 223–224.

⁶ Плеханов Г.В. Предисловие к первому тому первого издания собрания сочинений // Плеханов Г.В. Сочинения. Т. 1. М., 1924. С. 19.

⁷ Плеханов Г.В. Закон экономического развития общества и задачи социализма в России // Плеханов Г.В. Сочинения. Т. 1. М. 1924. С. 57.

⁸ См. об этом: Дейч Л.Г. Как Плеханов стал марксистом // Пролетарская революция. 1922. № 7. С. 96–128; Литературное наследие Г.В. Плеханова. Сб. 1. М., 1934. С. 202–220.

⁹ См.: Бэрн С.Г.В. Плеханов — основоположник русского марксизма. СПб., 1998.

¹⁰ Ковалевский М.М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. Ч. 1. М., 1879.

¹¹ Плеханов Г.В. Предисловие к русскому изданию «Манифеста коммунистической партии» // Плеханов Г.В. Сочинения. Т. 1. М., 1924. С. 150–151.

¹² Литературное наследие Г.В. Плеханова. Т. VIII. Ч. 1. М., 1940. С. 212.

¹³ Плеханов Г.В. Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной Воли» // Плеханов Г.В. Сочинения. Т. XIII. М., 1924. С. 28.

¹⁴ Плеханов Г.В. Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной Воли» // Плеханов Г.В. Сочинения. Т. XIII. М., 1924. С. 28.

¹⁵ См.: Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба // Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т. 1. М., 1956. С. 74.

¹⁶ Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба // Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т. 1. М., 1956. С. 76.

¹⁷ Плеханов Г.В. Наши разногласия // Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т. 1. М., 1956. С. 120–121.

¹⁸ В примечании к этой статье Лавров — редактор «Вестника» заявил о своем неполном согласии с автором — А.Ш.

¹⁹ Как продолжение полемики с близкими позициями Е. Дюринга мотивами народнической идеологии можно рассматривать и сознательное обращение к работе Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» (ее перевод на русский язык сделан В.И. Засулич и издан в 1884 г.).

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Письмо Маркса — Фридриху Адольфу Зорге. 05.11.1880 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 34. С. 380.

²¹ Лифшиц М.А. Г.В. Плеханов. Очерк общественной деятельности и эстетических взглядов // Лифшиц М.А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1988. Т. III. С. 107–187.

²² Лифшиц М.А. Г.В. Плеханов. Очерк общественной деятельности и эстетических взглядов // Лифшиц М.А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1988. Т. III. С. 184.

²³ Плеханов Г.В. Открытое письмо к Либкнехту // Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода: В 2 т. Т. 1. М., 1925. С. 236–237.

²⁴ См. об этом подробнее: Политическое завещание [Г.В. Плеханова] // Независимая газета. 1999. 30 ноября <http://www.ng.ru/ever/1999-12-01/plehanov1.html>

²⁵ Г.В. Плеханов — П.Б. Аксельроду, 29 января 1908 г. // Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода: В 2 т. Т. 2. М., 1925. С. 250.